

ПРОВ. 1961

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

53

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

53

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва. 1954

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — *А. Д. Удальцов*

Зам. ответственного редактора — *Т. С. Пассек*

члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибиков, М. П. Грязнов, Л. А. Евтюхова,

А. Ф. Медведев (отв. секретарь), Г. Б. Федоров

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Х. А. МООРА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ I—IV вв.
В ПРИБАЛТИКЕ

В начале нашей эры, в особенности со II в., значительно изменяется характер материальной культуры населения Прибалтики и расширяется территория расселения.

В эпоху неолита и раннего металла население обитало главным образом в низменных районах или по краям низин; теперь постепенно заселяются и возвышенности, осваиваются все пригодные для земледелия участки. Земледелие становится по всей Прибалтике основой хозяйства. Важное место в экономике продолжает занимать скотоводство. Прочно входят в обиход металлы — железо и бронза. Развивается домашнее ремесло, обработка металлов и ткачество. Обмен, хотя он и носит еще межплеменной характер, становится необходимым элементом всей экономики. При наличии земледелия и скотоводства другие занятия населения — рыбная ловля, охота, бортничество — имеют подсобное значение.

Соответственно развитию хозяйства изменялись и общественные отношения. Основной общественно-экономической ячейкой становится уже не родовая, а семейная община. В юго-западной части Прибалтики выделяются, повидимому, и одиночные, малые семьи, причем племенная организация не только сохраняется, но, очевидно, даже еще более крепнет. Ни в предшествующий, ни в последующие периоды территории разных племенных групп не прослеживаются на археологическом материале с такой четкостью, как именно в первые века н. э.

Опишем археологические памятники важнейших племенных групп этого периода.

Отдельную группу образуют памятники, расположенные в юго-западной части теперешней территории Латвии, в особенности же в прибрежной полосе Литвы и в бассейне нижнего течения р. Немана, в частности в окрестностях г. Каунаса, в районе впадения в Неман рек Дубисы и Нериса, а также по верхнему течению Дубисы и других северных притоков Немана (рис. 1). Для этой группы показательны могильники с трупоположениями в грунтовых ямах, сменяющие примерно со II в. н. э. характерные для предшествующей эпохи курганы с коллективными захоронениями в глиняных урнах. Переход от одного типа погребений к другому хорошо наблюдается в Курмайчях Кретингского района, где к курганам предыдущего периода непосредственно примыкают грунтовые погребения III—IV вв.¹

¹ Ср. П. Куликаускас. КСИИМК, вып. XLII, стр. 105, прим. 2.

Два больших грунтовых могильника с труположениями обнаружены в Шернай и Аукштакиемис близ г. Клайпеды. Они содержали большое число погребений. Так, в Аукштакиемисском вскрыто несколько сот могил, относящихся к периоду с III по X—XI вв. В юго-западной части Латвии

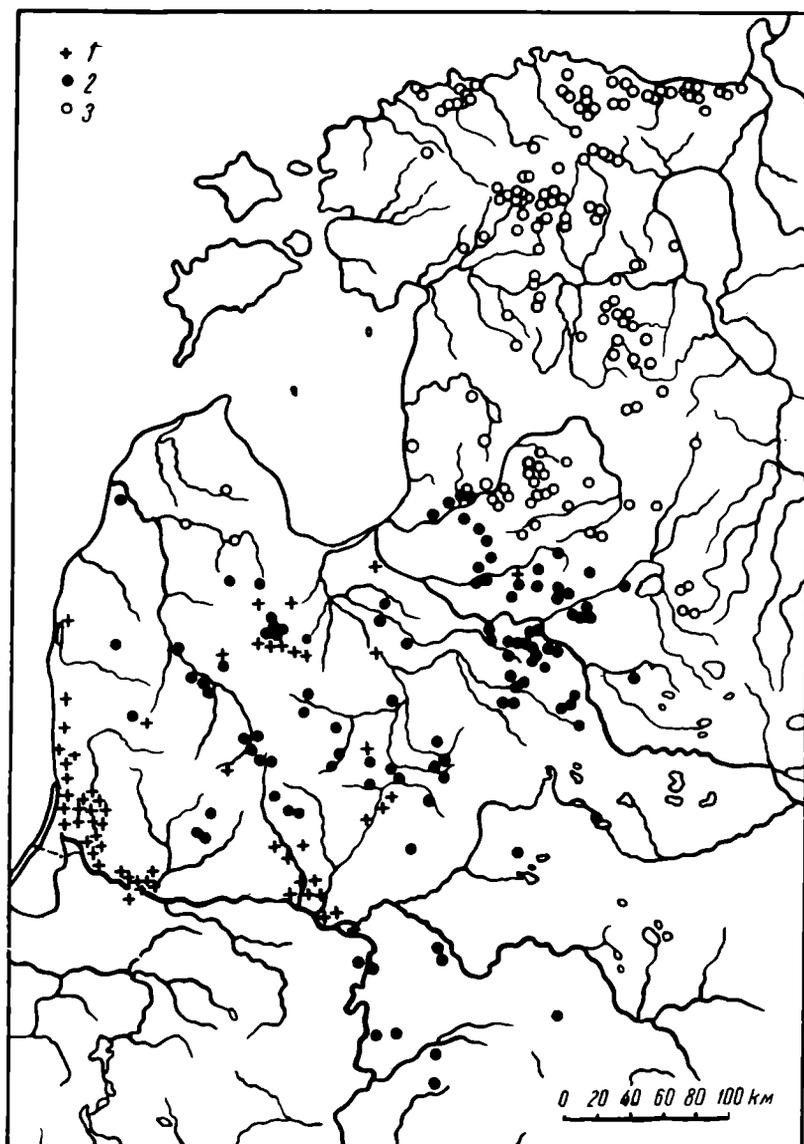

Рис. 1. Размещение могильников I—IV вв. в Прибалтике:

1 — грунтовые погребения; 2 — курганные могильники с коллективными захоронениями; 3 — каменные могильники с коллективными захоронениями.

известен могильник Мазкатужи (Руджава), существовавший со II по VI в. н. э.¹ Из могильников, расположенных выше по Неману, упомянем Эйгуляй, Саргенай и Середжюс недалеко от Каунаса. Близ Каунаса обнаружены некоторые могильники, просуществовавшие с начала III

¹ Данные по этим могильникам, с указаниями на соответствующую литературу, приводит Н. Моога. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. II. Opetatud Eesti Seltsi Toimetused XXIX, Tartu, 1938, стр. 40 и сл.

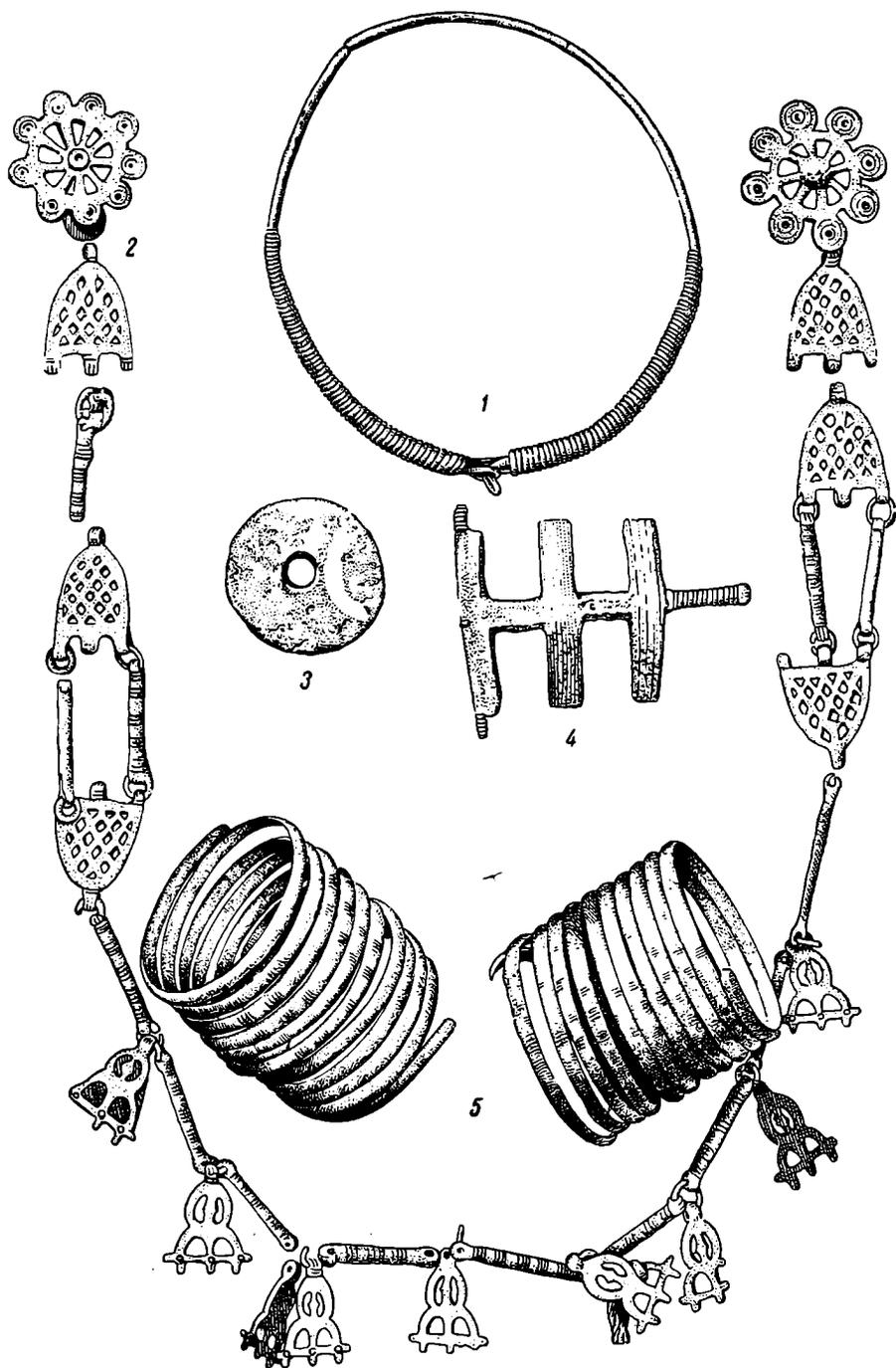

Рис. 2. Инвентарь женского погребения № 1 в Аукштакиемис близ Клайпеды (Литва):

1 — шейная гривна с обмотанными концами; 2 — нагрудное украшение, состоящее из двух булавок с розетовидными головками и ажурных бляшек; 3 — пряслице; 4 — перекладчатая фибула клайпедского типа; 5 — спиральные браслеты (1, 2, 4, 5 — бронза; 3 — глина).

до XII в., т. е. до ранней феодальной эпохи, например большой и богатый Вершвайский некрополь¹.

Эти могильники расположены обычно на участках, занятых полями, причем в описаниях во многих случаях указывается, что вблизи протекает река и имеются луга. На поверхности земли в местах погребений нет ни сооружений, ни каких-либо особых примет. В западных районах Литвы (Клайпедский, Кретингский р-ны) нередко наблюдаются под дерновым слоем, на глубине 15—20 см над погребениями, каменные оградки неправильных форм²; но оградки не всегда соответствуют расположенным под ними могильным ямам. В могильных ямах и вокруг них часто встречаются следы погребальных костров — угли и слои углистой земли. Ямы обычно глубиной в 0,3—0,6 м, а иногда достигают и 1,5 м. В некоторых могилах наблюдались остатки долбленых деревянных колод.

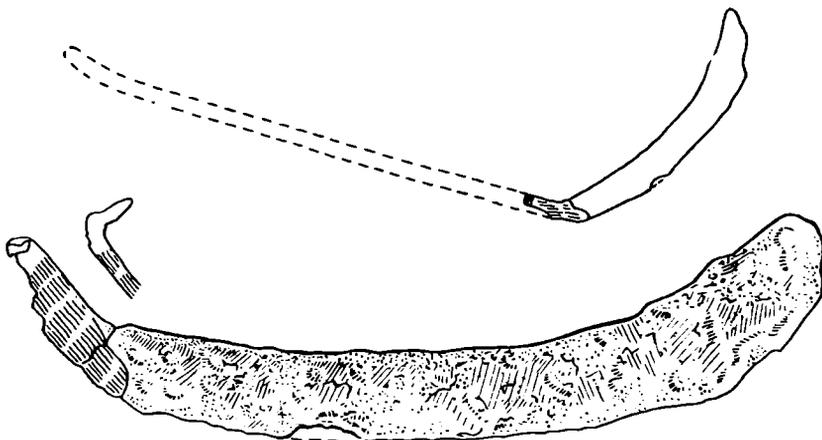

Рис. 3. Коса-горбуша из Мазкатужи Лиепайского р-на (Латвия) и схема прикрепления ее к древку (по находкам из Латена)

Большинство погребений сопровождается богатым инвентарем, хотя обнаружены могилы и без инвентаря. При отдельных погребениях найдены драгоценные для того времени предметы: серебряные шейные гривны, медные римские монеты, железные умбоны от щитов и другие вещи, свидетельствующие о наличии некоторой, хотя еще и не особенно резкой имущественной дифференциации.

Инвентарь, найденный в грунтовых могильниках, позволяет отметить ряд местных особенностей. Наиболее своеобразные черты выявляются при анализе материалов из могильников в окрестностях Клайпеды. Для женских погребений этого района характерны шейные гривны с обмотанными или с конусовидными концами, ожерелья из янтарных или стеклянных бус, спиральные и других форм браслеты; одежда застегивалась бронзовыми или железными булавками, или фибулами. Среди фибул нередко встречаются глазчатые, чаще разновидности профилированных и арбалетных фибул. Особую местную форму представляет так называемый клайпедский вариант перекладчатой фибулы. Следует также упомянуть булавки с головкой в виде ажурного колесика, или розетки. К подобным булавкам, найденным в более богатых могилах, были привешены нагрудные украшения из ажурных бляшек и цепочек (рис. 2).

¹ Senove, IV, Kaunas, 1938, стр. 41, 45, 46, 70; V. D. Kulturos Muziejaus Metrastis. Kaunas. 1941, стр. 28; П. Куликаускас. Исследование археологических памятников Литвы. КСИИМК, вып. XLII, стр. 100.

² П. Куликаускас. Указ. соч., рис. 31—2.

Особенностью инвентаря грунтовых погребений являются также миниатюрные глиняные сосуды, изготовленные небрежно и предназначенные, судя по этому, только для погребального ритуала. Нередко встречаются, как уже отмечалось, медные римские монеты. Они лежат обычно в особой берестяной коробочке у головы захороненного. Из орудий труда при женских погребениях обнаружены пряслица и ножи. Инвентарь грунтовых могил более восточных районов в некоторых деталях (формы гривен, браслетов, булавок) отличается от материалов, собранных в западных могильниках.

В мужских погребениях, помимо некоторых предметов украшения (шейные гривны, браслеты), чаще всего встречаются железные наконечники копий, ножи, втульчатые топоры, а также косы-горбуши. Последние (рис. 3) появляются в могилах примерно с III в., прежде всего в окрестностях г. Клайпеды, распространяясь затем постепенно на восток и северо-восток. Вначале косы-горбуши были длиной около 30 см, позже — несколько длиннее. Это сравнительно тяжелое орудие, прикреплявшееся к древку длиной примерно в 70 см, без всякого сомнения служило для укоса травы. Его появление, таким образом, указывает на рост заготовки сена, что, по всей вероятности, связано с переходом к стойловому содержанию скота. Начало стойлового содержания соответствует, как показывают этнографические параллели, обычно началу использования скота в качестве тягловой силы при обработке земли. Если предположить, что земледелие в области распространения описываемой группы было в этот период не только подсечно-мотыжным, как прежде, но отчасти уже и пашенным, то становится понятным распад семейных коллективов на отдельные семьи. Это отражается и в переходе от коллективных захоронений к одиночным и в развитии известного имущественного неравенства.

Исключительно богатым для своего времени инвентарем отличалось двойное погребение мужчины и женщины в Вершвай близ Каунаса (рис. 4). При мужском костяке найдена железная булавка с загнутой в виде колечка головкой, нож и крупных размеров втульчатый топор. При женском, кроме обычного убранства, состоявшего из ряда бронзовых браслетов, нагрудных цепочек и ожерелья из стеклянных бус, обнаружено пять лишних бронзовых гривен (четырёх разных форм), ожерелье из бронзовых пронизок и подвесок (рис. 5 а и 5 б) и бронзовый сосуд римской работы. В отдельных богатых мужских погребениях встречены бронзовые или

Рис. 4. Двойное погребение мужчины и женщины в Вершвай близ Каунаса.

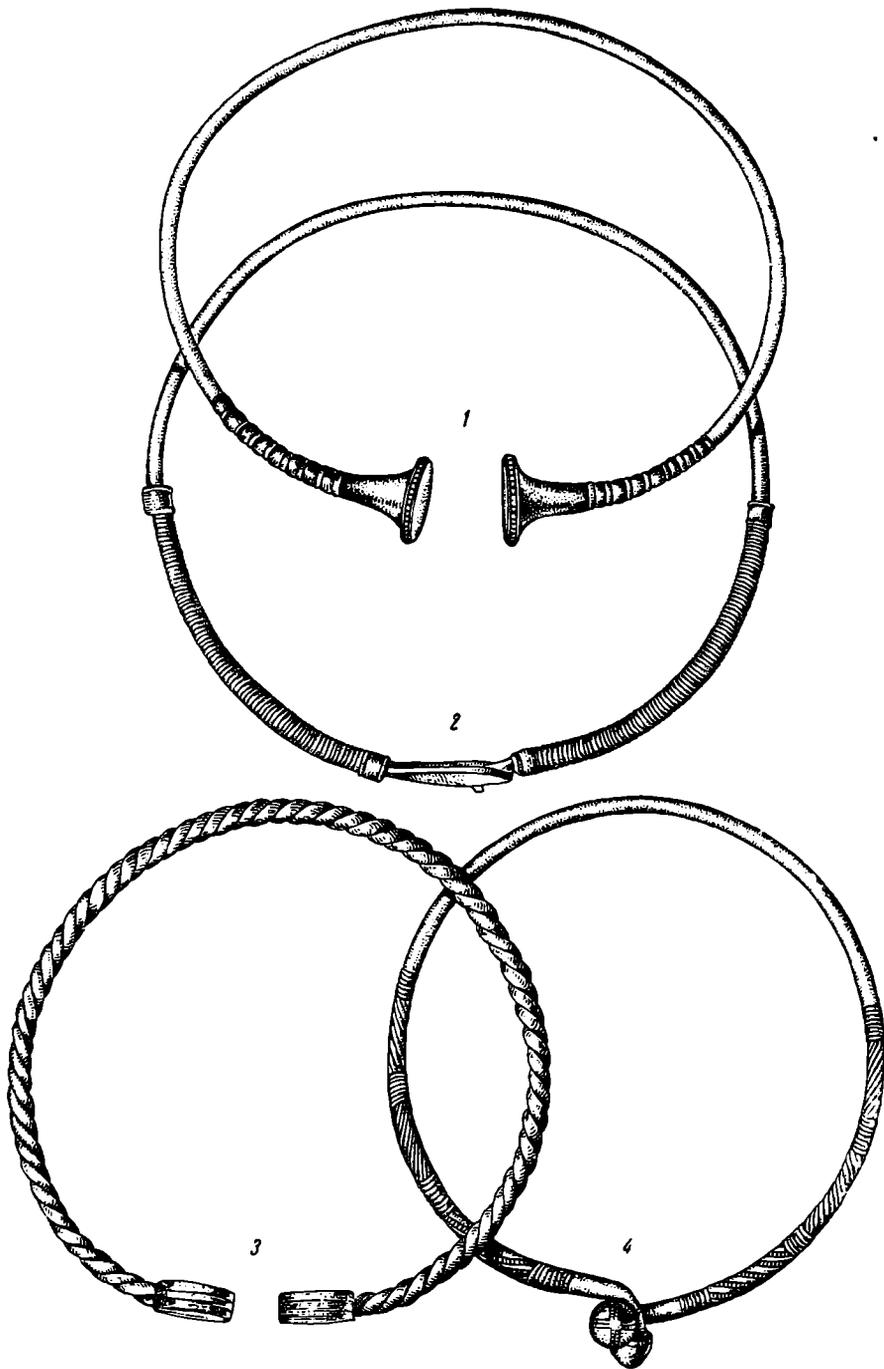

Рис. 5а. Бронзовые шейные гривны из двойного погребения в Вершвай близ Каунаса:
 1 — шейная гривна с растробовидными концами; 2 — одна из двух шейных гривн с лотковидным концом;
 3 — вятая гривна; 4 — гривна с конусовидными шляпками на концах.

железные шпоры — принадлежность знатных всадников. Таким образом, по инвентарю отдельных богатых погребений можно совершенно четко проследить начало имущественной дифференциации населения.

Могильники, расположенные в окрестностях Клайпеды и в соседней юго-западной части территории Латвии, надо считать памятниками куршей. На основании того факта, что в пределах нынешней Латвии обнаружены

лишь отдельные памятники этого типа, бóльшая же часть их размещается близ Клайпеды, следует сделать вывод, что именно тут и находилась коренная территория куршей. Группу могильников, сосредоточенную в низовьях р. Немана, следует, по всей вероятности, приписать родственным куршам скальвам, поскольку позднейшие письменные источники упоминают скальвов именно в этом районе.

Грунтовые могильники, расположенные выше по Неману и по его северным притокам, являются, повидимому, памятниками жемайтских племен. Необходимо, однако, оговориться, что литовские памятники изучены пока еще сравнительно слабо. Поэтому нельзя еще с полной уверенностью относить определенные группы их к тем или другим племенам.

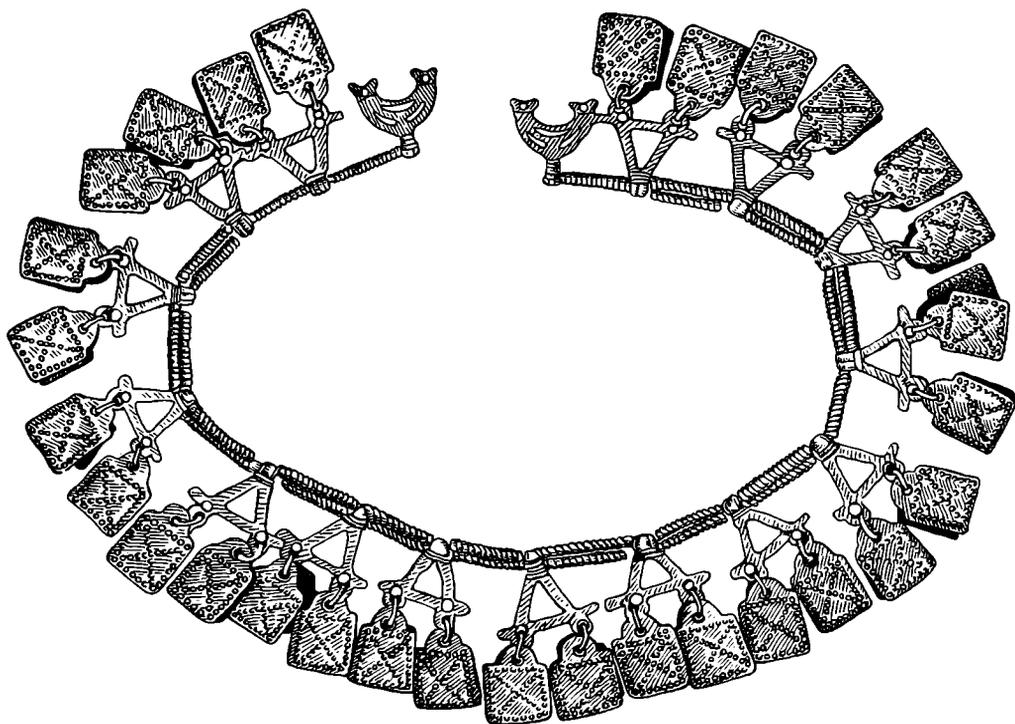

Рис. 56. Бронзовое ожерелье из провизок и подвесок из двойного погребения в Вершвай

Особое место занимают курганные могильники с коллективными захоронениями. Этот тип распространен в средних и восточных районах Литвы и на юге Латвийской ССР, за исключением ее самой юго-западной части.

Курганы встречаются обычно группами в 3—5 насыпей. Иногда же насчитывается десяток или два, а в некоторых случаях даже до 30 и более курганов. Количество известных нам курганных могильников превосходит во много раз число выявленных в этих районах могильников предшествующего периода. Последние обнаружены большей частью по коренным берегам речных долин или краям низин, между тем как курганы расположены главным образом в возвышенных районах и распространены более равномерно. Значительное число их известно на Западно-Литовской или Жемайтской возвышенности, другая группа занимает в Латвии восточные и юго-западные склоны Курземской возвышенности, третья размещается в восточной части Литвы, в возвышенной Аукштайтии отмечено также некоторое, правда сравнительно небольшое, число курганов этого периода. Весьма

характерно для курганных могильников расположение их среди полей или по краям полевых участков.

В качестве одного из наиболее типичных могильников этого рода в Литве назовем курганную группу в Виздергай у Куршенай в Жемайтии — первый хорошо описанный в литературе (Т. Даугирдасом¹) памятник рассматриваемого типа. Курганная группа содержала 20 насыпей, из которых большинство раскопано Т. Даугирдасом. В конце прошлого века раскапывались подобные курганы в Межонис² и Пакальнишкяй³. Большое число

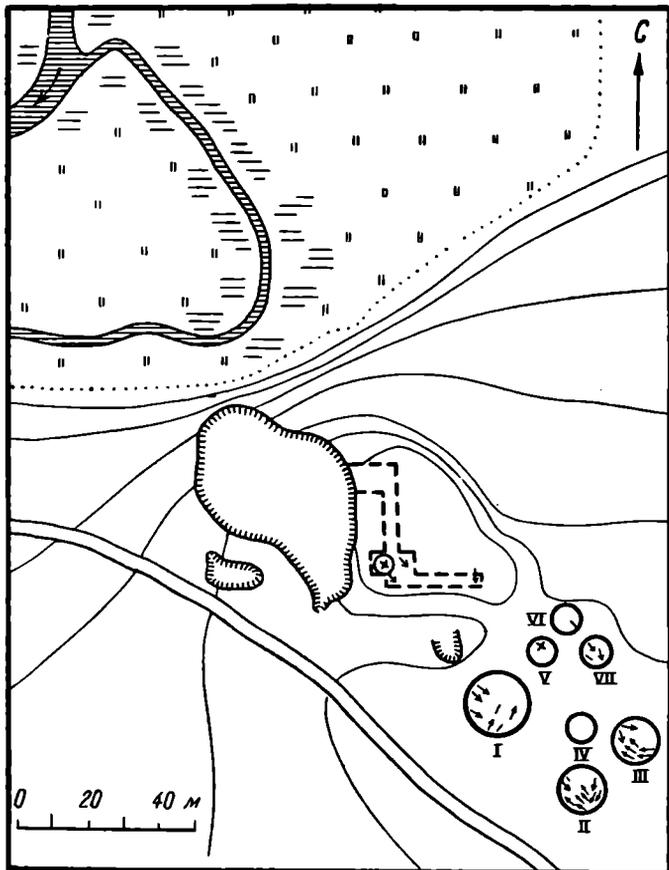

Рис. 6. Расположение курганного могильника (I—VII) и грунтовых погребений (стрелочки и крестики) в Русиши Аудского р-на (Латвия). В середине плана — ямы для выемки песка, направо от них — раскоп.

(36) курганов было вскрыто И. С. Абрамовым в 1909—1910 гг. в Рагиненай, в 35 км юго-восточнее г. Шауляй⁴. А. А. Спицын называл по этому местонахождению всю культуру курганных могильников рагинянской. В настоящее время этот термин надо признать устаревшим. В течение последних десятилетий производились раскопки курганов в Павекиай и Гибайчяй, также недалеко от г. Шауляй⁵. Одним из первых исследователей курганов этого периода на территории Латвии был С. К. Богоявленский, вскрывший в 1895 г., во время подготовки X Археологического съезда в Риге, несколько курганов в Слате (в юго-восточной части Латвийской ССР), где обнаружено три группы в 16, 12 и 2 насыпи. Большая часть их раскопана и опубликована уже после работ С. К. Богоявленского⁶.

Из курганных могильников в западных районах Латвии упомянем три кургана в Ийле Аудского района и семь в Русиши того же района (рис. 6). В Русиши рядом с курганами встречены грунтовые могилы, напоминающие в известных отношениях подобные погребения последних веков до н. э.⁷

¹ Pamiętnik Fizyograficzny, t. VIII, Dział IV, стр. 3—17.

² Труды IX АС в Вильно, т. II, стр. 168 и сл.

³ ИАК, 2, стр. 95 и сл.; Swiatowit, t. III, стр. 85 и сл.

⁴ ОАК за 1909—1910 гг., стр. 170 и сл.; Ф. Д. Гуревич. Рагинянский могильник, КСИИМК, вып. XXXV, стр. 56 и сл.

⁵ Senove, IV, Kaunas, 1938, стр. 43, 51.

⁶ Описание латвийских могильников и соответствующую литературу до 1937 г. приводит Н. Моога. Указ. соч., стр. 21 и сл.

⁷ Senatne un Maksla, I, Riga, 1939, стр. 45 и сл.

Курганы этого типа обычно имеют высоту около 1 м при диаметре в среднем 10 м. Для них весьма характерен венец из валунов, нередко крупных, сложенный на материке и опоясывающий среднюю часть насыпи, содержащую захоронения. Венец перекрыт насыпью и обнаруживается только при вскрытии кургана на расстоянии примерно 2 м от его краев (рис. 7). Погребения находятся на разных высотах. Первое лежит обычно в центре кургана на материке, последующие располагаются выше. Для наиболее

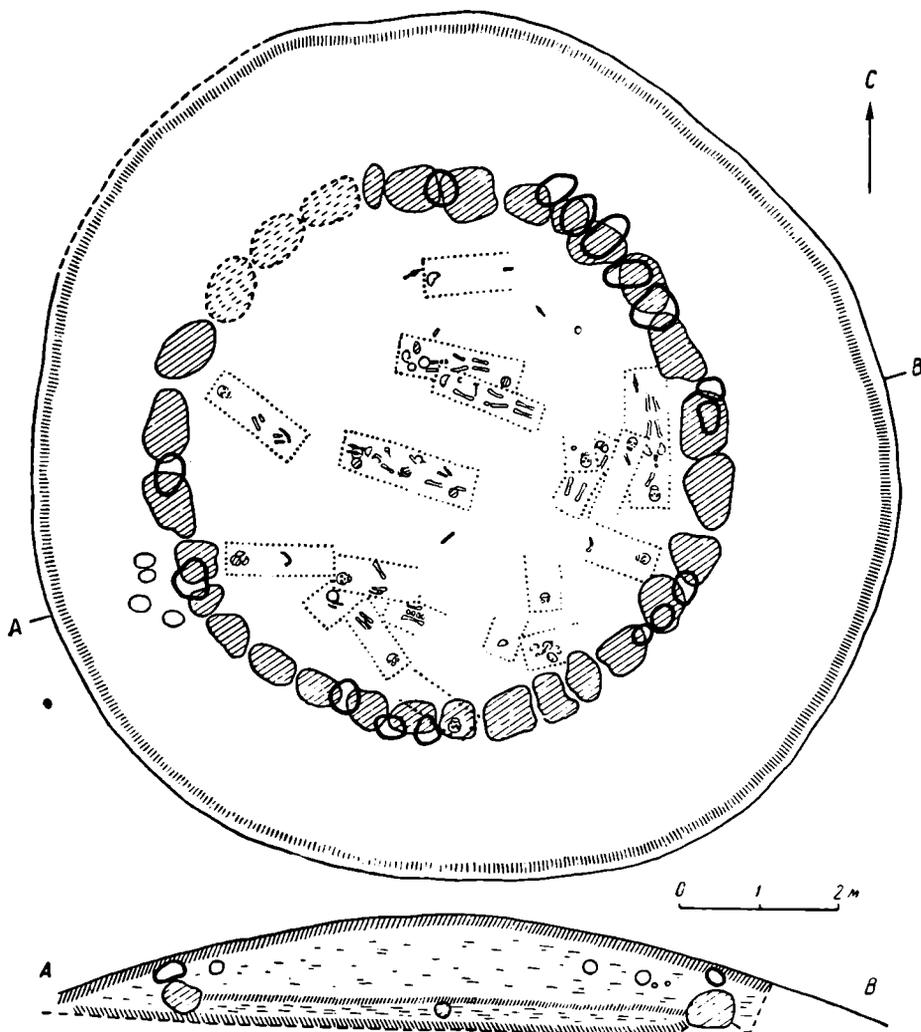

Рис. 7. План и профиль одного из курганов в Слате Акнистского р-на (Латвия). Отдельные погребения обозначены пунктиром. Средняя часть кургана, опоясанная венцом из валунов, имеет на материке подсыпку из светлого песка.

древних погребений характерна ориентировка на запад и на восток, более поздние погребения определенной ориентировки не имеют. Курганы насыпаны, повидимому, постепенно, по мере того как прибавлялись захоронения. Отдельные насыпи использованы для захоронений в течение сотни или даже двух сот лет и, вероятно, представляют собой семейные усыпальницы. Курганная группа принадлежала, очевидно, семейной общине.

В районах Жемайской и Курземской возвышенностей в могильниках этого типа совершали захоронения со II до IV в. и лишь в некоторых случаях дольше. С IV в. насыпи становятся сравнительно низкими и

расплавчатыми. Курганы постепенно уступают место грунтовым одиночным захоронениям. Грунтовые могильники появляются в Жемайтии, отчасти и на западе Курземе, уже сравнительно рано — со II — III вв. и существуют одновременно с курганами. Иногда (например, в Занте Ауцского р-на) насыпи содержат только по 1—2 захоронения. Переход от курганов с коллективными захоронениями к одиночным погребениям в грунтовых ямах (или курганах) знаменует, совершенно очевидно, распад семейной общины и выделение одиночных семей. Судя по характеру погребений, этот процесс начался у жемайтов и земгаллов несколько позже, чем у куршей, но раньше, чем у более восточных балтийских племен. В восточных районах Литвы и Латвии курганные могильники с коллективными захоронениями бытовали несколько дольше; однако и там, начиная с V—VI вв., они постепенно сменяются грунтовыми могильниками, не имеющими над погребениями никаких сооружений. Только в восточной Литве, в Аукштайтии, курганы бытовали и позже, но содержали большей частью одиночные захоронения, причем с V—VI вв. совершается переход к трупосожжению, между тем как раньше в курганах господствовал обряд трупоположения.

В курганах умершие погребались в праздничном наряде, нередко с богатыми бронзовыми украшениями и с железными орудиями труда и оружием. В погребальном инвентаре, сходном в общих чертах по всей области распространения курганных могильников, можно отметить ряд местных особенностей. Предметы украшения сделаны почти исключительно из бронзы. Среди вещей, изготовленных из других материалов, можно назвать стеклянные бусы, встречающиеся в небольшом количестве в курганах западных частей Литвы и Латвии. Серебро почти не известно. Из украшений, общих для этого и предыдущего периодов, назовем височные подвески в виде плоских спиралей (рис. 8—1). Позже они сменились литыми пластинками (рис. 8—2), которые являются одной из особенностей инвентаря курганов в Жемайтии. Особой популярностью пользовались на территории Литвы и Латвии шейные гривны, найденные в большом количестве. В женских погребениях они нередко встречаются по три экземпляра. Для начала разбираемого периода обычны шейные гривны с растробовидными концами или же витые со сравнительно большими петлями на концах (ср. рис. 9—2 и рис. 5а—1, 3); подобная была найдена в Межигорье, близ Киева¹. Позже, начиная с III в., становятся обычными гривны с конусовидными (рис. 9—1) или обмотанными концами, а с особенно высокими конусами (рис. 8—3) характерны для IV—V вв. на территории восточных районов Латвии. По сравнению с восточно-латвийскими украшениями, западно-латвийские и литовские менее массивны (ср. рис. 9). Своеобразной чертой погребального инвентаря литовских, в частности жемайтских, курганов являются находки гривен с обмотанными концами, с крючком на одном и петлей в виде лотка на другом конце (рис. 5а—2). В курганах западных районов Латвии и Литвы встречаются также ожерелья из бронзовых или стеклянных бус и бронзовых подвесок (рис. 5б).

В большом количестве попадают браслеты. Обычно — это плоские или массивные браслеты с круглым, треугольным или шестиугольным поперечным сечением (рис. 8—5, 6); и те и другие суживаются на концах и орнаментированы несложной штриховкой и глазками. Встречаются также спиральные браслеты.

Весьма типичны нагрудные украшения — булавки с привешенными к ним цепочками. Булавки, как и фибулы, были не только предметами украшения, но и служили застежками для одежды. Фибулы, из которых наиболее часты глазчатые, профилированные и перекладчатые, встречаются

¹ ЗРАО, т. V, вып. 1, стр. 170, табл. XXXII.

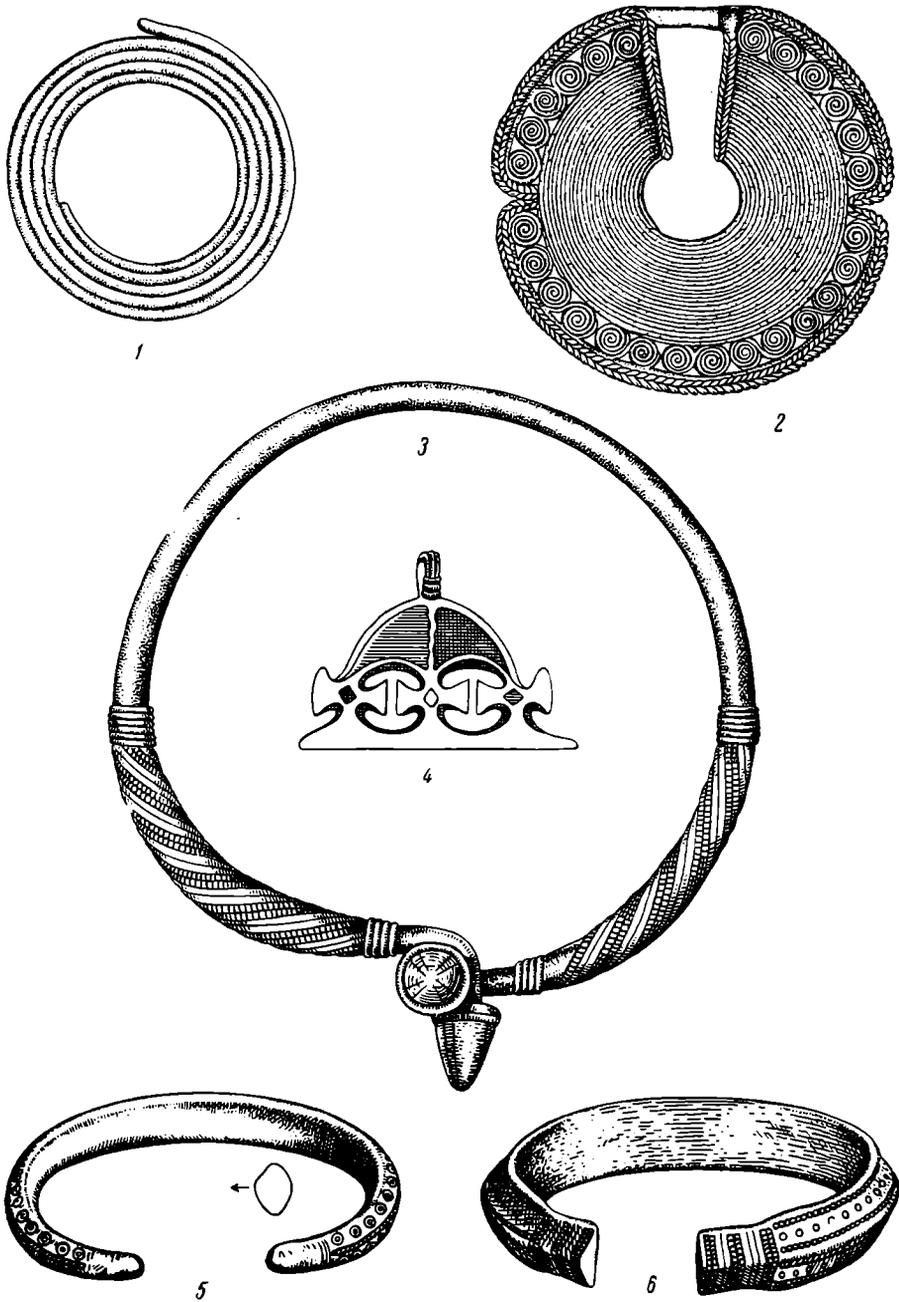

Рис. 8. Некоторые типы бронзовых украшений, характерные для курганных могильников:

1 — спиральное височное кольцо из Лаздини Талсиского р-на (Латвия); 2 — височная подвеска из Пакаалишкяй (Литва); 3 — шейная гривна с высокими конусовидными шляпками на [концах (Серпилс, Латвия); 4 — подвеска в виде лунницы, с цветной эмалью (Межонис, Литва); 5, 6 — браслеты из Слате Акнистского р-на и Вяцсаука Неретского р-на (Латвия).

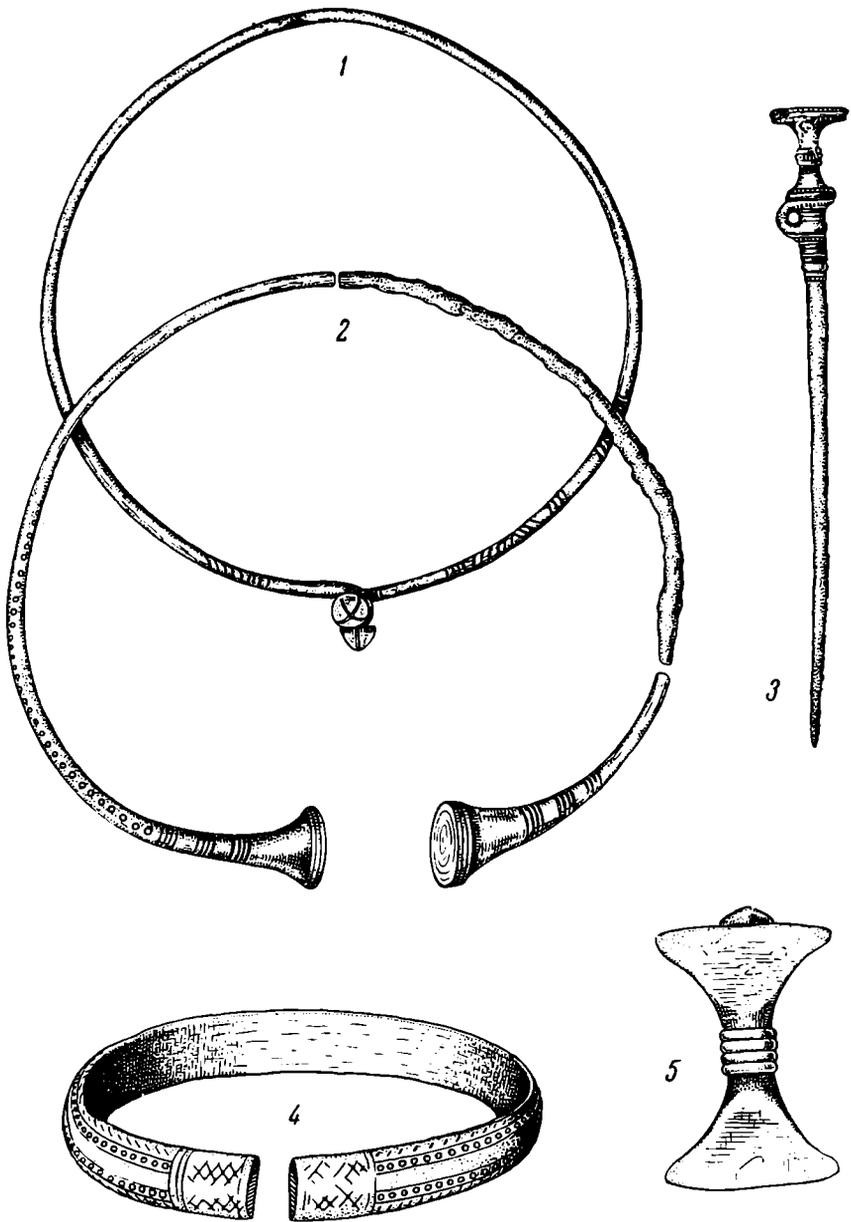
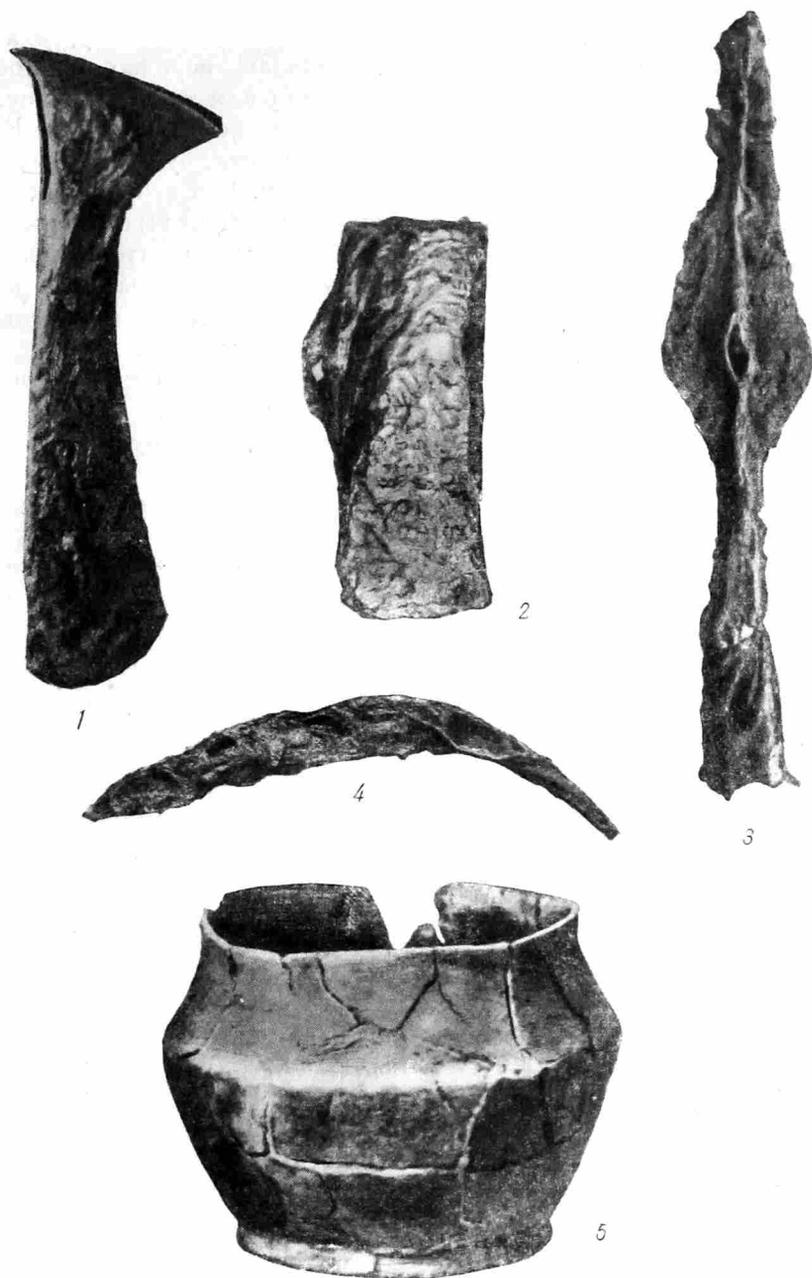

Рис. 9. Некоторые бронзовые украшения из земгалльского кургана в Ийле Ауцского р-на (Зап. Латвия):

1, 2 — шейные гривны с конусовидными и раструбовидными концами; 3 — нагрудная булава с головкой в виде катушки; 4 — браслет; 5 — пряжка.

Рис. 10. Железные предметы и глиняный сосуд из курганов и каменных могильников на территории Латвии:

1 — узколезвийный топор из Селпилс; 2 — втульчатый топор из северной Латвии; 3 — наконечник копья из Слате Акнистского р-на; 4 — нож с изогнутым черенком из Боки Екабпилсского р-на; 5 — сосуд из Салениекс Резекнского р-на.

главным образом в могильниках, расположенных в западных частях Литвы и Латвии, в восточных же курганах они очень редки, так как одежда застегивалась почти исключительно булавками. Из булавок сохранились чаще всего бронзовые, но встречаются и железные. Бронзовые обычно имеют головку в виде колесика или в форме катушки (рис. 9—3); у железных же головной конец загнут колечком. К булавам нередко прикреплялись бронзовые цепочки с привесками в виде лунниц или треугольников. Подобные привески имеются, впрочем, и у некоторых шейных гривен. В восточных районах Литвы найдены цепочки и привески, украшенные цветной эмалью (рис. 8—4), и подковообразные пряжки. Все эти украшения с выемчатой цветной эмалью имеют близкие параллели в материалах из Приднепровья, с которым у населения восточных частей Прибалтики были тесные взаимосвязи.

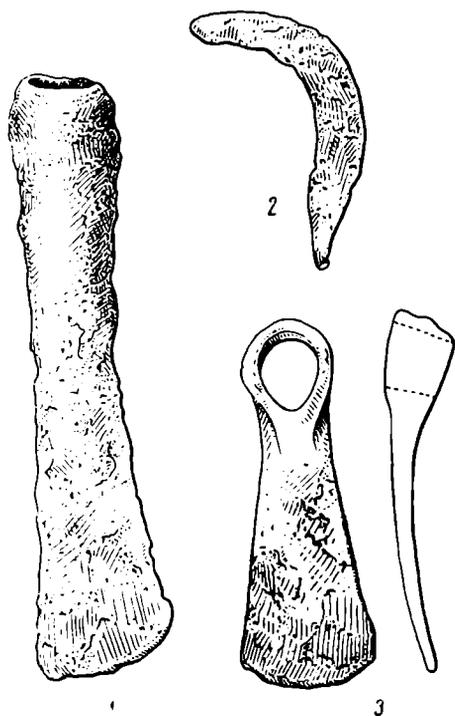

Рис. 11. Железные орудия из курганов на территории Латвийской ССР:

1, 3 — втульчатый топор и мотыга из Ийле Ауцского р-на; 2 — косарь из Саленки Резекненского р-на.

являлись косарями, т. е. орудием, применявшимся при подсечном земледелии для вырезывания веток (рис. 11—2). На это указывает их полное сходство с орудиями, известными по этнографическим материалам и применявшимся еще в XIX в. Наличие косарей и тяжелых проушных топоров в восточных курганах свидетельствует о большой роли подсечного земледелия в хозяйстве этих районов. Особенностью курганов средней части южной Латвии, к которым относится и упомянутый выше могильник в Ийле, являются железные мотыги, часто встречаемые при женских погребениях начала III в. и более позднего времени (рис. 11—3). Эти районы Латвии отличаются суглинистой почвой, а следовательно, требовалось особое орудие, приспособленное для разрыхления земли и разбивания комьев. Подобные мотыги применялись на севере нашей страны при подсечном земледелии почти до XIX в., причем всегда были женским орудием. Отличительной чертой комплекса земледельческих орудий, бытова-

Своеобразны в инвентаре курганных могильников также железные орудия труда и оружие. Ножи обнаружены при мужских и женских погребениях; мужские нередко также сопровождаются топорами, которые можно разделить на две категории — втульчатые и проушные. Втульчатые характерны для западных частей Литвы и Латвии; на востоке преобладают проушные топоры. Последние имеют, как и втульчатые, узкое лезвие, но они в общем тяжелее втульчатых и были, повидимому, эффективнее при рубке леса (рис. 10—1). Преимущественно при мужских погребениях найдены ножи особой формы: с изогнутым черенком (рис. 10—4). Они применялись, вероятно, для срезывания веток с кустов и деревьев для мелкого рогатого скота. Это орудие наиболее часто встречается в восточных районах Латвии. В восточных же курганах нередко попадаются орудия, считавшиеся прежде серпами. Однако

в действительности некоторые из них

ших в средних районах Литвы — Жемайтии, является особая форма серпов с загнутым концом. Такие серпы встречаются в курганах этой части Литвы примерно с IV в.

При мужских погребениях мы находим обычно наконечники копий, чаще всего по одному, реже по два, при анализе которых можно отметить ряд локальных особенностей, свидетельствующих о местной обработке железа.

Таким образом, на территории распространения курганных могильников можно установить по украшениям и по типам железных орудий несколько местных групп. Своеобразие орудий труда указывает на то, что различия между местными группами являлись не только отражением разных традиций, но и возникали в результате некоторых особенностей хозяйства. Так как географическое положение территорий распространения этих локальных групп в общем соответствует известным нам из более поздних письменных источников племенным территориям, то не может быть сомнения в том, что эти различия в материальной культуре свидетельствуют о принадлежности памятников разным группам племен.

Курганы западной части средней Литвы, в которых сравнительно часто встречаются серпы с загнутым концом, фибулы, гривны с лотковидным концом и, между прочим, немало римских привозных вещей, следует приписать жемайтам — жмуди.

Сравнительно немногочисленные курганные могильники восточных районов Литвы (например, могильник в Межонис), для инвентаря которых свойственны узкие проушные топоры, гривны с лотковидными концами и общие с восточнославянскими племенами украшения с цветной эмалью, следует считать аукштайтскими.

Курганы западной части южной Латвии, бассейна р. Лиелупе, для материалов которых характерны железные мотыги, сравнительно многочисленные фибулы и другие украшения, сходные в общем с западнолитовскими, являются памятниками земгаллов. Наконец, курганы юго-восточных районов Латвии, в особенности окрестностей городов Екабпилс и Мадона, для которых типичны узкие втульчатые топоры, гривны с высокими конусовидными концами и разные виды массивных браслетов, следует приписать племенам селов и латгаллов.

В северной полосе территории Латвийской ССР, к северу от черты, проходящей через город Цесис и южную оконечность Лубанского озера, и на всей территории Эстонской ССР распространены совершенно иного типа плоские каменные могильники с оградками. Они характерны и для северной части Курземе (Курляндии) к северу от реки Абавы (рис. 1). Могильники с оградками возникают в I в. н. э. и генетически связаны с характерными для предшествующего периода каменными курганами с ящиками. Каменные ящики исчезают, остается только опоясывавшая курган кругообразная или, обычно, прямоугольная оградка из крупных валунов, а на севере Эстонии — из известняковых плит.

Оградки всегда имеют определенную ориентировку и направлены, как и каменные ящики предшествующего периода, длинной осью с севера на юг¹. Их длина составляет обычно 6—8 м, ширина 2—2,5 м. Площадь, обнесенная оградкой, выложена валунами несколько меньших размеров, чем те, из которых состоит оградка². Между валунами находятся погребения, прикрытые булыжником и слоем земли. Ограды обложены и с наружной стороны краевой кладкой (шириной примерно в 2 м), состоящей из валунов,

¹ Описание этого типа могильников и литература даются в работах: Н. Моога. Указ соч., стр. 1 и сл.; М. Х. Шмидегельм. Каменные могилы в северо-восточной Эстонии. КСИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 76 и сл.

² Один типичный могильник с оградками воспроизведен в КСИИМК, вып. XLII, стр. 35, рис. 7, другой — в СА, XVII, стр. 110, рис. 4.

булыжников и земли. Построенные таким образом каменные могильники возвышаются над поверхностью земли на 0,4—0,6 м.

Погребения в каменных оградках коллективные (в среднем по десять захоронений). В каждой ограде захоронения производились в течение ста—двухсот лет, а иногда и более продолжительное время. До II в. преобладает обряд труположения, а позже — трупосожжения. Разные погребения обычно совершенно смешаны, так что нельзя различить ни отдельных погребений, ни их инвентаря.

В слабозаселенных окраинных частях Эстонии и Латвии каменные могильники невелики и состоят из одной или двух небольших оградок. В основных же населенных центрах они значительно крупнее и включают до десяти и более оград, пристроенных непосредственно друг к другу, причем, что весьма характерно, всегда с западной или восточной стороны, отчего весь могильник в западно-восточном направлении достигал в длину 30—50 м, а в отдельных случаях даже 100 м. Такими крупными могильниками являются: обширная каменная кладка Калн-Славякас и др. в окрестности г. Рауны в северной Латвии, Ягупи, несколько южнее г. Тарту в Эстонии, Нурмси около г. Пайде в средней Эстонии, группа каменных могильников в Ябара, на северо-восточном побережье Эстонии и т. д. Одиночные оградки встречаются в окрестностях Таллина. Наиболее известен из них могильник в Курна, примерно в 10 км южнее Таллина¹.

Каменные курганы предыдущего периода обычно располагались группами, главным образом по окраинам низин и речных долин, тогда как каменные могильники первых веков н. э. обычно одиночные, реже по два-три, и распространены на значительно более широких территориях, в особенности в возвышенных районах, покрывавшихся в предыдущие века еще девственным лесом. Теперь они встречаются всегда среди полей, нередко вблизи нынешних поселений. Распространение многочисленных каменных могильников четко отражает расселение в начале нашей эры (в связи с ростом роли земледелия) обитателей Эстонии и северной Латвии на более обширных пространствах и выбор ими пригодных для первобытного земледельческих участков. Каменные могильники с оградками принадлежали, очевидно семейным общинам, которые, как можно судить по этнографическим параллелям, в условиях подсечного земледелия представляют основную социально-экономическую ячейку. Только большим семейным коллективам могла быть под силу доставка на места усыпальниц массы камней, крупных валунов и постройка из них монументальных сооружений.

Начиная с конца IV в., в особенности с V в., к каменным могильникам новых оградок больше не пристраивается. Однако погребение в них продолжается: умершие кладутся либо в прежние оградки, либо для них прибавляется к могильнику лишь небольшая куча или кладка камней. Захоронения с этого времени приобретают одиночный характер.

Каменные могильники богаты инвентарем. До конца II в. в них встречаются орудия и оружие из железа, украшения из бронзы и других материалов. Позже в погребальном инвентаре встречаются исключительно предметы украшения, а из орудий труда только ножи. Инвентарь погребений I—II вв. состоит из втульчатых топоров, часто особой их разновидности — топоров с ушком (рис. 10—2), железных, реже бронзовых, булавок и простых узких или более широких выемчатых с внутренней стороны бронзовых браслетов (рис. 12—6)². С конца II в., в особенности же с III в., для застегивания одежды начинают применять фибулы разных типов: глазчатые профилированные, перекладчатые (рис. 12—3, 5), арбалетовидные и др.

¹ A. Friedenthal. Das Gräberfeld Journal. Kirchspiel St. Jürgens. Harrien, Estland. Reval, 1911.

² М. X. Шмидежельм. Указ. соч., рис. 26—9-12.

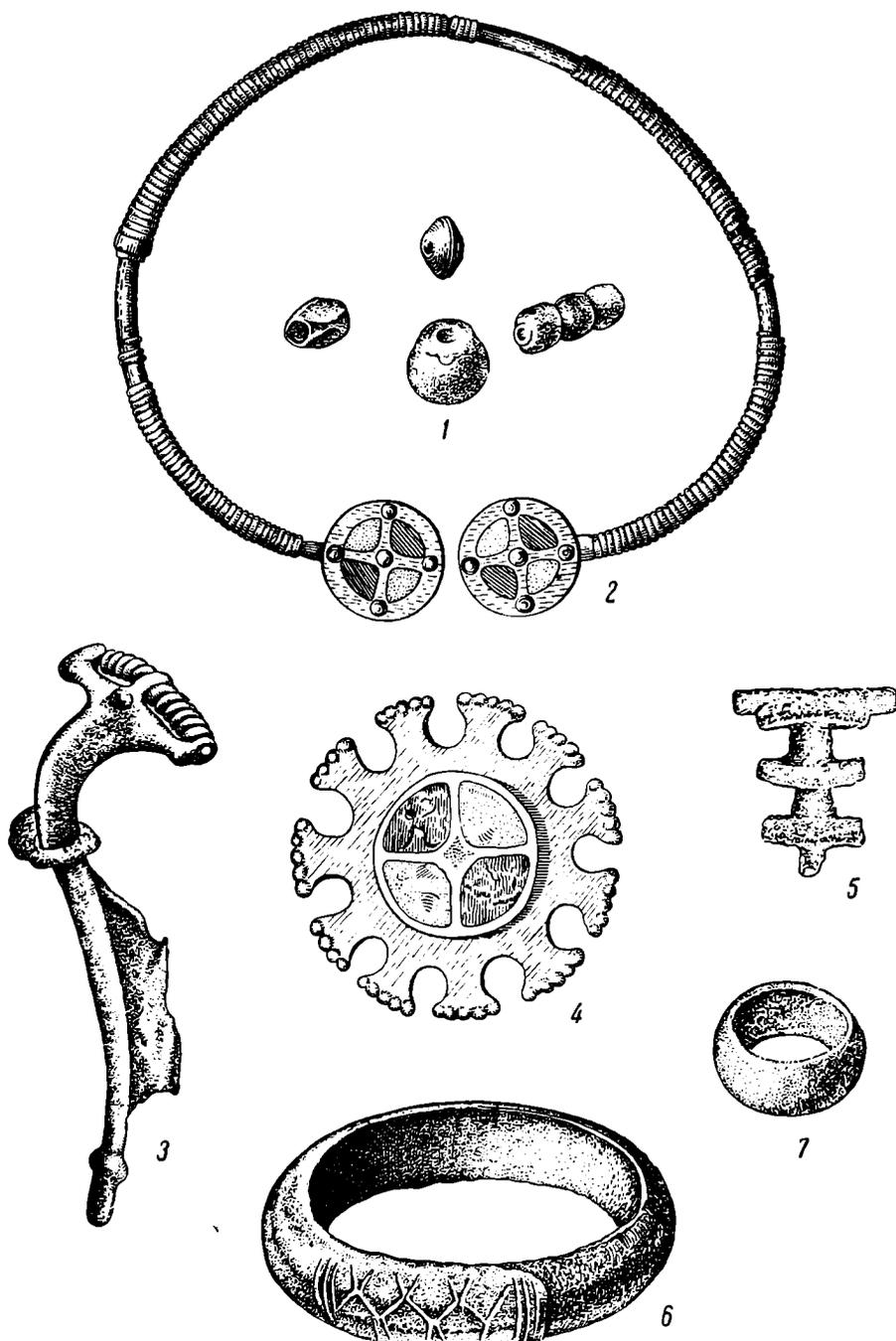

Рис. 12. Некоторые типы украшений из каменных могильников в Смиленском р-не на севере Латвии:

1 — стеклянные и эмалевые бусы из разных могильников; 2 — шейная гривна из Триката, украшенная цветной эмалью; 3 — фибула из Кали-Славякас; 4 — дисковидная пряжка из Вялвакраванда, украшенная цветной эмалью; 5 — перекладчатая фибула отсюда же; 6 — браслет выгнуто-вогнутый в сечении из Гайлитис; 7 — перстень из Кали-Славякас (2--7 — бронза).

Нередко встречаются также дисковидные (рис. 12—4) и подковообразные пряжки с цветной эмалью, сходные с соответствующими украшениями, распространенными в южной Прибалтике и в Приднепровье. Шейные гривны встречаются реже, чем у летто-литовцев. Наряду с гривнами носились ожерелья из бронзовых или привозных стеклянных и пастовых, реже янтарных, бус. В большом числе обнаружены простые бронзовые браслеты и, в особенности в северных частях Эстонии, перстни (рис. 12—7).

Археологический материал памятников на территории северной Латвии и Эстонии, как и одновременный ему из более южных частей Прибалтики, можно разделить на несколько групп. В основном отметим две большие группы, территория размещения которых соответствует районам распространения двух важнейших диалектов эстонского языка: южного и северного. Эти две группы в свою очередь распадаются на меньшие. Южная группа, охватывающая северную Латвию и южную Эстонию и доходящая в северном направлении приблизительно до широты г. Тарту, характеризуется находками перекладчатых и небольших дисковидных фибул, малочисленностью перстней и некоторыми другими особенностями археологического материала и может, без сомнения, быть отнесена к южноэстонским и ливским племенам. Часть этих племен, обитавшая на территории теперешней северной Латвии, была позже ассимилирована латгалльскими племенами. По мнению А. К. Вассара (статья его еще не опубликована), из южноэстонской группы по некоторым особенностям выделяются памятники: расположенные западнее озера Выртсъярв и южнее г. Вильянди. Этот район отличается и своим местным диалектом.

Для североэстонской группы памятников особенно ярко выраженные черты самобытности можно проследить на материале северо-востока Эстонии, древней «земли» Вирумаа¹. Здесь характерны ножи с загнутым черенком (косарь?)², разные варианты глазчатых, профилированных и арбалетовидных фибул, подковообразные фибулы с эмалью, многочисленные перстни и т. д. В другие североэстонские подгруппы входят памятники окрестностей г. Пайде и Таллина. В особую группу необходимо выделить памятники островов Сааремаа и Муху и северо-западного побережья Эстонии. В этих районах известняковый грунт покрыт очень скудным почвенным покровом. Сжигаемый при подсечном земледелии лес обновлялся медленно, и земледелие не получило такого быстрого развития, как в районах с мощным и плодородным почвенным покровом. По развитию материальной культуры эти районы отстают от других: могильники малы по размерам, их инвентарь беден и состоит главным образом из вещей тех типов, которые были распространены в других районах Эстонии лишь в самом начале рассматриваемого периода (булавки, простые браслеты). Отметим, что такая же относительная отсталость характерна и для памятников северной части Курземе. Территории распространения всех указанных североэстонских групп — Вирумааской, Пайдеской, Таллинской и Сааремааской — совпадают с районами распространения отдельных диалектов, т. е. с районами обитания известных древних племен.

Период, охватывающий I—IV вв., знаменует в Прибалтике значительный рост всех важнейших отраслей производства и особенно развитие земледелия, которое с этого времени занимает ведущее место в хозяйстве, определяя и дальнейшее развитие общественных отношений. Земледелие оставалось в основном подсечным. Однако оно не могло быть больше примитивным, а, вероятно, имело уже форму лесного перелого, при котором истощенные участки земли забрасывались не на полвека, как первоначально, а только на 15—20 лет. Судя по тому, что в эстонском и других запад-

¹ См. М. Х. Шмидехельм. Указ. соч.

² М. Х. Шмидехельм. Указ. соч., рис. 29—5.

нофинских языках в начале нашей эры появляется название рала (ader), при обработке земли применялось, очевидно, уже и легкое пахотное орудие. Не может быть случайным, что тогда же в этих языках появляются названия борозды (vagu) и поля (rôld). На юго-западе Прибалтики, у куршей и скальвов,— возможно, что и у их ближайших соседей,— получает распространение пашенное земледелие с использованием в качестве тягловой силы скота. Основными культурами были ячмень и пшеница, на юге также просо; сеялся, вероятно, уже и овёс. Находками в Латвии доказано, что производился и посев льна. Дальнейшее развитие получило и скотоводство, в особенности в юго-западных районах, где, как мы видели, распространяются косы-горбуши и где, судя по этому, совершился переход к стойловому содержанию скота. Большое значение в хозяйстве сохраняли рыбная ловля и охота. Последняя давала не только мясную пищу, но и меха, служившие одним из важнейших объектов обмена с соседними племенами.

Более высокого уровня достигло ремесленное производство. Многочисленные бронзовые фибулы, нагрудные и другие украшения, а также предметы из железа (наконечники копий, топоры, серпы и т. д.) свидетельствуют о развитии техники обработки металлов. На то, что по крайней мере в юго-западной части Прибалтики металлообработка теряет прежний общинный характер и уже является занятием одиночных мастеров, указывают находки в погребении кузнеца в Мазкатужи, где обнаружены клещи, молоток и зубило — видимо, личный инвентарь погребенного. О развитии ткачества свидетельствуют найденные остатки шерстяных тканей, изготовленных не только в простой, но и в четырехремизной технике.

Однако ремесленное производство все же носило внутрплеменной характер и не было еще рассчитано на широкий обмен с соседними племенами, хотя в этот период межплеменной характер обмена сохранялся. О его роли в хозяйстве свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что предметы из привозной бронзы прочно вошли в обиход. О значительном объеме обмена можно судить по находкам сотен медных римских монет и отчасти привозных римских изделий на территориях Литвы и Латвии. В Эстонии, однако, находки римских монет насчитываются лишь десятками. Большинство металлических, в частности бронзовых, предметов сходны с изделиями из соседних юго-западных областей, нынешней Калининградской обл. и Повисленья. Судя по этому, племена Прибалтики, в особенности южной ее части, стояли в самых тесных связях с родственными балтийскими племенами, населявшими нынешнюю Калининградскую обл. и Мазурию. О сношениях с Приднепровьем, с восточнославянскими племенами свидетельствуют находимые, в особенности в восточных районах Литвы, Латвии и Эстонии, предметы с цветной эмалью, а также отдельные предметы прибалтийского происхождения (гривны, фибулы), обнаруженные на Днепре. Связи между населением Эстонии и обитателями соседних восточных областей определяются тем фактом, что отдельные каменные могильники с инвентарем эстонского типа открыты восточнее Чудского озера и далее, вплоть до Старой Руссы.

Результатом развития производства и меновых отношений явился дальнейший рост накопления богатства, о котором говорит обилие металлов, монетные и другие клады. Более или менее ясно выделяются богатые семьи, правда лишь в юго-западных районах, в бассейне нижнего Немана, где встречаем некоторые захоронения с ценными для того времени предметами роскоши или с ценным оружием.

В соответствии с развитием производства, в особенности земледелия, родовая община в этот период стала распадаться. Основную экономическую ячейку составляет, повидимому, большая патриархальная семья. Памятниками таких семейных общин являются и курганные группы и

каменные могильники. Отличительной чертой тех и других можно считать коллективный характер захоронений. В курганах западных частей Литвы и Латвии, а также в каменных могильниках начиная с конца IV в. наблюдается постепенный переход к одиночным захоронениям. Это, очевидно, следствие распада больших семей на одиночные. Еще раньше, повидимому в начале нашей эры, начался распад больших семей в юго-западных районах Литвы и Латвии, где процесс социально-экономической дифференциации выявляется ярче.

История племен Прибалтики в первые века н. э. прослеживается пока преимущественно по материалам погребальных памятников. Городища изучены очень слабо, а поселения этого периода еще совершенно не изучены. На основании имеющихся скудных данных можно пока лишь сделать вывод, что характерные для предшествующего периода укрепленные поселения прекращают в начале нашей эры свое существование или превращаются в убежища, используемые только временно, в периоды опасности.

К началу нашей эры относится и древнейшее известие о балтийских племенах в письменных источниках. Римский историк Тацит приводит в своем описании «Германии» (конец I в. н. э.) некоторые данные о племенах «эстиев» или «эстуев», обитавших на правом побережье «Свевского» (т. е. Балтийского) моря. Эстии почитают матерей-богинь, разводят хлебные злаки и собирают в море и на побережье янтарь, который они называют «глезум» и который ими продается в сыром, необработанном виде. Хотя сведения Тацита, без сомнения, относятся к западным балтийским племенам, к зембам, а не к восточным, они все же заслуживают упоминания в связи с тем, что во времена Тацита, возможно, называли одним собирательным именем «эстиев» все племена Прибалтики. Некоторые лингвисты считают вполне вероятным, что это название позже сохранилось только за одной, самой северной группой населения Прибалтики — за эстонцами.

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ и Д. Т. БЕРЕЗОВЕЦ

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО ЮВЕЛИРНОГО РЕМЕСЛА

В Институт археологии АН УССР поступили в 1949 г. два клада ювелирных вещей, датируемые VIII в. н. э. Один клад найден на Пастырском городище, где находки изделий ювелирного ремесла середины I тыс. н. э. отмечались неоднократно; другой — возле с. Харивки Путивльского р-на Сумской обл.¹ В состав кладов входили очень близкие (а иногда и абсолютно идентичные) вещи, благодаря которым вполне определенно устанавливалась принадлежность обоих кладов не только к одной эпохе, но и к одному культурному кругу, к единому культурному комплексу.

Вполне аналогичными оказались пластинчатые антропоморфные фибулы, браслеты с полыми расширенными концами, полые сферические серьги, украшенные зернью, и бубенчики. Аналогичными по форме и украшению были плоские серьги (иногда именуемые по месту находки серьгами «пастырского типа»), но они самым существенным образом отличались по технике изготовления.

Киевская инспекция пробирного надзора произвела определение пробы серебряных и золотых вещей из Пастырского и Харивского кладов. Установлены весьма любопытные данные относительно различия в пробе отдельных групп серебряных вещей: одни группы вещей отличаются низкой пробой драгоценного металла, другие, напротив, имеют очень высокую пробу. При этом, что особенно важно подчеркнуть, намечается определенная зависимость между пробой и техникой изготовления: вещи, изготовленные при помощи сложных технических приемов, как правило, имеют более высокую пробу.

Особенно показательны в этом отношении плоские сережки Пастырского и Харивского кладов (рис. 13). В Пастырском кладе было семь таких сережек². Они сделаны примитивным способом, путем литья по восковой модели. Все они поэтому массивны и до известной степени грубоваты. Однако формы их все же сложны и бесспорно имитируют ювелирные изделия, требующие более высокой техники. В частности, четыре из них украшены псевдозернью, повидимому, имитирующей настоящую зернь. Форма и отделка этих серег становятся вполне понятными при сравнении

¹ М. Ю. Брайчевський. Пастырський скарб 1949 г. Археологія, т. VII, Київ, 1952, стр. 161—173; Д. Т. Березовець. Харивський скарб. Археологія, т. VI, Київ, 1952, стр. 109—119.

² Правильнее сказать, сохранилось семь сережек, так как часть несомненно утеряна. Точно установлена потеря одной, но ввиду того, что четыре из семи были парными, а три других оказались некомплектными, можно полагать, что затерялось больше.

их с серьгами из Харивского клада и с несколькими серьгами из отдельных находок на том же Пастырском городище. Эти серьги изготовлены самими сложными приемами ювелирного ремесла. Каждая из них состоит из нескольких деталей, соединенных друг с другом и сделанных из металлической пластинки. На поверхность деталей напаяны довольно сложные узоры из крошечных металлических шариков (зернь), крученой проволоки (скань) и т. д. Серьги этого типа достигают подчас подлинного художественного совершенства. Техника их изготовления (зернь и скань) в ювелирном ремесле более древнего времени (VI—VII вв. до н. э.) была распространена слабо, а в первые века н. э. совсем не известна. Она получает широкое развитие только в эпоху Киевской Руси.

Не может быть сомнений, что литые серьги из Пастырского клада — подражание именно этому типу сережек.

При опробовании серебра, из которого изготовлены серьги Пастырского и Харивского кладов, установлена весьма существенная разница, особенно важная в связи с различной техникой изготовления вещей.

Серьги из Пастырского клада сделаны из низкопробного серебра (500—600°), а из Харивского клада — из серебра очень высокой пробы (875—916°). Только одна пара из них имела низкую пробу (500—600°), но она была позолочена. Таким образом, сложной технике соответствует и более высокая проба металла. Вещи из более ценного металла изготовлены при помощи несравненно более сложных, виртуозных технических приемов, отчего и ценность изделий, бесспорно, повышалась.

Несмотря на общность формы и художественно-композиционного решения, мы видим совершенно разные группы вещей, причем вещей безусловно синхронных. С одной стороны, дешевых, низкопробных и примитивных по технике производства изделий, предназначенных, очевидно, для удовлетворения спроса широких, менее зажиточных масс населения. С другой стороны, группа виртуозных, драгоценных ювелирных изделий, предназначенных для сбыта представителям наиболее богатой общественной верхушки, причем во втором случае техника изготовления исключает предположение о массовости производства. Возможно, вещи изготовлялись по специальным заказам.

Важно отметить, что на Пастырском городище было найдено несколько сережек (2—3) типа харивских; можно предположить, что и здесь такие серьги изготовлялись или, во всяком случае, находили себе применение. Однако гораздо большее количество обнаруженных литых серег свидетельствует о том, что более сложные и дорогие серьги, типа харивских, были распространены в несравнимо меньшей степени, чем литые.

Подобную же закономерность можно отметить и в отношении других категорий вещей.

Наиболее низкая проба (ниже 500°) характерна для вещей, изготовленных тиснением. Таковы фибулы и круглые подвески-дукачи, а также некоторые бубенчики из Пастырского клада. Это — наиболее дешевые изделия, требующие минимальной затраты металла и примитивных технических приемов.

Фибулы из Харивского клада отличаются более тщательной отделкой и имеют несколько более высокую пробу (500—600°). Некоторые из харивских фибул с напаянными на щитках украшениями (два экземпляра), изготовленные с применением довольно сложной техники (скань), имели очень высокую (875—916°) пробу серебра (рис. 14—1).

Браслеты с расширенными, полыми концами, найденные в составе Пастырского (два экземпляра) и Харивского (один экземпляр) кладов, принадлежали к относительно дешевым изделиям, о чем свидетельствует сравнительно низкая проба (ниже 500° или 500—600°) и пустотелость расширенных концов, преследовавшая, очевидно, экономию серебра.

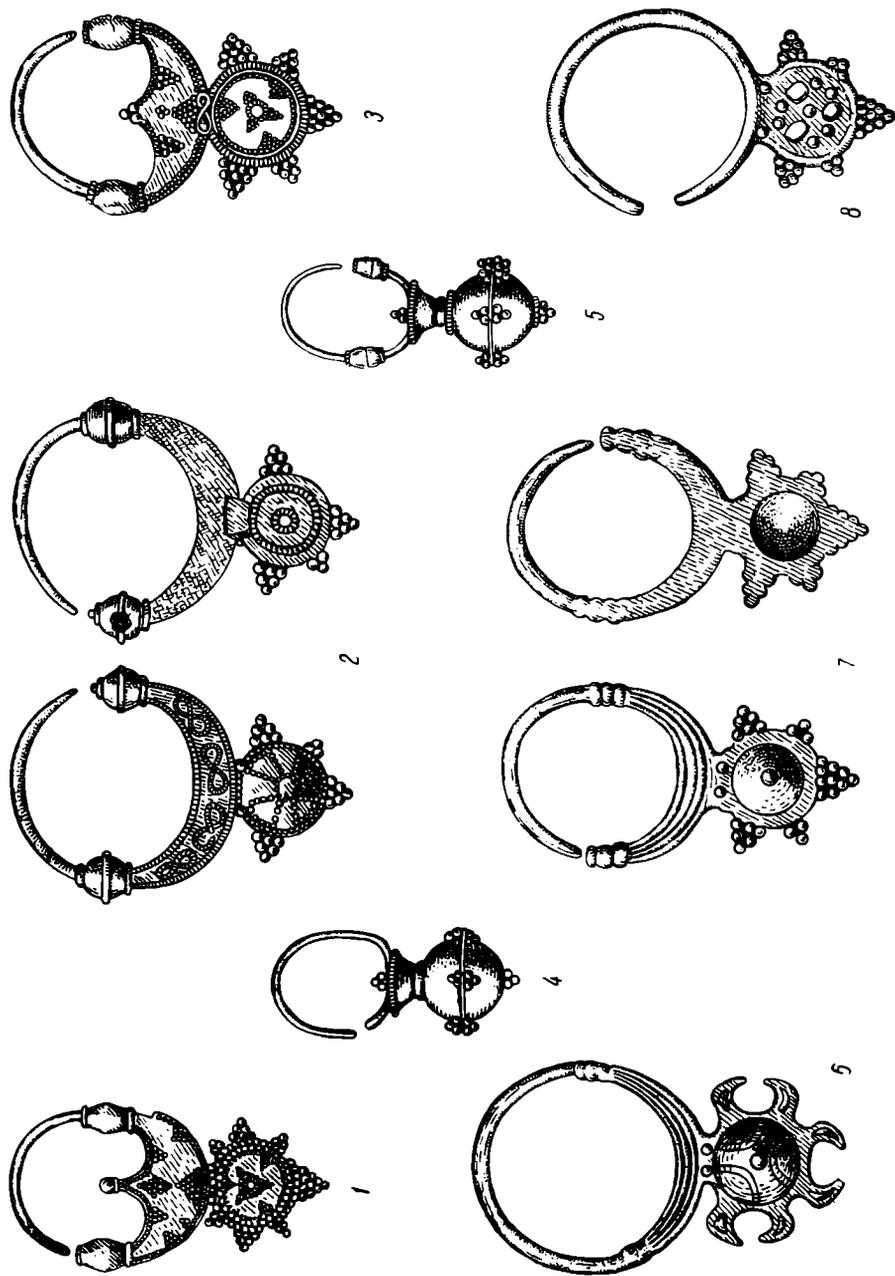

Рис. 13. Украшения из Харивского и Пастырского кладов:

1, 3 — сережки, украшенные сканью и настоящей вернью, из высокопробного серебра (Харивский клад); 6 — 8 — подражающие им сережки из низкопробного серебра, литые по восковой модели (Пастырский клад 1949 г.); 4, 5 — сережки (золото) в виде пустотелого шарика, украшенные настоящей сернью (Харивский клад).

Браслеты со сплошными массивными концами, обнаруженные в Харивском кладе в количестве девяти экземпляров, были изделиями более дорогой пробы, проба их несколько выше; четыре имели пробу 600—700° и пять 500—600°.

К числу дорогих изделий, отличающихся художественным выполнением, относятся также пустотелые сферические серьги, состоящие из нескольких частей и украшенные пирамидками настоящей зерни. Здесь опять-таки сложной, виртуозной технике и художественности исполнения соответствует высокая проба серебра: 875—916° (только в одном случае 500—600°).

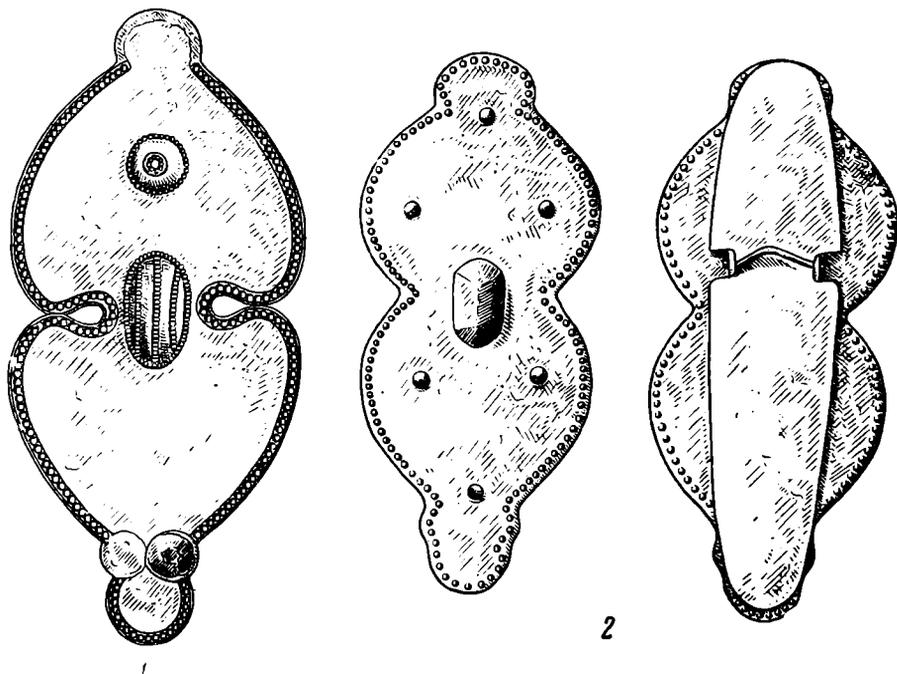

Рис. 14. Фибулы из Харивского и Пастырского кладов:

1 — фибула, украшенная сканью из высокосортного серебра (Харивский клад); 2 — фибула из низкопробного серебра, украшенная тисненым орнаментом, имитирующим скань астырский клад).

Шейные гривны, для изготовления которых требовалось много металла, различны по ценности материала. Из десяти гривен и их обломков (Харивский клад) пять были изготовлены из серебра очень высокой пробы (875—916°), три имели пробу 500—600°. Наиболее низкая проба отмечена для маленьких и менее массивных гривен. В этом же кладе обнаружен обломок гривны особого, характерного только для VIII в. н. э. типа: пустотелой, с поверхностью, художественно оформленной вытисненными ромбами. Изготовление таких гривен, насколько можно судить по обломку и по аналогии из Залесского клада¹, требовало довольно сложных технических приемов. Поэтому пустотелость вряд ли можно объяснить, как в отношении браслетов с расширенными концами, экономией материала. Важно отметить и высокую пробу использованного серебра: 875—916°.

Наконец, к числу дорогих изделий следует отнести также некоторые предметы поясного набора, изготовленные сложной техникой (разумеется,

¹ J. Arneth. Die antiken Gold- und Silber-Monumente Münz- und Antiken Cabinettes in Wien. Wien, 1850.

не все, ибо речь идет о предметах утилитарного назначения). Так, в Харивском кладе найдены: пряжка, по предположению автора публикации, когда-то украшенная выемчатой эмалью¹, и застежка. Обе они имели пробу 875—916°.

Необходимо отметить также несколько золотых вещей, обнаруженных в Харивском кладе: четыре пустотелые сферические сережки, украшенные пирамидками настоящей зерни (по форме абсолютно подобные серебряным), и небольшой хомутик, одетый на кольцо. Харивское золото очень высокой пробы: 750—900° для сережек и 958° для хомутика. Эти предметы относятся к числу наиболее драгоценных из всего состава клада. Здесь опять-таки констатируем соответствие ценности металла и сложности техники изготовления художественному совершенству вещи.

Таким образом, анализ украшений из Пастырского и Харивского кладов и сопоставление техники выполнения и степени художественной законченности вещей, с одной стороны, и количества металла, употребленного на изготовление, и его полноценности — с другой, позволяют сделать важный вывод о дифференцированности древнеславянского ювелирного ремесла в VIII в. н. э.

Совершенно очевидно, что в это время мастера-ювелиры выпускали не однородную по ценности и качеству продукцию. Мы видим серии вещей, сравнительно дешевых, изготавливаемых из низкопробного металла наиболее простыми приемами, и вещи художественные из полноценного серебра и даже золота, выполненные с применением сложной техники и несравненно более дорогие.

Конечно, сделанный нами вывод требует проверки на других материалах, относящихся к эпохе раннего средневековья. Многие вопросы, связанные с ювелирным ремеслом, еще остаются невыясненными.

В частности, нет данных для суждения о том, выходили ли и те и другие категории ювелирных изделий, о которых идет речь, из одних и тех же мастерских или же древнеславянские ювелиры делились на более квалифицированных мастеров, занимавшихся исключительно производством сложных дорогих предметов, и мастеров массовых дешевых вещей. Точно так же только лишь предположительно можно говорить, что виртуозные по оформлению дорогие вещи изготавливались по индивидуальным заказам.

Проблема древнеславянского ювелирного ремесла в эпоху до сложения Киевской Руси заслуживает самого тщательного изучения на основе широкого привлечения фактического материала. Это — задача будущих археологических исследований.

Отмеченная закономерность позволяет сделать некоторые выводы и в отношении сложной социальной структуры древнеславянского общества. Уже сама разница в ценности ювелирных изделий, предназначавшихся для сбыта различным общественным слоям, позволяет говорить о наличии в славянском обществе VIII в. н. э. зажиточной верхушки, располагавшей средствами для приобретения драгоценных вещей, и менее имущих слоев населения, вынужденных довольствоваться суррогатами и имитацией драгоценностей, изготовленными из низкопробного серебра. Имущественное неравенство в древнеславянском обществе перед образованием Киевского государства становится очевидным при сравнении не только отдельных вещей, но и таких комплексов, как, например, Пастырский и Харивскийклады.

Оба клада очень различны по своей материальной ценности: вес серебряных вещей из Харивского клада 1,5 кг, золотых около 40 г. Вес всех серебряных вещей Пастырского клада составлял лишь немногим более 250 г.

¹ Д. Т. Березовець. Харивський скарб. Археологія, т. VI, Київ, 1952, стр. 116.

Вещи из Пастырского и Харивского кладов различаются и в качественном отношении. Пастырский клад включает главным образом дешевые изделия, примитивно изготовленные из очень низкопробного серебра. Это — пластинчатые фибулы без всяких накладок, браслеты с расширенными полыми концами, подвески-дукачи, литые серьги, бубенчики и т. д. Проба серебра этих вещей не выше 500—600°, большая же часть ниже 500°. Исключение составляют два обломка пустотелой сферической подвески, украшенной пирамидками настоящей зерни (проба 875—916°). Но эта серьга — единственная в кладе, к тому же обнаружена она (а вероятнее всего — попала в состав клада) не целой, а в виде разрозненных обломков.

Харивский клад состоит в значительной своей части из высокохудожественных вещей, изготовленных из полноценного металла: плоские серьги, позолоченные гривны, массивные браслеты, фибулы с накладками и т. д. Здесь же были найдены золотые изделия высокой пробы (875—958°).

Можно предположить, что Харивский и Пастырский клад зарыты людьми разного социального положения. Харивский клад, повидимому, принадлежал представителю общественной верхушки, сосредоточивавшей в своих руках значительные богатства. Пастырский клад был зарыт представителем менее обеспеченных слоев древнеславянского общества.

Приведенные данные характеризуют отдельные черты еще очень слабо изученной эпохи, непосредственно предшествующей сложению Киевской Руси.

С. С. ЧЕРНИКОВ

ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ В СЕВЕРНОМ
КАЗАХСТАНЕ

Огромная территория Казахстана в археологическом отношении изучена крайне неравномерно и совершенно недостаточно. Однако благодаря работам советских археологов за последние два десятилетия уже накоплен некоторый фактический материал, позволяющий осветить древнейшую историю Казахстана.

Одной из основных проблем является изучение эпохи бронзы, особенно ярко представленной в Северном Казахстане. В эту эпоху здесь произошло важнейшее изменение в хозяйственной жизни населения — переход к кочевому скотоводству, надолго определивший особенности исторического развития Казахстана. Большое количество месторождений меди и олова, интенсивно разрабатывавшихся в древности, и обширные, удобные для скотоводства и мотыжного земледелия земли создавали благоприятные условия для развития общества. Характерно, что памятники эпохи бронзы изучены лучше всего, тогда как о предшествующих и последующих периодах мы знаем крайне мало. В 1927 г. С. А. Теплоухов впервые дал описание андроновской культуры эпохи бронзы в Минусинском крае, высказав предположение о вероятном казахстанском происхождении этой культуры¹. М. П. Грязнов, раскопав андроновские курганы в северо-западном Казахстане, установил границы распространения этой культуры от Енисея до Урала². В настоящее время мы знаем уже 87 андроновских могильников, на которых производились раскопки, и 40 поселений.

Известно много древних горных разработок меди, олова и золота, значительную часть которых нужно отнести к андроновскому или немного более позднему времени. Имеется много случайных находок бронзовых орудий (главным образом из Восточного Казахстана).

По богатству археологических памятников эпохи бронзы на территории СССР Северный и Восточный Казахстан может сравниться только с Минусинским краем, хорошо разработанная археологическая классификация которого в значительной мере лежит в основе изучения и нашего материала. Однако ход исторического процесса здесь был иным, чем на Енисее. Степень изученности археологического материала не позволяет дать сейчас такую же четкую хронологическую классификацию памятников Казахстана, какую создал С. А. Теплоухов по Минусинскому краю, однако все же

¹ С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, 1927.

² М. П. Грязнов. Погребения эпохи бронзы в Западном Казахстане. Сб. «Казаки», вып. 11, 1927.

достаточный материал для характеристики некоторых периодов, в частности андроновской культуры — основной для эпохи бронзы, уже накоплен.

Географический центр распространения этой культуры находится в степной и лесостепной полосе между Иртышом и Уралом, где и обнаружено наибольшее число памятников.

Работами последних лет установлено, что в эпоху бронзы Восточный Казахстан был крупнейшим металлургическим центром всей Восточной Европы и Северной Азии¹.

Наличие на сравнительно небольшой территории многочисленных месторождений меди и олова создавало особо благоприятные условия для развития металлургии бронзы, а следовательно, и для широкого межплеменного обмена, что в свою очередь не могло не влиять на темп исторического развития этой, а также и соседних территорий.

Не менее крупным по масштабу производства центром добычи золота в ту же эпоху был район г. Степняк (Кокчетавской обл.), где известны наиболее значительные древние разработки золота, особенно в районе самого Степняка, а также на Бес-Тюбе и др.

Рядом с такими крупными горными разработками находились и большие поселения, связанные с добычей и обработкой золотой руды, однако их культурный слой в настоящее время целиком уничтожен. При перекопке культурного слоя находили много бронзовых и каменных орудий и обломков керамики. Прекрасные коллекции этих предметов собирались местными работниками; они хранятся в Государственном Эрмитаже, Этнографическом музее и Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде. Первое специальное археологическое обследование здесь осуществлено нами в 1938 г. в связи с изучением древних горных работ. Были обследованы не только остатки поселений около древних выработок, но и найдено несколько новых поселений того же времени, не связанных непосредственно с горным делом. Пришлось, однако, ограничиться лишь наружным осмотром, так как раскопок, даже разведочных, произвести не удалось.

В настоящей работе публикуются данные нашего обследования 1938 г. и находки, хранящиеся в музеях Ленинграда².

Приведем краткие описания поселений.

Поселения на территории г. Степняк

На территории города находились самые большие древние разработки золота, большие и богатые поселения, расположенные в непосредственной близости от выработок на берегах озер, ныне превратившихся в болото. Однако к моменту обследования следы древних выработок были уничтожены, а территория расположения жилищ застроена современными домами. Нам удалось только установить наличие по крайней мере двух больших поселений: на месте одного сейчас находится пос. Челкар, другой обнаружен у городской больницы. Культурный слой в обоих пунктах уничтожен, и только в выбросах из канав и шурфов иногда можно встретить обломки глиняных сосудов (рис. 15 и 16) или кости животных. Рядом находились отвалы перемытой в древности руды (так называемые «монгольские сплески») и много больших гранитных ступ для растирания золотосодержащего кварца. По рассказам местных работников, ими наблюдались даже остатки искусственных плотин для образования небольших водоемов, где

¹ С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949.

² Вопросы добычи и обработки золотой руды на этих поселениях освещены нами в статье «Древнее горное дело в районе г. Степняк». Изв. АН КазССР, серия археол., вып. 1, Алма-Ата, 1948.

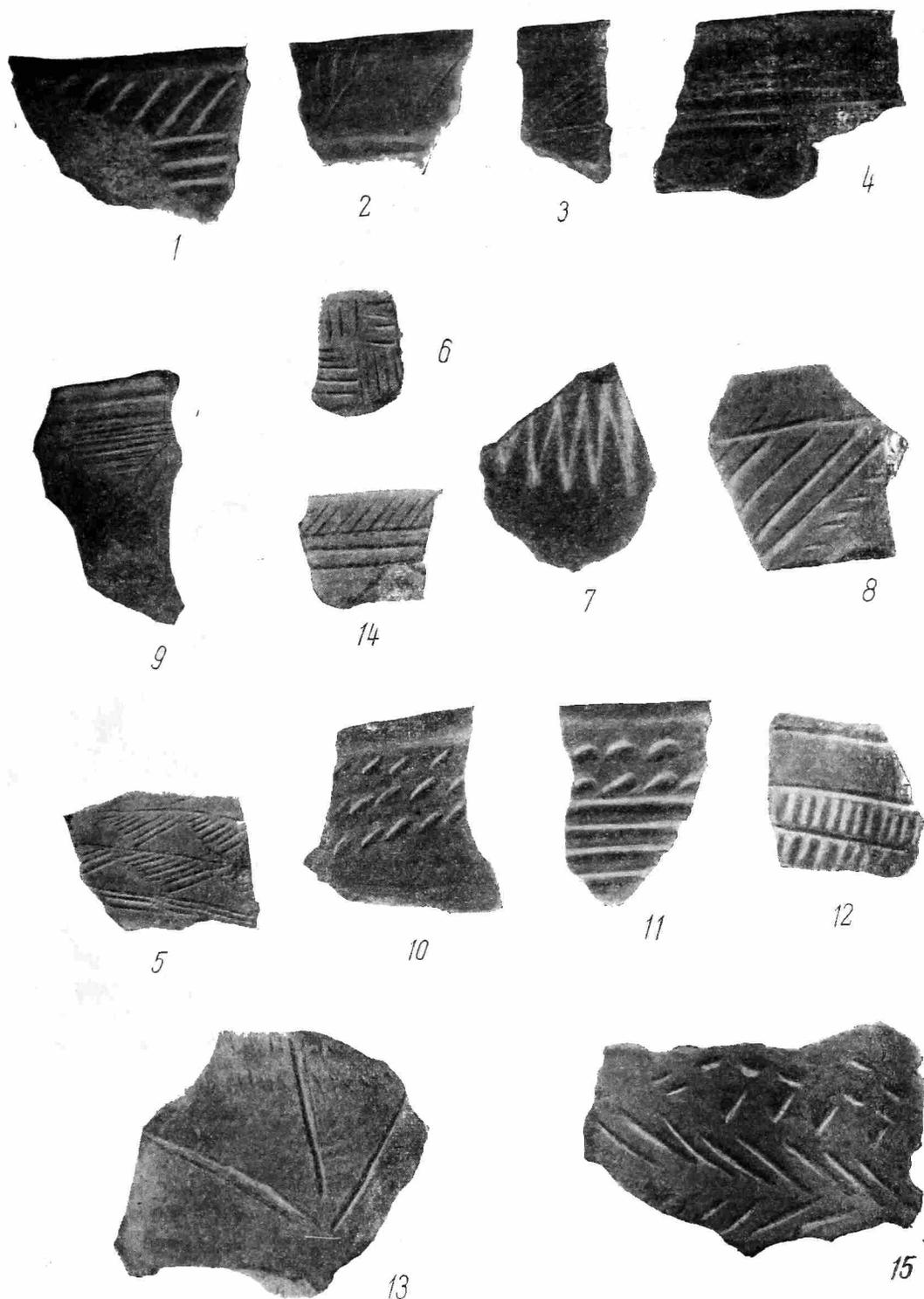

Рис. 15. Обломки глиняных сосудов из культурного слоя поселений у г. Степняк.

и производилась промывка руды. Здесь в разное время были сделаны следующие находки¹:

I. Предметы из меди и бронзы: 1) Три ножа с широким лезвием и литой закругляющейся наверху рукояткой с отверстием. Один из них имеет выступ при переходе от рукоятки к лезвию. 2) Такого же типа нож, но без отверстия в рукоятке. 3) Кинжал с массивной рукояткой, имеющей с одной стороны продольный желобок с двумя перемычками и гвоздеобразную шляпку. 4) Два массивных кельтообразных кайла с двумя ушками для привязывания к рукоятке. Рабочий конец у одного из кайл острый, шестигранный, у другого — расплюсчен от употребления. 5) Три обломка клиньев, квадратных в сечении. 6) Пять серпов со слегка выгнутой спинкой и прямым лезвием — два целых и три обломка. 7) Два пальштабообразных тесла. 8) Желобчатое долото с втулкой. 9) Долото с копьевидной рабочей частью. 10) Два копья вытянутой листовидной формы с утолщением у основания черенка. 11) Два втульчатых наконечника стрелы с ромбическим пером. 12) Три шила с квадратным сечением стержня. 13) Круглая бляшка с петелькой. 14) Сок, согнутый из тонкого листа, плоский, с невысокими бортами и маленьким черенком. 15) Небольшие слиточки меди, куски серого ноздреватого шлака и куски медной руды (малахита).

II. Предметы из кости и рога: 1) два «тупика» из челюсти коровы. На широком конце просверлено четыре отверстия. Средняя часть, сильно стертая, заполирована от употребления. Несколько обломков таких же «тупиков». 2) Орудие неопределенного назначения в виде продолговатой желобчатой пластинки с двумя отверстиями и пятью зубцами на каждой стороне. Один конец отделан в виде черенка, другой закруглен. Зубцы сильно заполированы от употребления. 3) Наконечник стрелы вытянутой ромбической формы с длинным черенком. 4) Наконечник стрелы (трехгранный) с черенком. 5) Обломки рогов с надрезами и отпилами.

III. Орудия из камня: 1) Три небольших круглых в сечении пестика. 2) Две небольшие круглые ступки с линзовидными заполированными углублениями с обеих сторон. 3) Два обломка литейных форм, повидимому, для отливки ножа и орудия типа тесла. 4) Обломки круглого точильного камня. 5) Круглое пряслице с отверстием в центре. 6) Многочисленные орудия горного дела — кирки, кайлы, песты, ступы и т. д.²

IV. Глиняная посуда: 1) Сосуд горшковидной формы с плоским дном и слегка отогнутым венчиком. Орнамент на шейке в виде заштрихованных треугольников, вершиной вверх. На тулове сосуда — четыре ряда двойных зигзагообразных вдавлений, разделенных прямыми полосами. Весь орнамент оттиснут гладким штампом. Поверхность сосуда лощеная. Черепок в изломе серый. Высота сосуда 12,1 см, диаметр горла 13,7 см. 2) Сосуд горшковидной формы с плоским дном и слегка вогнутой внутрь шейкой. Орнаментирован зигзагообразным вдавлением гладкого штампа по венчику и двумя поясками косо заштрихованных треугольников, обращенных вершиной вниз. Треугольники нанесены гладким штампом и располагаются на шейке и плечиках сосуда. Пояски разделены неглубокими желобками. Глина — серовато-желтая, в изломе черная. Высота 12 см диаметр 14,5 см. 3) Сосуд горшковидный, плоскодонный со слегка отогнутым венчиком и вогнутой внутрь шейкой. Орнаментирован на уровне плечиков зигзагообразными вдавлениями трех полосок крупнозубчатого штампа.

¹ Приводим описание наиболее характерных предметов, находящихся в Гос. Эрмитаже, Гос. Музее этнографии и Музее антропологии и этнографии АН СССР, рассматривая эти коллекции, происходящие из одного места, как единое целое.

² Опубликованы в упоминавшейся статье «Древнее горное дело в районе г. Степняк». Изв. АН КазССР, серия археол. вып. 1, 1948.

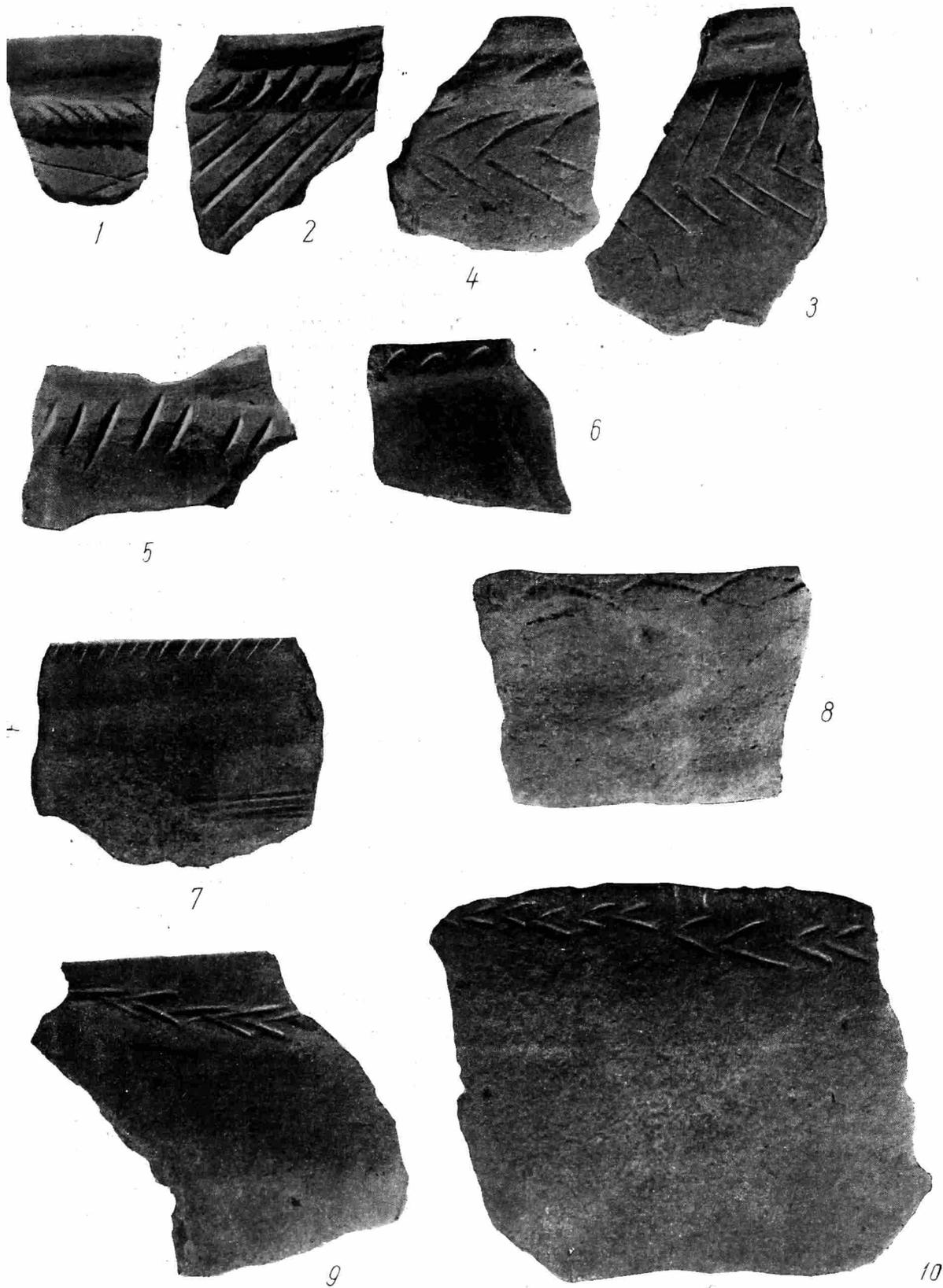

Рис. 16. Обломки глиняных сосудов из культурного слоя поселений у г. Степняк.

Сделан из отмученной глины с примесью кварцевого песка, поверхность серая, грубо обработанная. Высота 15,6 см, диаметр 18 см. 4) Сосуд горшковидной формы со слегка отогнутым венчиком. Чуть выше середины сосуда — поясок елочного орнамента, оттиснутый гладким штампом, ниже — зигзагообразная линия из круглых вдавлений; глина желто-серая, с примесью песка; поверхность неровная, грубо обработанная. Высота 18 см, диаметр 20,6 см. 5) Многочисленные обломки венчиков, стенок и днщ глиняных сосудов, большей частью орнаментированные геометрическим орнаментом того же типа.

Поселение на Бес-Тюбе

Следов культурного слоя здесь не обнаружено, так как территория поселения застроена. Как и в г. Степняке, оно находилось на берегу озера (в настоящее время высохшего), рядом с древними выработками. В 1938 г. на Бес-Тюбе сохранилось только несколько больших гранитных ступ для дробления руды. Найдены следующие предметы: 1) Бронзовый топор с узким лезвием, слегка расширяющимся на конце, и массивным обухом с овальной проушиной. От начала лезвия идет валик, огибающий обух. Длина предмета 20,6 см. 2) Бронзовый наконечник копья вытянутой листовидной формы с закругленным концом. Лезвие у основания утолщается, переходя в короткий прямоугольный черенок. На лезвии (ближе к основанию) вырезан знак в виде двух черточек, соединенных под углом, под ними две параллельные наклонные линии и еще ниже две перекрещивающиеся линии. Длина наконечника 22,3 см. 3) Кирка медная, без втулки, прямоугольная в сечении. Один конец заострен, другой уплощен. Длина 31,8 см. 4) Обломок такой же кирки. 5) Долотообразное орудие с втулкой и массивным копьевидным лезвием. Длина 16 см. 6) Обломок верхней части бронзового ножа с плоской рукояткой с круглым отверстием на конце. 7) Бронзовое шило с четырехгранным лезвием и таким же черенком. Лезвие и черенок разделены валикообразным утолщением. Длина фрагмента 12,4 см. 8) Бронзовое шило длиной 14,8 см, четырехгранное, заостренное на одном конце. 9) Бронзовый наконечник стрелы вытянутой треугольной формы, с втулкой, ромбической в сечении. Длина 2,8 см. 10) Бронзовая пряжка в виде двух круглых линзовидных бляшек, соединенных цилиндрическим стерженьком. Диаметр пряжки 1,8 см. 11) Два неопределенных каменных орудия правильной яйцевидной формы. 12) Много каменных ступ для растирания руды. 13) Обломки орудий горного дела (кирки, кайлы, рудотерки и т. п.). Найдены также многочисленные обломки глиняной орнаментированной и неорнаментированной посуды (рис. 17).

Поселения у поселка Сталинский рудник

Близ древних выработок у пос. Сталинский рудник обнаружены три древних поселения. Они расположены на плоских берегах высохших озер. Культурный слой почти полностью уничтожен.

1-е поселение — у древнего берега озера на территории рудника. В отвалах ям встречаются многочисленные черепки (рис. 18—1—3, 7—9, 11), кости животных, угли, а также большие гранитные ступы для растирания руды, обломки каменных орудий горного дела, пережженный кварц и т. п. Найдены обломки двух рукояток бронзовых ножей с закругленным верхом и с отверстием. В одной из канав, на глубине 0,65 м, встречен слой угля и золы толщиной в 3 см и длиной около метра. Площадь распространения культурных остатков 100—150 м².

2-е поселение — в 1 км на северо-запад от первого, на склоне пологого холма, на берегу того же озера. В старых отвалах найдены черепки

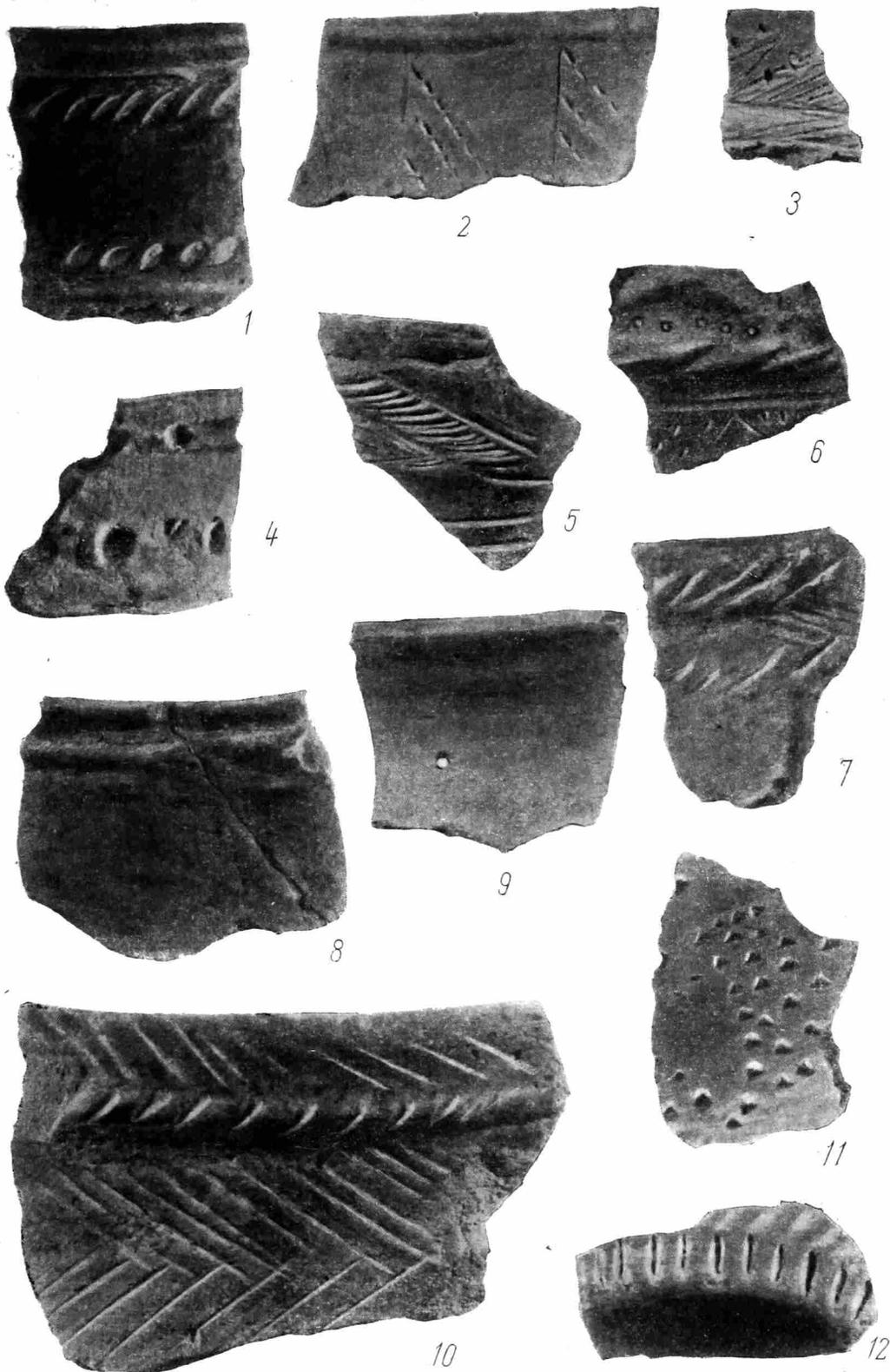

Рис. 17. Обломки глиняных сосудов из культурного слоя поселений на Бес-Тюбе.

(рис. 18—4—6, 10), кости животных, угли и несколько обломков каменных орудий горного дела. Площадь распространения культурных остатков около 50 м².

3-е поселение — в 5 км на запад от первых двух. Оно расположено на пологом склоне невысокого холма на восточном берегу второго озера, ныне также высохшего. Поселение почти полностью уничтожено. В разрезе канав видно, что культурный слой, мощностью 0,55—0,60 м, перекрыт наносами и почвой на 0,55 м. Он более светлый в верхней своей части и темнее в нижней. На глубине 1,05 м заметна прослойка угля и золы в 10 см, лежащая на материковой габбро-диоритовой породе. На берегу озера следы разведения большого огня, вероятно костра, от которого остались пережженные галька, земля и глина. В 6 м от них, также на самом берегу, находятся пять больших гранитных ступ для растирания руды и остатков перемытой в древности руды.

На поселении найдены следующие предметы: 1) Нож бронзовый с желобком вдоль рукоятки и продолговатым отверстием вверху. Длина 24 см. 2) Кельтообразное бронзовое орудие с расширяющимся книзу дугообразным лезвием и квадратной в сечении втулкой. Длина 10,4 см. 3) Обломок рабочего конца медной кирки. 4) Небольшой слиточек меди. 5) Круглая костяная бляшка с высоким бортиком и квадратным отверстием, со сломанной перемычкой в центре, орнаментированная врезанными ромбиками. Диаметр 7,2 см. 6) Круглая костяная пряжка с выпуклой внешней стороной, орнаментированная тремя врезанными концентрическими кругами и насечками по краю. На внутренней, плоской стороне — два продольных углубления, соединяющихся между собой. Диаметр 3 см. 7) Кинжал бронзовый с закругленной крестовиной и плоской рукояткой, оканчивающейся продолговатым, круглым в сечении навершием. Длина 30 см. 8) Круглое, диаметром в 16,4 см, сильно окисленное бронзовое зеркало с выпуклым бортиком (в обломках). 9) Обломок конца бронзового серпа. 10) Плоский овальный слиток меди, длиной 5,2 см. 11) Полушаровидный слиток меди без следов обработки; диаметр 16,4 см. 12) Шарик из обожженной глины. Диаметр 2,6 см. 13) Круглое пряслице, сделанное из глиняного черепка. 14) Обломок «тупика» из челюсти быка. На прямой стороне просверлено три круглых отверстия. 15) Каменное кайло, пест и обломки других орудий горного дела. 16) Черепки глиняной посуды¹.

Поселение у Аульной площади

Расположено на мысу высохшего озера в 8 км на запад от Сталинского рудника. Культурный слой занимал пространство от начала древней отмели до подножия холма. Общая площадь поселения около 1200 м². На отмели мыса находятся остатки дробления и промывки золотой руды в виде мелко раздробленного и окатанного кварца, частично со следами огня. Второе большое скопление такого же кварца обнаружено в юго-западной части поселения. На территории поселения, площадь которого почти целиком уничтожена, находятся десять больших гранитных ступ для растирания руды, причем семь из них — на самой отмели и по берегу. В разрезе одной из современных канав видно, что культурный слой, мощностью 0,25—0,30 м, залегает на материке (сильно разрушенном диорите) под почвенным слоем толщиной в 0,5 м. Нижняя часть культурного слоя состоит из углистой прослойки в 5—10 см.

На поселении найдены: 1) Медный молоток длиной в 14,6 см, цилиндрической формы с узкой прямоугольной проушиной. 2) Пальштабообразное

¹ № 1—6 хранятся в Эрмитаже; № 7—16 — в Этнографическом музее (Ленинград).

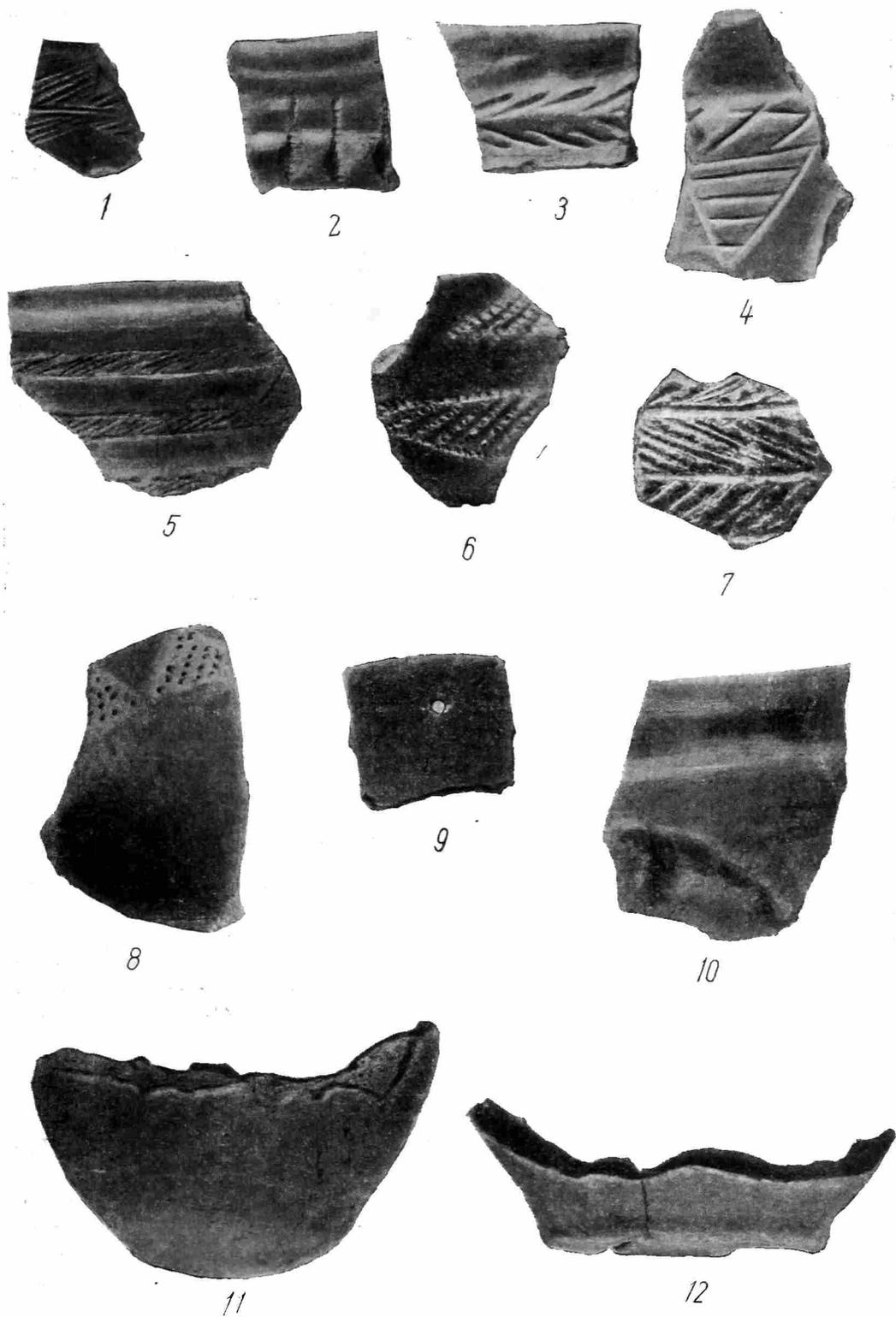

Рис. 18. Обломки глиняных сосудов:

1, 2, 3, 7, 8, 9, 11 — Сталинский рудник, 1-е поселение; 4, 5, 6, 10 — Сталинский рудник, 2-е поселение.

бронзовое тесло с расширяющимся лезвием. Длина 12,8 см. 3) Два шила бронзовых с валиком, отделяющим черенок. Длина 10,2 см. 4) Бронзовое шило, четырехгранное в сечении, длиной в 8,6 см. 5) Бронзовый наконечник стрелы, втульчатый, с ромбическим пером. Длина 4 см. 6) Обломок стрелы того же типа. 7) Два слитка меди.

Таковы материалы поселений, непосредственно связанных с добычей золота. На Джеламбете, несмотря на наличие древних выработок, поселения не обнаружено. Видимо, это объясняется тем, что рядом с Джеламбетом не было воды и золотая руда отвозилась для обработки на другие поселения, так же как это было с обработкой медной руды на Уро-Тюбе и Ащилы.

Поселение у с. Черная пика

Расположено у северо-восточного склона невысокого гранитного холма. Оно было окружено с двух сторон небольшими озерами, а с третьей — протоком, шириной в 10 м, соединяющим эти озера. В настоящее время озера превратились в болотистые низины, заполняющиеся только вешними водами. На территории поселения находится 13 прямоугольных ям, 5—15 м диаметром и до 1 м глубиной. Одна из них имеет форму буквы Г. Все ямы сильно заплыли и задернованы. Почва территории поселения пепельносерого цвета и зольной структуры. В отвалах и двух неглубоких маленьких шурфах, пробитых, повидимому, старателями, встречено много черепков глиняной посуды, костей животных и обожженной гальки. Особенно много находок сделано в юго-восточной части на берегу озера. На противоположном берегу, на восток от поселения, найден отщеп из красной яшмы, прямоугольной формы, с ретушью по одной стороне. Следов обработки руды не обнаружено.

На поселении найдены: 1) Тонкая, расплюснутая, медная проволока с закругленными концами. Длина 4,4 см. 2) 14 шариков естественного происхождения из железистой породы; форма их неправильная. 3) Обломок трубчатой кости животного. На кости заметны следы ударов и надрезов. 4) Черепки глиняной посуды.

Поселение в урочище Кыстау-Карагай

Расположено на низком берегу пересыхающей речки, в небольшой долине, с севера и востока огражденной невысокими холмами. Площадь распространения культурных остатков около 200 м². На поверхности земли видно 12 круглых ям, диаметром 2—12 м и глубиной до 0,75 м. Все ямы сильно заплыли. На территории поселения найдено пять маленьких окислившихся кусочков меди и черепки глиняной посуды. Следов обработки руды не обнаружено.

Поселение у озера Ащилы-Куль

В 250 м от озера, в настоящее время высохшего, обнаружены остатки поселения, почти уничтоженные бывшей здесь казахской зимовкой. Нам удалось проследить только две сильно запыленные ямы, диаметром в 5 и 7 м. Найдено несколько черепков глиняной посуды, обожженный камень и неопределимые, обожженные кости животных. Черепки желтовато-серого цвета, в изломе темносерые, большей частью без орнамента (лишь на трех из них орнамент, оттиснутый гребенчатым штампом).

В 350 м на север от поселения находятся четыре кургана. Все они плоские; два окружены кольцом (диаметр 6—8 м) из поставленных на ребро плиток гранита; в центре еще одно такое же кольцо, диаметром около 2 м. Третий курган имеет прямоугольную оградку, также из гранитных плиток; на четвертом сохранилось только три камня.

Поселение расположено на северном, низком берегу озера, теперь почти высохшего, и ограничено с севера и востока невысокими гранитными холмиками. Обнаружено около 20 ям неправильной формы, запыленных и задернованных. В двух крайних восточных ямах встречены куски серовато-коричневого шлака, сильно обожженной черной, ноздреватой породы, куски пережженного, частично ошлакованного гранита и обломок глиняного сопла, ошлакованного с внешней стороны. Такая же яма со следами плавки находится в лесу в 1,5 км на восток от поселения. Никаких орудий не найдено. Как показал анализ, шлаки происходят от примитивной плавки медной руды. На поселении собраны следующие предметы: 1) Каменный наконечник стрелы с закругленным острием и прямым основанием, из твердой светлосерой породы; длина 2,6 см. 2) Футляр из трубчатой кости, гладко заполированной с внешней стороны; длина 4,4 см. 3) Бесформенный обломок окислившейся меди. 4) Три яшмовых отщепы. 5) Черепки глиняной посуды.

Топографические условия всех обследованных нами 11 поселений однородны. Однороден и состав находок. Это позволяет дать обобщенное описание керамики, так как на всех поселениях она одинакова и выделить на основании анализа полученных материалов какое-либо из них как более раннее или более позднее — невозможно. Приводя описание основных форм глиняной посуды и элементов орнамента на ней, встречающихся в различных сочетаниях, надо оговориться, что при восстановлении формы по обломку венчика, большей частью можно было судить только о верхней части сосуда. Значительное число найденных днищ были от плоскодонных сосудов.

Для большей наглядности при разборе массового керамического материала мы составили корреляционную таблицу¹ (рис. 19), которая необходима и для выяснения вопроса о сочетании тех или иных орнаментов с определенной формой сосуда².

Среди керамических материалов, собранных на обследованных поселениях, можно выделить семь основных, наиболее характерных форм:

1. Сосуд баночной формы со слегка сужающимися книзу стенками и прямым венчиком. Форма — типичная для андроновских погребений на всей территории их распространения. Сосуды этого типа встречаются также и в погребениях афанасьевской культуры³ (рис. 20—1, 2; рис. 15—2, 3; рис. 17—1, 12 и др.).

2. Типичный андроновский горшок со слегка отогнутым венчиком и плавно изогнутыми стенками, суживающимися книзу. Необходимо отметить, что в нашем материале совершенно нет фрагментов стенок с уступом, отделяющим плечики сосуда от тулова, столь характерным для западных районов андроновской культуры⁴ (рис. 20—3-5; рис. 15—1, 3, 5; рис. 18—1).

3. Сосуды с выпуклым туловом, короткой шейкой и отогнутым или утолщенным венчиком, образующим уступ (рис. 20—6-9).

¹ См. М. П. Грязнов. Древняя бронза минусинских степей. I. Бронзовые кельты. Гос. Эрмитаж. Труды отдела первобытной культуры, т. I, 1941, стр. 237.

² Профили сосудов восстановлены по способу, предложенному М. П. Грязновым (см. «Техника графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по фрагменту», СА, VIII, стр. 307).

³ М. Н. Комарова. Погребения Окунева улуса. СА, IX, стр. 47.

⁴ О. А. Кривцова-Гракова считает его более поздним типом, видя здесь не территориальное, а хронологическое разделение (Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, XVII, 1949, стр. 151).

4. Сосуды баночной формы с прямыми сужающимися книзу стенками и прямым венчиком. Характерной особенностью их является налипной валик, расположенный на 1—2 см ниже венчика (рис. 21—1, 2; рис. 16—1-4; рис. 18—4).

5. Сосуды с выпуклым туловом, короткой шейкой и прямым или слегка отогнутым венчиком. Для этой формы также характерен налипной валик (рис. 21—3-6; 17—10).

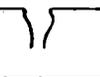
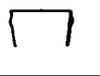
Элементы орнамента Формы сосудов		Канелюры желобки и -----						Без орна- мента	Общее коли- чество
									36
									53
									33
									20
									34
									19
									13
									208

Рис. 19. Корреляционная таблица венчиков сосудов с поселений в районе г. Степняка. Общее число фрагментов, показанных в соответствующих клетках черными кружками, в некоторых случаях превышает число, данное в последней графе, так как на одном и том же сосуде могут быть нанесены различные типы орнамента

6. Сосуды горшкообразной формы, с короткой шейкой, отогнутым венчиком и выпуклым туловом, сужающимся книзу. Почти все они без орнамента (рис. 21—7, 8; 18—8; 17—9).

7. Сосуды горшкообразной формы, с короткой шейкой, прямым венчиком и круто изогнутым туловом (рис. 21—9; 18—10).

Основные элементы орнамента:

1. Равнобедренные и косые треугольники с заштрихованной поверхностью, лежащие горизонтально ромбы из двойных линий с перекрестием внутри, а также треугольники и ромбы, нанесенные мелким зубчатым или гладким штампом, образующие разнообразные узоры по шейке и плечикам сосуда.

2. Горизонтальные каннелюры, желобки и линии крупного или мелкого зубчатого штампа. Наносились на шейку сосуда, где разделяли орнаментальные зоны.

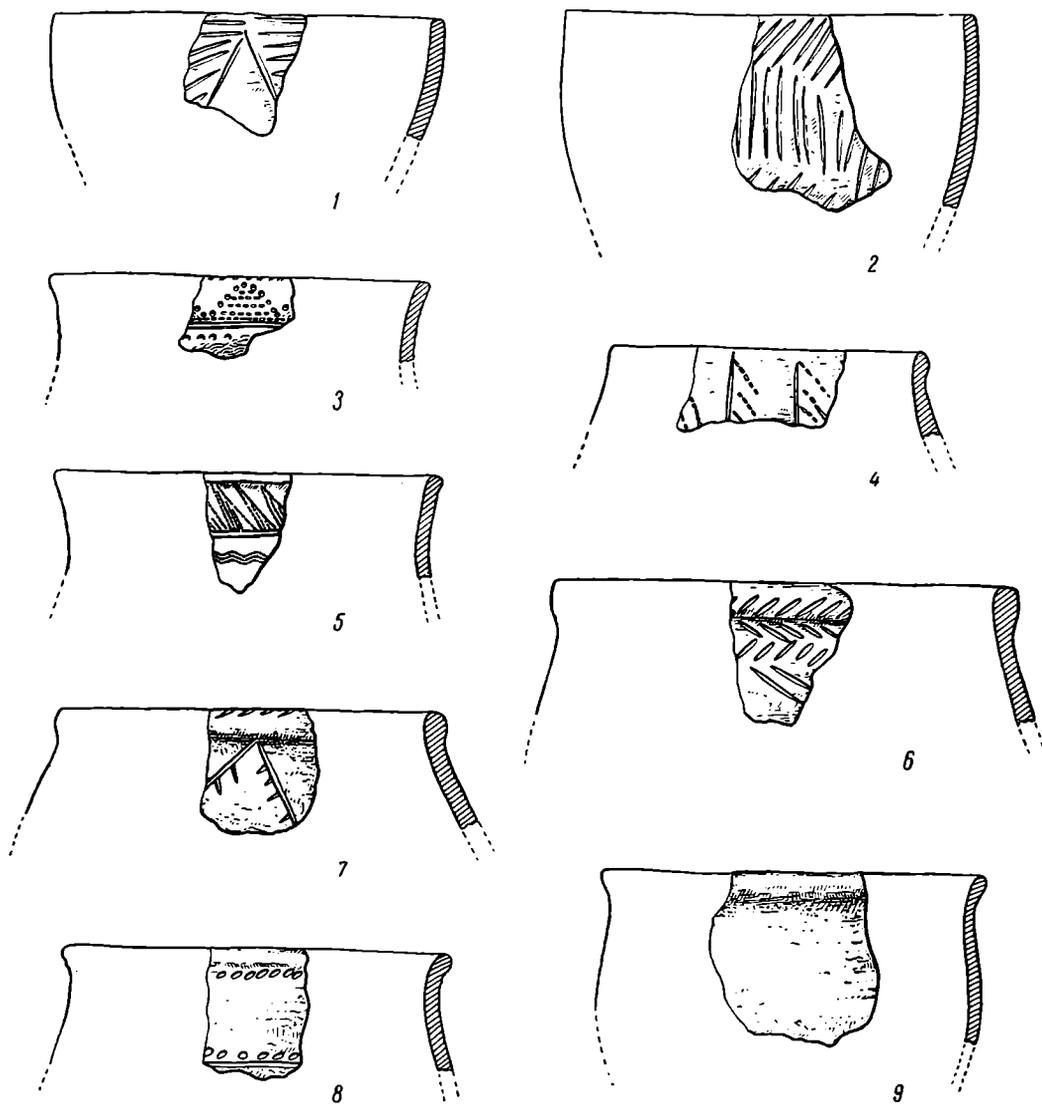

Рис. 20. Формы керамики:

I группа: 1, 2 — г. Степняк; II группа: 3, 5 — г. Степняк; 4 — Бес-Тюбе; III группа: 6, 8 — Бес-Тюбе; 7, 9 — г. Степняк.

3. Горизонтальные и вертикальные зигзагообразные линии (иногда только одна), покрывающие весь сосуд или образующие орнаментальный пояс. Оттиснуты крупнозубчатым, реже мелкозубчатым, а также гладким штампом.

4. Ряды округло-треугольных и миндалевидных косых и вертикальных вдавлений, расположенных часто елочкой.

5. Ряд миндалевидных и круглых вдавлений или зигзагообразная линия, нанесенная зубчатым штампом, на обресе венчика.

6. Налепной валик, на шейке или плечиках сосуда, с косыми или вертикальными вдавлениями, сделанными палочкой с острым ребром.

7. Ряд косых перекрещивающихся глубоких, клинообразных вдавлений, образующих орнаментальный поясок на плечиках сосуда.

Перечисленные элементы орнамента (за исключением № 7) располагаются на сосудах в разнообразных сочетаниях, преимущественно по шейке и плечикам.

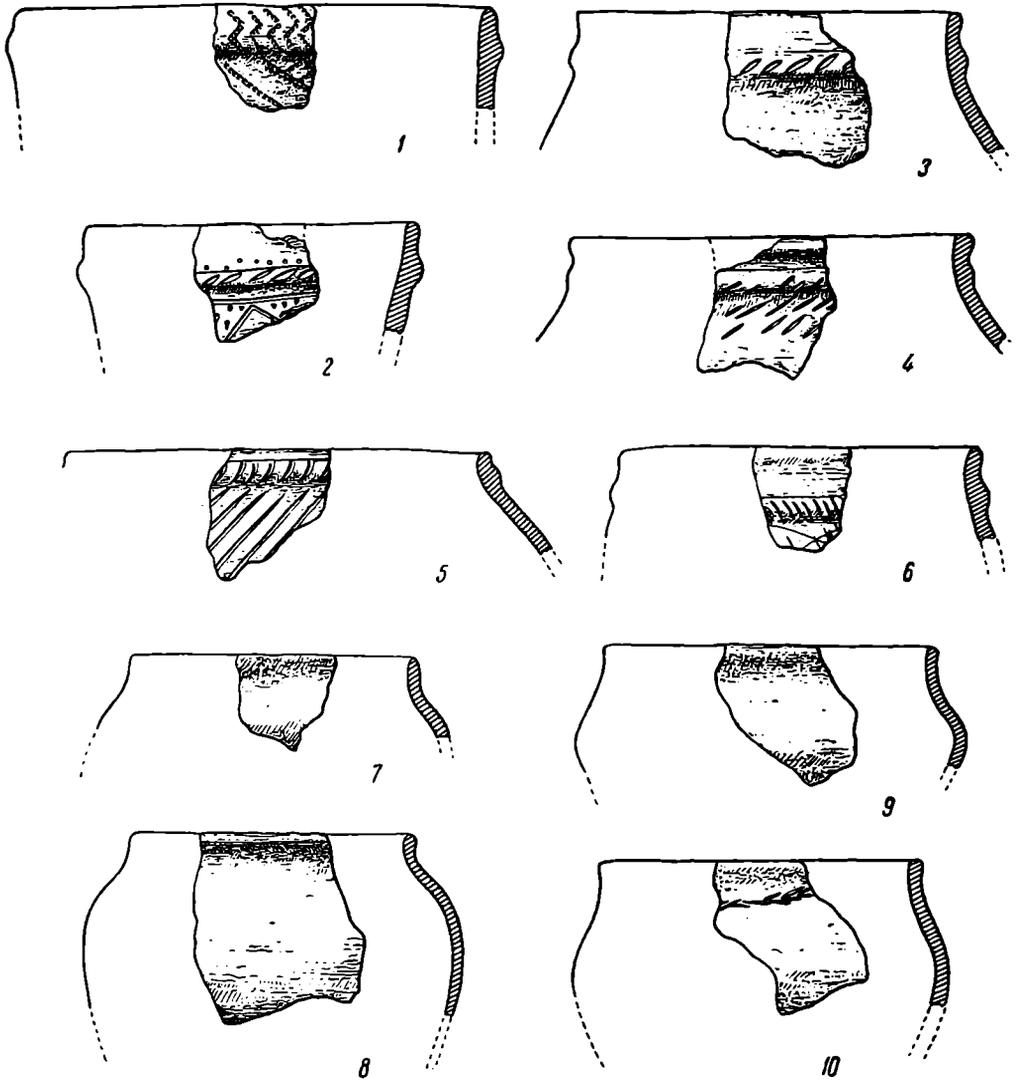

Рис. 21. Формы керамики:

V группа: 1, 2 — г. Степняк; V групп а: 3, 4 — Бес-Тюбе; 5—Сталинский рудник; 6—г. Степняк; VI группа: 7 — Бес-Тюбе; 8 — г. Степняк; VII группа: 9, 10 — г. Степняк.

Первая группа — банкообразные сосуды и горшки с характерным геометрическим орнаментом. Их форма и орнамент типичны для сосудов из погребений, относящихся ко времени существования андроновской культуры по всей области ее распространения. Однако необходимо еще раз отметить, что в материалах из поселений у г. Степняка нет форм ее западного варианта — сосудов с характерным уступом на плечиках, сближающих западно-андоновскую керамику с сосудами срубной культуры.

Вторая группа характеризуется сосудами с округлыми или сильно выпуклыми боками и банкообразными сосудами с прямыми суживающимися книзу стенками (в сосудах первой группы стенки банок всегда несколько выпуклы). Для этой группы характерны налепной валик и ряды различных вдавлений, встречающиеся, однако, несколько реже, чем на керамике первой группы. Богатый андроновский геометрический орнамент встречается редко и в более простых сочетаниях. Появляются косые поперечные вдавления. Некоторые сосуды без орнамента.

Третья группа — горшки с выпуклыми стенками и короткой шейкой, орнаментированные большей частью лишь горизонтальной полоской из перекрещивающихся вдавлений. Только в двух случаях имеются миндалевидные вдавления и в одном — зигзаг, оттиснутый зубчатым штампом, свидетельствующие о том, что старые приемы орнаментации почти оставлены. Большая часть сосудов не имеет орнамента.

Выделенные нами семь типов сосудов связаны промежуточными переходными формами. Это позволяет говорить о постепенном развитии форм, связанных с развитием хозяйства и общественных отношений. Как видно на рис. 21, все три группы сосудов генетически между собой связаны. Несомненно, что древнейшими из них являются классические андроновские горшки и банкообразные сосуды, объединенные нами в первую группу. Вторая группа характерна для позднего этапа андроновской культуры¹ и имеет много аналогий и в поздних поселениях срубной культуры.

Наиболее характерно для этого этапа украшение сосудов налепным валиком с насечками. Изменяются и формы сосудов. Появляются горшки с короткой шейкой и отогнутым венчиком, а также большие сосуды с сильно выпуклыми стенками. Это была обыкновенная кухонная посуда, наряду с которой продолжали употребляться андроновские горшки, украшенные сложной геометрической орнаментацией, имевшей, по всей вероятности, какое-то культовое значение. Так, в Алексеевском поселении на Тоболе андроновские горшки были встречены и в могильнике, и на жертвенном месте, и на поселении, сосуды же с налепным валиком — только в землянках на поселении (за исключением одного случая)².

Третья группа сосудов объединяет горшки с короткой шейкой и выпуклыми боками. Они большей частью не орнаментированы. В одном случае отмечен зигзаг из оттисков зубчатого штампа, в двух — елочные вдавления и в одном — налепной валик. Чаще встречается орнамент в виде пояса из косых вдавлений, образующих как бы ложный валик. Такой технический прием встречается и во второй группе. Плохая, по сравнению с андроновскими, выделка сосудов и бедность орнаментации заставляют выделить их в особую группу, несомненно более позднюю, чем первые две. По выделке они сходны уже с раннекочевнической керамикой, хотя аналогии этим сосудам по форме пока не находится. Вероятно, они относятся к самому началу кочевания, когда в производстве глиняной посуды еще не выработались новые формы, но она уже перестала доминировать в быту, как это было на предыдущих этапах, и стала заменяться посудой из других материалов.

Таким образом, изучение глиняной посуды показывает естественное, закономерное развитие ее форм, связанное с развитием одного и того же общества, а не резкую смену культуры, привнесенную откуда-то извне какими-то переселенцами или завоевателями.

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч. В Алексеевском поселении эта группа также выделяется очень четко и имеет совершенно тот же характер, что и на поселениях у г. Степняка.

² О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 137 (погребение № 18).

К тому же заключению приводит и изучение форм бронзовых орудий. Наиболее древняя форма в нашем материале — вислообушный топор с валиком вокруг втулки (рис. 22—7), бывший несомненно боевым оружием. Он характерен для андроновской культуры по всей области ее распространения от Урала до Енисея. Подобные же топоры, но более простой формы и без валика, характерны и для срубной культуры. В Казахстане и Сибири они до сих пор были известны только как случайные находки¹. Наличие такого топора в комплексе других находок в г. Степняк подтверждает установившуюся их датировку. Несомненно, что они бытовали и на позднем этапе андроновской культуры. В нашем материале отсутствует другое типично андроновское бронзовое оружие — плоский кинжал с выемками у рукоятки, хорошо датированный раскопками Каменского². Однако находка в верховьях Иртыша литейной формы такого кинжала на одном камне вместе с формой для отливки желобчатого долота с втулкой также заставляет нас предположить, что листовидные кинжалы бытовали в течение всего периода существования андроновской культуры, а не только на ее ранних этапах³.

Большая часть бронзовых предметов из находок на поселениях у г. Степняк имеет характерные казахстанские формы, которые впервые отметил М. П. Грязнов, поставив в свое время вопрос о казахстанском очаге бронзовой культуры⁴. Это массивные однолезвийные ножи, отлитые в односторонней форме, с отверстием в конце рукоятки (рис. 22—14), небольшое кельтообразное долото с втулкой (рис. 23—5), пальштабообразное тесло с прямой спинкой (рис. 23—4) и массивные прямые кирки⁵. Находки орудий этих типов при раскопках Алексеевского поселения подтверждают их казахстанское происхождение⁶. Они типичны для позднего этапа андроновской культуры и известны на всей территории Северного Казахстана. К упомянутым орудиям надо добавить листовидный наконечник копья⁷ с коротким прямоугольным черенком и валиком, отделяющим черенок от лезвия (рис. 23—1-2), квадратные в сечении шилья, прямые и с черенком (рис. 23—10, 12-14) и втульчатый с ромбическим пером наконечник стрелы (рис. 23—7). Подобные предметы есть также и в находках на Алексеевском поселении и хорошо могут быть датированы тем же временем⁸. К этой же группе следует отнести и втульчатое долото с копьевидным концом (рис. 23—3) и молоток цилиндрической формы с узкой прямоугольной проушиной.

Наиболее поздними вещами в нашем материале являются кинжал с округлым перекрестием и круглым в сечении валиком на конце рукоятки

¹ Сводку находок вислообушных топоров см. М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казаки», вып. 11, 1927, стр. 212.

² Там же, стр. 209.

³ С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алмата, 1949, табл. VII.

⁴ М. П. Грязнов. Казахстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казаки», вып. 15, 1930, стр. 149.

⁵ Кирки из находок у г. Степняка см. С. С. Черников. Древнее горное дело в районе г. Степняка, рис. 11.

⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., рис. 20 и 27. Необходимо отметить, что кирки на Алексеевском поселении не обнаружены, что и понятно, так как обитатели не были непосредственно связаны с горным делом.

⁷ Нам представляется ошибочным определение О. А. Кривцовой-Граковой этого орудия как кинжала. Характерный короткий черенок, суженное лезвие у основания и круглый валик — все это признаки копья, а не кинжала. На нашем экземпляре имеется знак, сделанный насечкой (рис. 23—1, 1а). А. Н. Бернштам склонен видеть здесь китайский иероглиф копья (Эпиграфика Востока, т. III, стр. 56).

⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., рис. 20, 33 и 34. Наконечник стрелы (лятейный брак) убедительно доказывает их местное производство.

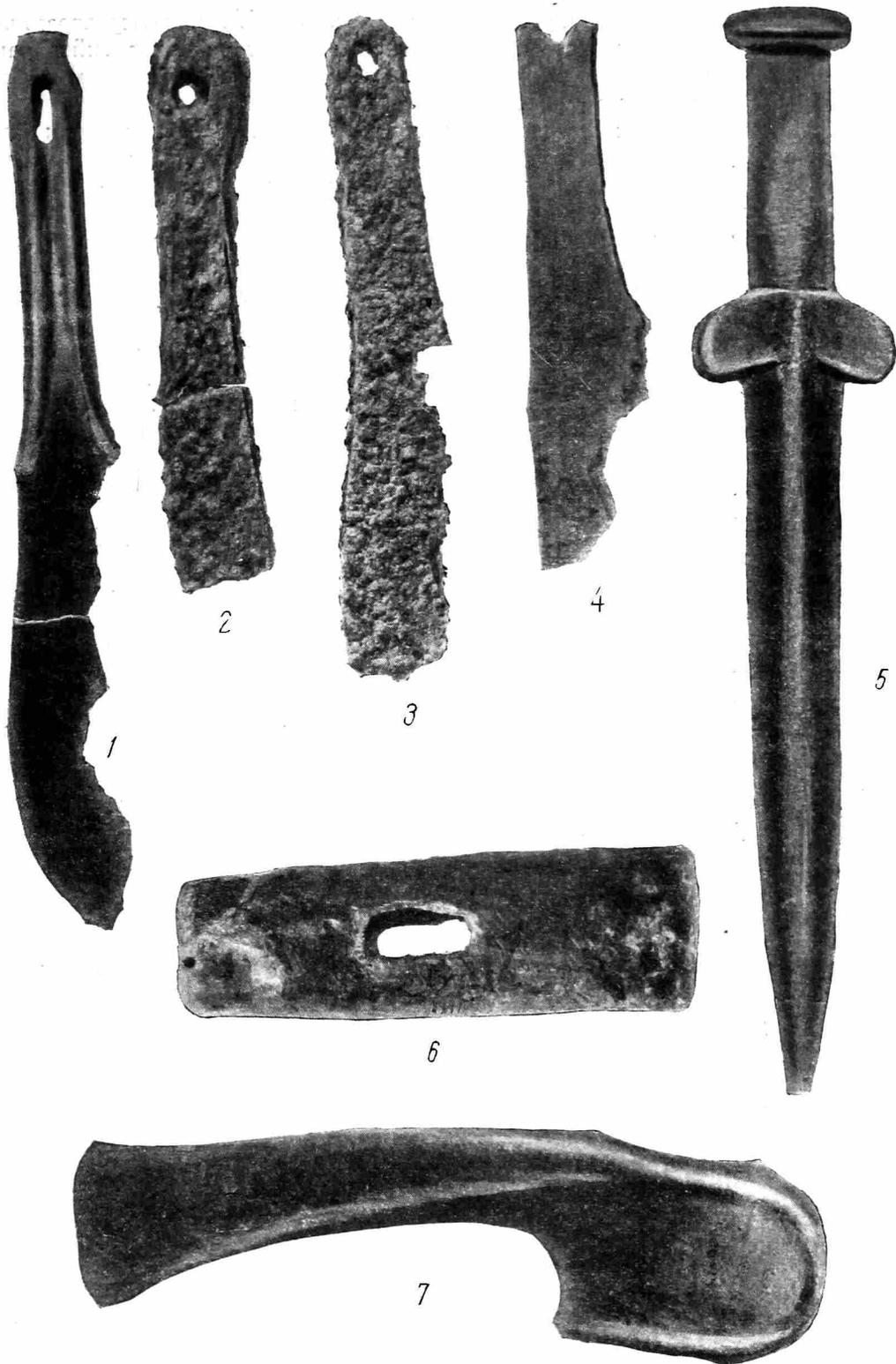

Рис. 22. Бронзовые и медные орудия и оружие:

1 — нож (Сталинский рудник, 1-е поселение); 2, 3 — обломки ножей (Сталинский рудник, 2-е поселение); 4 — обломок ножа (Бес-Тюбе); 5 — кинжал (Сталинский рудник); 6 — молоток (поселение у Аульной площади); 7 — вислобушный топор (Бес-Тюбе) (6 — медь, остальные предметы из бронзы).

(рис. 22—5), обломки круглого зеркала (рис. 23—11) и четырехгранный втульчатый наконечник стрелы. Эти предметы имеют ряд аналогий в раннекочевнических погребениях, хотя техника изготовления в основном та же, что и у всех описанных орудий.

Костяные орудия с поселений у г. Степняка немногочисленны: две бляшки с резным орнаментом, неопределенное орудие из ребра быка с закругленным широким концом и орудия из челюсти быка для разминания кожи, так называемые тупики.

Такие же тупики найдены и на Алексеевском поселении, а орнамент костяной бляшки аналогичен орнаменту на бронзовой бляшке из погребения № 13, открытого там же¹. Эти предметы также могут быть отнесены к позднему этапу андроновской культуры.

Особо нужно отметить найденные на Сталинском руднике погребения, расположенные на отвалах древней выработки. Имеются сведения, что погребения находились под небольшими земляными курганами. Сохранилось только два черепа, несколько круглых и цилиндрических пастовых бусин, две золотые проволочки и две смятые золотые пронизки, сделанные из тонкого листочка. По определению В. А. Городцова, бусы относятся к III—V вв. н. э. Несомненно, погребения совершались в то время, когда население уже забыло о бывшем на этом месте золотом руднике. По определению Г. Ф. Дебеца, найденные черепа занимают промежуточное положение между европеоидными и монголоидными, тогда как андроновцы все европеоиды².

Таким образом, на основании анализа керамики, бронзовых и костяных орудий из поселений у г. Степняка мы приходим к выводу, что эти памятники относятся к одной культуре поздней бронзы, в пределах которой можно наметить три этапа ее развития. К первому из них по формальным признакам относятся предметы, которые можно назвать чисто андроновскими, т. е. сосуды банкообразной формы и горшки с характерным геометрическим орнаментом. К нему же надо отнести и вислообушный топор. Ко второму этапу — сосуды с наlepным валиком, пластинчатые ножи, копыя с коротким черешком, долота с втулкой, шилья и т. п. Наконец, третий этап характеризуется горшками почти без орнамента, кинжалом скифского типа и четырехгранным наконечником стрелы.

Как уже отмечалось, все три этапа генетически связаны. Однако такое деление, если им ограничиться, будет чисто формальным. Рассматривая материалы всех исследованных поселений этого типа в Северном Казахстане (Степняк, Алексеевка, Мало-Красноярка, Канай), можно констатировать их относительную одновременность (поселения у г. Степняка, возможно несколько более поздние, чем Алексеевское). Мы видим, что во внешних формах материальной культуры, а следовательно, и в хозяйстве общества, создателя этой культуры, происходят важнейшие изменения, приводящие к резкой смене всего уклада жизни и, несомненно, связанные с ростом значения скотоводства, приведшим в конце концов к кочеванию. Именно эта последняя стадия наблюдается на поселениях у г. Степняка. Здесь сильны еще пережитки пастушеско-земледельческого оседлого быта (андоновские формы), но есть уже и новые, характерные для кочевников черты. Кочевое хозяйство было в тот период прогрессивным, ведущим; с его развитием исчезают оседлые поселения пастухов-земледельцев. Позже происходит переход к железу. Однако высокоразвитая металлургия бронзы долго еще

¹ О. А. Кривцова-Гракова, рис. 24 и 41.

² Г. Ф. Дебeц. Палеоантропология СССР. Тр. Института этнографии АН СССР, т. IV, 1948, стр. 149. Г. Ф. Дебeц, введенный в заблуждение Б. М. Чудиновым, ошибочно приписывает их древним рудокопам.

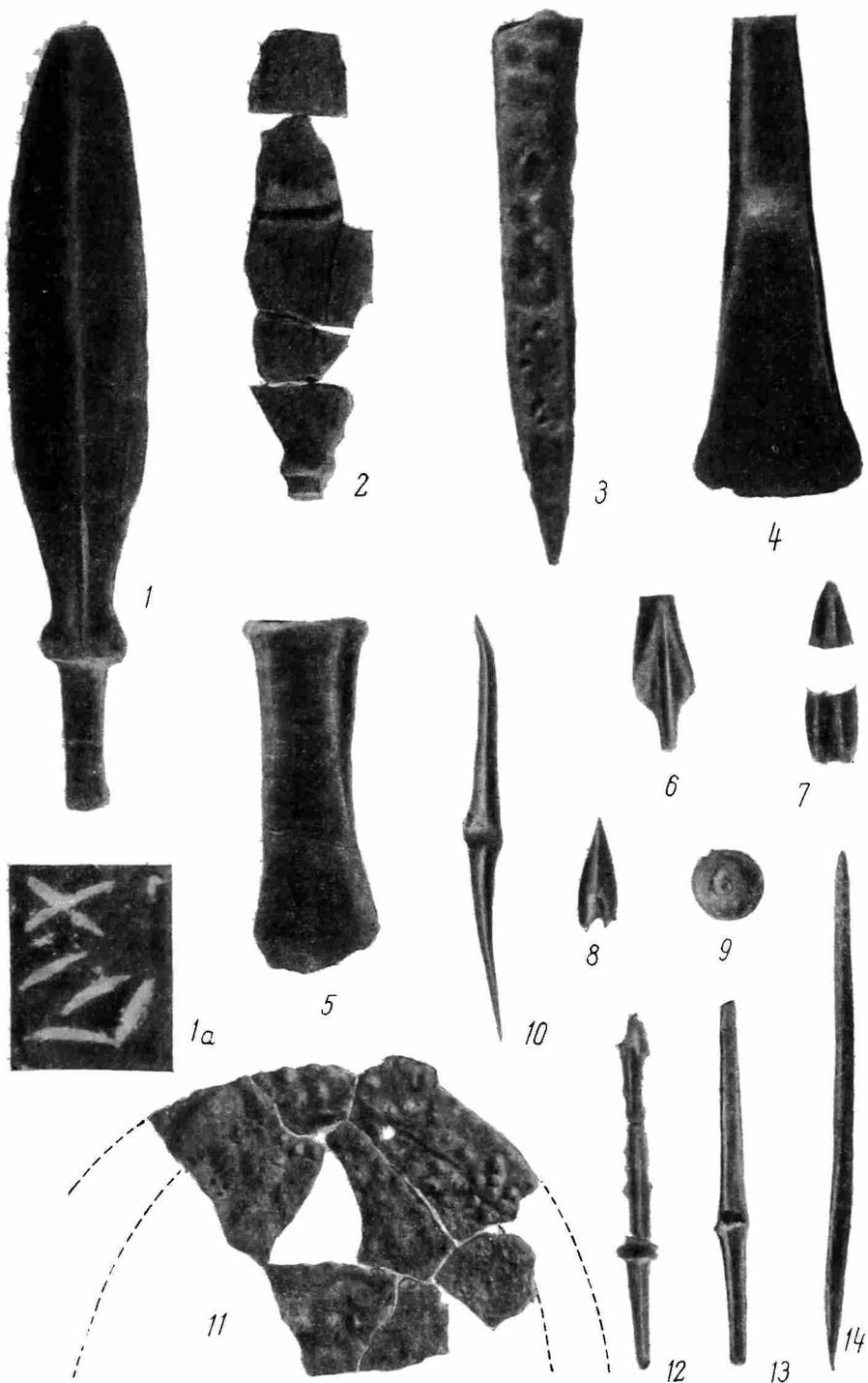

Рис. 23. Бронзовые и медные орудия и оружие:

1 — копье с вырезанным на нем знаком; 1а — знак на копье (увеличение в 8 раз);
 2 — обломки копья; 3 — втульчатое долото; 4 — тесло; 5 — втульчатое тесло; 6, 7, 8 — наконечники стрел; 9 — бляшка; 10, 13, 14 — бронзовые шила; 11 — обломки зеркала; 12 — шило, неочищенное после отливки (6 — медь, остальные предметы из бронзы); 1, 3, 8, 9, 10, 14 — Бес-Тюбе; 2 — Сталинский рудник, 2-е поселение; 5 — 1-е поселение; 4, 6, 7, 12, 13 — поселение у Аульной площади; 11 — Сталинский рудники.

остаётся ведущей, и окончательный переход к железу в Казахстане происходит только в V—IV вв. до н. э., запаздывая по сравнению, например, с Причерноморьем, лет на двести. Ни в какой мере это не означало отсталости общественного развития в Казахстане, так как именно здесь имелись наиболее благоприятные условия для изготовления высококачественных бронзовых орудий, обильные месторождения меди и олова, что позволяло долгое время обходиться без железа.

Вместе с концом металлургии бронзы прекращается и добыча золота в районе г. Степняка. Андроновская культура (ее поздний этап) сменяется культурой ранних кочевников, со своими характерными формами материальной культуры. Этот поздний этап андроновской культуры и представлен на поселениях Северного Казахстана. О. А. Кривцова-Гракова вполне обоснованно датирует конец существования Алексеевского поселения VIII в. до н. э.¹ С этим нельзя не согласиться. Прекращение жизни на поселениях у г. Степняка относится к несколько более позднему времени. В материалах с этих поселений есть уже некоторые элементы кочевнической культуры, чего в Алексеевском не наблюдается². Повидимому, они закончили свое существование в VII в. О времени возникновения позднеандроновских поселений судить трудно, так как мы не располагаем данными, указывающими на продолжительность их существования.

При рассмотрении позднего этапа андроновской культуры нельзя не учесть еще одного памятника — известного погребения Дындыбай II, раскопанного М. П. Грязновым в 1933 г. В отчете о раскопках оно было отнесено к карасукской культуре³. Это определение послужило поводом для заключения о распространении карасукской культуры от Енисея до Центрального Казахстана, что, на наш взгляд, вряд ли может быть аргументировано достаточно убедительно. В погребении Дындыбай II обнаружено 13 глиняных сосудов, из которых часть действительно имеет формальное сходство с карасукской керамикой (круглое или уплощенное дно, прямая шейка, поперечная штриховка полос орнамента)⁴. Этим сходство и ограничивается. Весь же комплекс имеет гораздо больше общего с керамикой из поселений у г. Степняка и, несомненно, генетически с ней связан, но в то же время типично андроновскими эти сосуды назвать нельзя.

В могиле Дындыбай II был погребен какой-то выдающийся человек, и положенная с ним глиняная посуда, за исключением нескольких простых горшков, повидимому, не была бытовой. Однако подобные простые горшки, орнаментированные вдавлениями, нередки на поселениях у г. Степняка. В нашей таблице (рис. 19) изображены вне поля четыре сосуда; два правых с типично дындыбаевским орнаментом при андроновской форме горшка⁵, третий, вероятно, был кубком на поддоне. Два экземпляра таких кубков есть и в Дындыбае⁶. На дындыбаевских же сосудах имеются и чисто андроновские орнаментальные мотивы, например вытянутые ромбы, елочка, оттиснутая гладким штампом, и пр. Нам представляется более правильным отнести могилу Дындыбай II не к «западному варианту Карасука», а к конечному этапу андроновской культуры, на грани перехода ее в куль-

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 163.

² Синхронным поселением у г. Степняка будет и поселение у с. Мало-Красноярка в верховьях Иртыша, обследованное нами в 1947 г. См. Изв. АН КазССР, серия археол., вып. 2, Алма-Ата, 1950.

³ История СССР (издана на правах рукописи), ч. I—II, 1939, стр. 153; О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 164.

⁴ Изв. ГАИМК, вып. 110, рис. 21—8-11.

⁵ Черепки с таким же «дындыбаевским» орнаментом были встречены нами и на поселениях у Мало-Красноярки и аула Канай в верховьях Иртыша.

⁶ Сосуды на поддоне встречены и на Алексеевском поселении. О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., рис. 54, 9 и рис. 63—1-3.

туру ранних кочевников. В то время как на Енисее карасукская культура сменила андроновскую в основных ее центрах, в степях Северного Казахстана она продолжала развиваться и непосредственно перешла в культуру ранних кочевников. Нам представляется вполне целесообразным назвать последний этап андроновской культуры в Казахстане дындыбаевским этапом, по первому открытому памятнику. Этот этап синхронен карасукской культуре на востоке и срубно-хвалынской на западе. Видимо, он был не очень продолжителен, и пережитки типично андроновских форм в нем были сильны. Вспомним, что остальные погребения Дындыбаевского могильника содержат чисто андроновскую керамику. Дындыбаевский этап характеризуется не столько кубками и пышными сосудами, в которых можно усмотреть влияние какой-то другой культуры, сколько бытовой керамикой с валиками и формами бронзовых орудий, встречаемых на поселениях. На этом этапе все больше и больше осваиваются для скотоводства пространства степей Казахстана, а древняя металлургия бронзы и добыча золота достигают своего полного расцвета.

В эпоху раннего железа золото добывалось во многих районах СССР (Минусинский край, Алтай, Урал, Северный Кавказ), однако нигде добыча его не достигала таких крупных размеров, как в районе г. Степняка.

Можно поставить вопрос и о названии тех племен, которые владели этим крупнейшим центром древней добычи золота. Геродот, описывая Скифию, сообщает: «На севере Европы несомненно находится золото в огромном количестве; но как оно добывается, я не могу и этого сказать с достоверностью. Говорят, что одноглазые люди Аримаспы похищают его из-под грифов; но я не верю и в то, как люди рождаются одноглазые, будучи в прочих отношениях сходны с остальными людьми»¹.

В следующей книге он уточняет данные об аримаспах. «Итак Исседоны также еще известны, а выше их (к северу), по рассказам Исседонов, живут одноглазые люди и стерегущие золото грифы. Со слов Исседонов передают этот рассказ скифы, а от скифов знаем и мы, почему и называем их по-скифски Аримаспами; арима скифы называют единицу, а спу — глаз»². Следовательно, аримаспы живут за исседонами, т. е. еще дальше от греческого мира, и добывают в больших количествах золото. Купцы метрополии и греческих колоний Причерноморья непосредственно с аримаспами торговли не ведут за дальностью расстояния, но слышали из третьих рук, от скифов, о большом количестве золота, добываемого в земле аримаспов.

Не вдаваясь сейчас в критический разбор литературы об античной географии Восточной Скифии, отметим лишь, что где бы ни помещать исседонов, на Урале или на Тянь-шане, выражение «за исседонами» в обоих случаях приведет нас в Центральный Казахстан. Следовательно, мы с известной долей вероятности можем локализовать аримаспов в районе Степняка, так как второго такого крупного центра добычи золота у ранних кочевников не было. До Геродота и других античных авторов доходили только полуфантастические сведения о богатствах земли аримаспов, проверить которые за дальностью расстояния они не могли.

---

¹ Геродот, III, 116 (ср. пер. Мищенко, т. I, стр. 277).

² Геродот, IV, 27 (ср. пер. Мищенко, т. I, стр. 315).

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Ф. ДУБЫНИН

КОВРОВСКИЙ ФАТЬЯНОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

При изучении границ распространения основной массы памятников, относящихся к фатьяновской культуре, сложилось представление, что фатьяновские могильники на юге, т. е. в пределах Владимирской обл., не доходят до среднего течения Клязьмы. Южная граница, изгибаясь, проходит от устья Киржача к северу и отдалается от Клязьмы на значительное расстояние (около 70 км от устья Нерли), а затем постепенно приближается к Оке при ее впадении в Волгу. Крайними точками этого изогнутого отрезка южной границы считается с одной стороны Буньковский и Верейский могильники на р. Клязьме, в районе Ногинска и Орехово-Зуева, а с другой — Чуркинский могильник на Волге под г. Горьким.

О. А. Кривцова-Гракова указывала, что на юге фатьяновские могильники «не достигают Клязьмы и только на юго-западе переходят на правый берег этой реки и опускаются на Оку»¹. Далее, в той же работе О. А. Гракова снова подчеркивала, что «с юга фатьяновская культура граничит с окским неолитом. Но здесь неолитические культуры нигде не приближаются к территории, занятой фатьяновскими могильниками, их область распространения не достигает течения р. Клязьмы»².

А. Я. Брюсов в изданной в 1952 г. работе³ наглядно показал «приблизительные границы распространения фатьяновской культуры». На его карте дан изгиб южной границы к северу, отходящей на довольно большое расстояние от р. Клязьмы, главным образом в районе г. Коврова.

Однако при разрешении вопроса о распространении памятников фатьяновской культуры, в частности о южной границе занятой ими территории, необходимо иметь в виду фатьяновский могильник около г. Коврова, на правом берегу Клязьмы (рис. 24). Он был открыт в 1938 г.⁴ при разработках гравия, в черте города, в 3 км к югу от центра и в 0,5 км к востоку от дер. Шашева. Могильник располагался на вершине небольшого холма, склоны которого полого спускались во все стороны. В одном-двух километрах на запад от холма протекает Клязьма.

В юго-восточной части карьера для добычи гравия были обнаружены четыре погребения. Первые два находились у южной стенки карьера. По

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 22.

² Там же, стр. 24—25.

³ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 90, рис. 15.

⁴ Осмотр могильника произведен 29 июня 1938 г. автором совместно с быв. директором Ковровского музея А. Г. Бутряковым.

рассказам рабочих, производивших выемку гравия, оба погребения были рядом, костяки лежали головами на северо-запад. При одном из них (№ 2) обнаружен массивный каменный полированный сверленный топор-молот с хорошо выраженной, характерной для фатьяновских топоров лопастью (рис. 25—1).

Несколько севернее, примерно в 6,5 м от первых двух, находилось третье погребение. При костяке, лежавшем головой на юго-запад, найдены: каменный топор со сверлиной, более короткий и широкий, чем первый

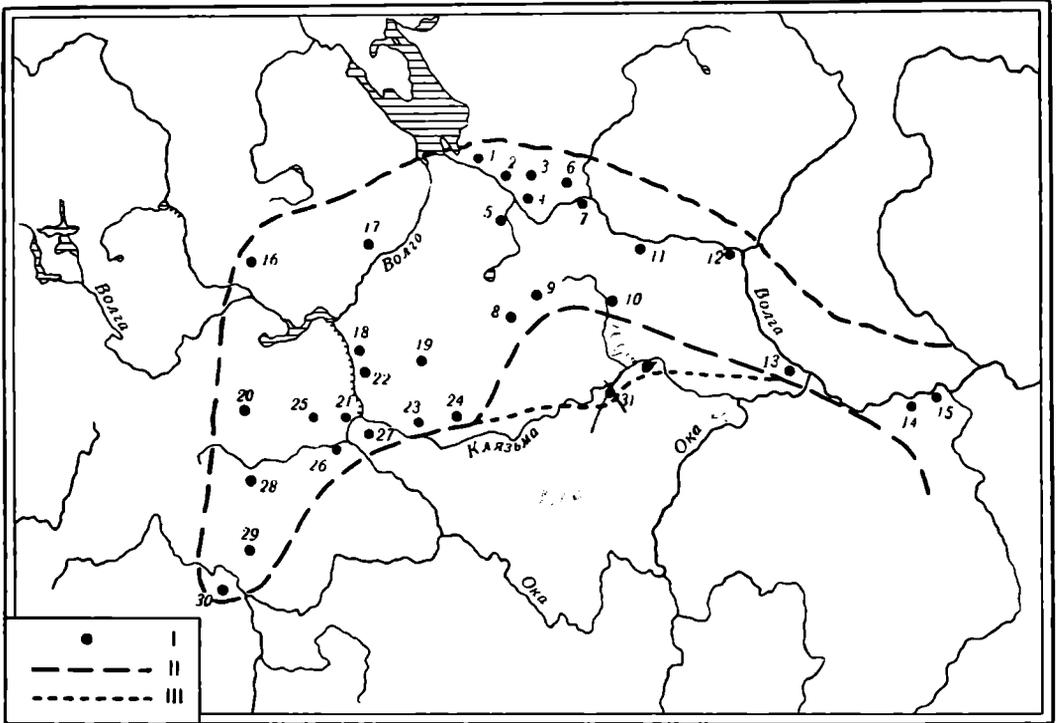

Рис. 24. Область распространения фатьяновской культуры.

Могильники: 1 — Тутаевский; 2 — Вауловский; 3 — Фатьяновский; 4 — Ворокский; 5 — Великосельский; 6 — Говядинский; 7 — Чижовский; 8 — Быстринский; 9 — Мытищинский; 10 — Змеевский; 11 — Горкинский; 12 — Юрвецкий; 13 — Чуркинский; 14 — Атав-Коса; 15 — Балановский; 16 — Ошурковский; 17 — Лихачевский; 18 — Кузьминский; 19 — Сущевский; 20 — Булановский; 21 — Икшинский; 22 — Протасевский; 23 — Буньковский; 24 — Верейский; 25 — Истринский; 26 — Давыдовский; 27 — Ивановский; 28 — Колодезный; 29 — Михеевский; 30 — Детчинский; 31 — Ковровский.

I — могильник фатьяновской культуры; II — приблизительная граница распространения фатьяновской культуры по А. Я. Брюсову; III — южная граница распространения фатьяновской культуры по находкам в г. Коврове.

(рис. 25—2), каменный клиновидный топор без отверстия, линзообразный в сечении (рис. 25—3), и глиняный сосуд, повидимому, круглодонный, с высокой шейкой и орнаментом по плечикам (не сохранился).

Еще севернее, в 3,5 м от предыдущего, открыто четвертое погребение, значительная часть которого оказалась также уже разрушенной.

Судя по обнаруженным здесь остаткам костяка и сопровождавшим его предметам, погребение № 4 можно представить себе в следующем виде. Могильная яма ориентирована СССВ на ЮЮЗ. Длина ее около 1,45 м, ширина 0,9 м, ко дну яма несколько суживается. Вероятно, она была четырехугольной, с закругленными углами, но по мере углубления принимала более овальную форму. Уровень дна ямы у черепа был выше, чем в противоположной части. На дне, на глубине 1,65 м, находилось погребение человека в скорченном положении на правом боку, руки располагались перед лицом, ноги несколько поджаты (рис. 26).

При расчистке сохранившейся части могильной ямы обнаружены следующие вещи. На дне, в юго-западном конце, где находился череп, встречены части раздавленного глиняного круглодонного горшка с довольно высокой шейкой. По шейке нанесен орнамент из линий с отпечатками крученого шнура. Повидимому, сосуд был поставлен около головы (рис. 25—4). Несколько ближе к середине могилы, на расстоянии 0,5 м от сосуда, также у северной стенки ямы, лежали два каменных топора, сверленный и клиновидный без отверстия. Первый (рис. 25—5) был расположен перпендикулярно к продольной (северной) стенке, лезвием к краю ямы. На лезвии сверленного топора лежала тыльная часть клиновидного (рис. 26—6).

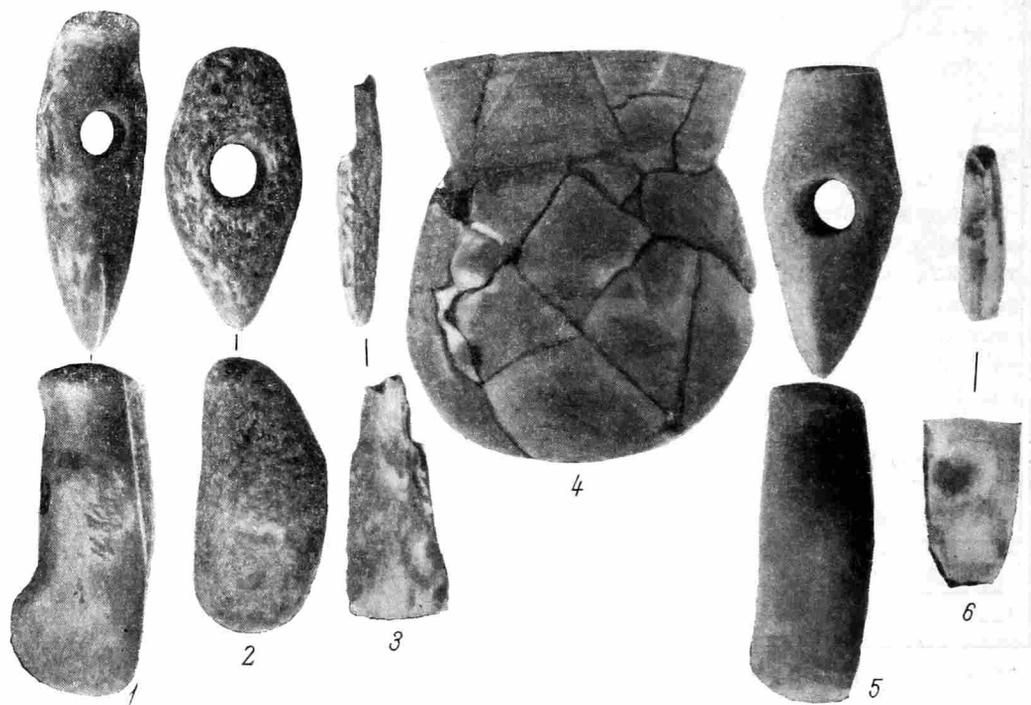

Рис. 25. Каменные топоры и глиняный сосуд из Ковровского могильника.

К северо-востоку от них, в 1,0—1,2 м, повидимому, около костей ступней, найдены три предмета из кости или рога. Один из них, длиной 10 см, с заостренным и противоположным плоским закругленным концом, очень напоминает небольшую мотыжку (рис. 26—6). Второй предмет, длиной 5 см, повидимому, верхняя часть шильца, рабочий конец которого отломан (рис. 26—5), а третий — часть изогнутого костяного орудия, довольно большого размера, круглого в сечении; рабочий конец обломан; длина сохранившейся части 14,5 см (рис. 26—4).

Описанное положение костяка в погребении № 4 Ковровского могильника почти полностью совпадает с положением костяков в двух погребениях, обнаруженных в Змеевском могильнике под г. Шуей на р. Тезе¹. Он находится от Ковровского всего в 40 км. В обоих могильниках почти одинаковое расположение вещей: в Змеевском, в погребении № 1, у изголовья также находился глиняный сосуд, а в ногах костяные предметы; и в Ковровском и Змеевском вещи лежали и около тазовых костей, посередине могильной ямы и за спиной костяка.

¹ Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. Л., 1941, стр. 87.

Находившиеся у ног костяные предметы в ковровском погребении № 4 были сделаны из костей домашних животных, а в погребении № 1 Змеевского могильника — диких. В Змеевском были найдены мотыжка из кости домашнего крупного быка (*Bos taurus*)¹, шильца из кости домашней свиньи (*Sus scrofa Tibula*) и ребра козленка; в Коврове найденная часть изогнутого орудия представляет собой фрагмент обработанного рога, по-видимому, благородного оленя (*Cervus elaphus*), другой предмет, в форме мотыжки, очевидно, тоже из рога благородного оленя и, наконец, третий предмет мог быть шильцем, изготовленным из кости козули европейской (*Capreolus capreolus*)².

Находки из ковровских погребений вообще весьма близки к вещам из фатьяновских могильников так называемой ярославской группы. Среди ковровских каменных топоров клиновидной формы один имеет почти прямоугольное сечение наподобие топора из Фатьяновского могильника³. В обоих могильниках такие топоры — сравнительно небольших размеров (рис. 25—6). Второй клиновидный топор (линзовидный в сечении) принадлежит к наиболее часто встречающемуся в ярославской группе⁴ типу (рис. 25—3).

К числу более распространенных в могильниках ярославской группы лопастных топоров относятся найденные в Коврове два сверленных топора. У одного из них еще мало заметная, едва намечающаяся лопасть (рис. 25—5), у другого она уже резко выступает (рис. 25—1). Наконец, мы имеем и топор со сверлиной также весьма распространенного типа, он более короткий и широкий, без признаков лопасти (рис. 25—2).

Реставрированный круглодонный сосуд из погребения № 4 Ковровского могильника — несколько удлиненной круглодонной формы, но уже с хорошо

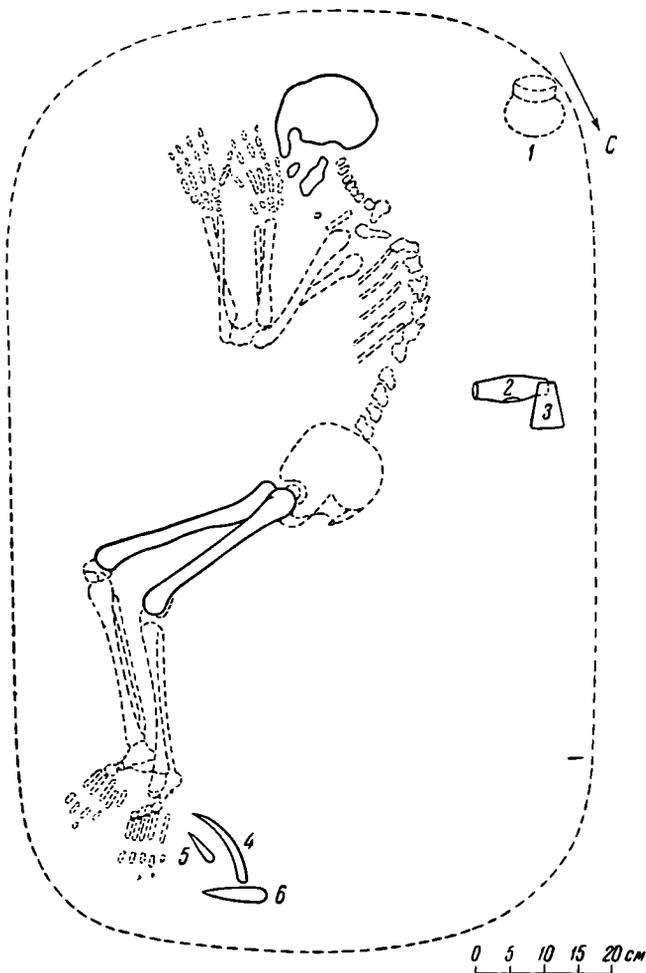

Рис. 26. Погребение № 4 Ковровского могильника (реконструкция):

1 — горшок; 2 — проушной топор; 3 — клиновидный топор; 4, 5, 6 — орудия из кости и рога.

¹ По определению В. И. Громовой (Ленинград).

² Сведения об определении костей мной были получены 18 января 1941 г. от быв. заведующего Ковровским музеем А. Г. Бутрякова.

³ О. А. Гракова. Указ. соч., рис. 8—3.

⁴ Там же, рис. 8—5.

выраженной высокой шейкой, слегка расширяющейся кверху раструбом. Этот сосуд сохраняет более ранние, характерные для сосудов из московской группы могильников пропорции. В нем еще не чувствуется тенденции к приземистости и уплощенности формы, типичной для посуды из ярославской группы могильников фатьяновской культуры.

Находки в Коврове 1938 г. дают достаточно оснований, чтобы говорить о наличии здесь могильника фатьяновского типа, который может быть отнесен к ярославской группе памятников фатьяновской культуры. По времени он стоит еще довольно близко к могильникам московской группы и имеет с ними некоторые общие черты, отсутствующие в других могильниках Ивановской обл.

Ковровский могильник, вероятно, можно датировать началом второй четверти II тыс. до н. э., если учитывать данную О. А. Граковой классификацию памятников фатьяновской культуры¹.

Открытие фатьяновского могильника под Ковровом представляет большой интерес для определения южной границы распространения памятников фатьяновской культуры. Можно определенно сказать, что здесь эта граница шла не углом вдали от р. Клязьмы, как отмечается на карте А. Я. Брюсова², а проходила от пределов Московской обл. по р. Клязьме и в районе г. Коврова и даже заходила на правый берег реки. Как она шла дальше на восток от Ковровского могильника, пока сказать трудно. Здесь граница могла несколько отклониться от течения Клязьмы, идя прямее к устью Оки, где уже известен Чуркинский могильник.

Итак, мы имеем все основания говорить, что южная граница распространения основной массы памятников фатьяновской культуры в пределах Владимирской обл. не отходит к северу от среднего течения Клязьмы, а, наоборот, подходит к ее руслу, а в районе г. Коврова даже переходит на правый берег (рис. 24).

Таким образом, с севера территория распространения фатьяновской культуры ограничивается Верхней Волгой, а с юга она доходит до среднего течения Клязьмы.

---

¹ О. А. Гракова. Указ. соч., стр. 33.

² А. Я. Брюсов. Указ. соч., рис. 15.

П. Д. СТЕПАНОВ

ФАТЬЯНОВСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ЗАПАДНОМ ПОВОЛЖЬЕ

На территории Чувашской АССР летом 1950 г. работала под руководством П. Д. Степанова археологическая экспедиция Саратовского педагогического института. Задачей экспедиции было изучение на территории городища Хула Сюче (рис. 27) культурного слоя поселения, относящегося к фатьяновской культуре, а также поиски других фатьяновских поселений.

Поводом для проведения работ послужили хранящиеся в Чувашском республиканском музее материалы из разведок Т. С. Пассек и Б. А. Латынина в 1925 г. на городище Хула Сюче близ с. Изванкино Аликовского р-на Чувашской АССР. К сожалению, в музее, кроме коллекции керамики с указанием даты сборов, никаких других материалов не оказалось. В печати же Изванкинское городище имело совершенно неправильное определение¹.

Городище Хула Сюче не единственный памятник фатьяновской культуры. Подобные ему обнаружены у с. Таганаши и у с. Калугино Красночетавского р-на Чувашской АССР, но и о них до разведок Саратовского педагогического института 1950 г. были даны в печати неверные сведения².

Фатьяновские поселения обычно обнаруживаются на городищах, перекрытые поздними слоями, которые датируются сетчатой и грубой керамикой городецкого типа.

На городище Хула Сюче была вскрыта двумя раскопами и шурфами площадь в 98 м². Раскопы были заложены вдоль края городища³; культурный слой на вскрытой площади имел различную мощность: дальше от края 0,3—0,4 м, вдоль самого края 0,8—1,0 м; в центральной части городища культурный слой оказался смытым.

На площади раскопа № 1, ближе к валу, слои чередовались так: внизу залегал слой желто-коричневой материковой глины, он шел довольно ровно с небольшим наклоном к краю городища (падение примерно 0,3 м на 6 м). На материковой глине лежала прослойка серого суглинка в 0,1—0,15 м, выходящая к середине площадки на дневную поверхность.

Выше суглинка залегал культурный слой в 0,2—0,3 м серовато-коричневого цвета. Он шел почти горизонтально к самому краю городища. Выше простирался пахотный слой коричневого цвета в 0,10—0,15 м.

Вдоль края городища, на глубине 0,5—0,6 м, в раскопе № 1, проходит полоса обожженной глины. Эта прослойка, шириной в 4 м различной

¹ П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948, стр. 65—69.

² П. Н. Третьяков. Указ. соч.

³ Счет поперечных траншей велся от подошвы вала и обозначался цифрами, а счет продольных траншей — от юго-восточного края городища и обозначался буквами.

мощности, на расстоянии 1,5—2 м от края городища прорывается идущей вдоль края канавой, в глубину доходящей до материковой глины. Канавка относится к более позднему времени.

В культурном слое встречены многочисленные пятна и прослойки обожженной глины, занимающие иногда большие площади. Местами они округлой или прямоугольной формы. Все это, несомненно, остатки кострищ.

На глубине 0,6 м от поверхности, на уровне слоя обожженной глины, вдоль края городища, полосой в 3—4 м ширины, обнаружены многочисленные остатки сгоревших плах. Плахи располагаются горизонтально и только

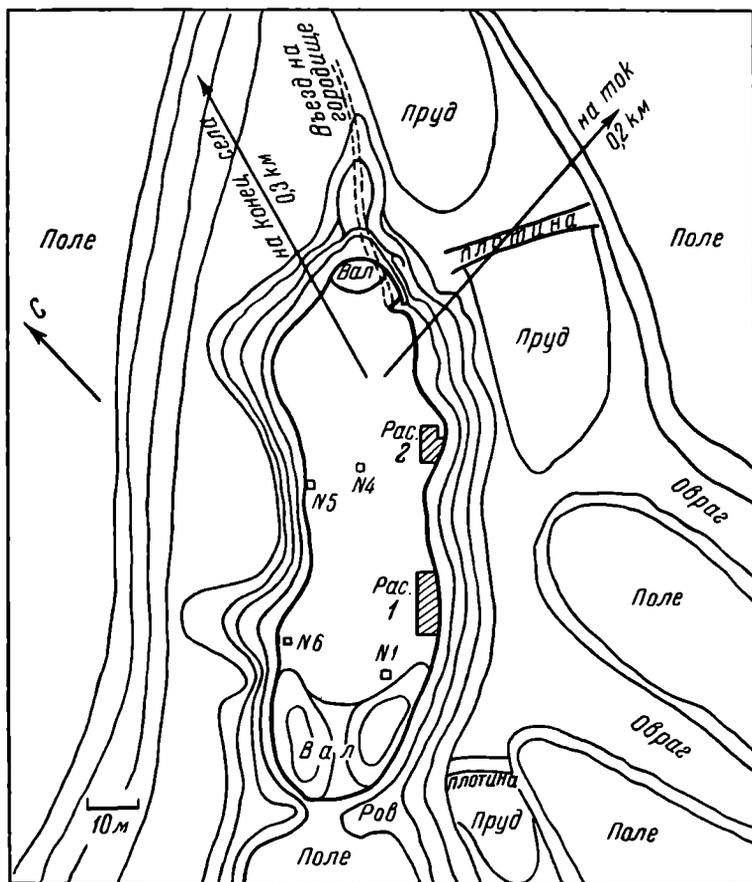

Рис. 27. План городища Хула Сюче у с. Изванкино.

в продольном направлении параллельно краю. Они могут быть остатками настила пола или покрытия кровли.

Следует указать на кострища с камнями (квадраты 5-В-3 и 7-Б-3), которые располагались непосредственно на суглинистой прослойке над материковой глиной.

Заслуживают особого внимания кострища в виде площадок обожженной глины (кв. 3-Б-4, 3-А-4 и 4-А-4) на глубине 0,8 м, лежащие непосредственно на материковой глине. Это, несомненно, остатки древнейших сооружений, перекрытые более поздними наслоениями.

Материалы стратиграфии культурных слоев, остатки некоторых сооружений дают нам право утверждать, что жизнь на городище продолжалась в течение довольно долгого времени. Наблюдаются два слоя и два разновременных комплекса, перекрывающих друг друга: нижний, относящийся к фатьяновскому поселению, и верхний — к городищу городецкой культуры.

Находки на городище подтверждают наши наблюдения о наличии двух культурных слоев и двух различных археологических комплексов. Особенно отчетливо это прослеживается на керамическом материале.

В настоящей заметке мы остановимся на фатьяновском комплексе находок, состоящем главным образом из керамики.

Среди общей массы керамики, добытой при раскопках городища, а также собранной на его поверхности, выделяется группа обломков сосудов с прямыми шейками, сильно выпуклыми округлыми боками и круглым дном. Стенки крупных сосудов обычно толстые, мелких — тонкие, снаружи и внутри гладкие; иногда встречаются лощеные. Наружная поверхность желтая, красноватая, светлосерая, внутренняя — черная. Глиняное тесто с примесью мелких частиц мела и охры хорошо промешано, и черепок довольно плотный.

Сосуды украшены орнаментом — нарезным, зубчато-чеканным, а также каннелюрами, налепными шишечками и валиками. Встречается орнаментировка в виде оттисков веревочки. Орнамент обычно располагается на шейке и на плечиках сосудов и состоит из ромбов, треугольников, зигзагов, елочки (рис. 28).

Многие образцы керамики чрезвычайно близки к керамике с городища Ош-Пандо и Балановского могильника. Значительная часть сосудов по орнаментике составляет самостоятельную группу, которая характеризуется следующими признаками: нет валика с наружной стороны края; на невысокой шейке обычно от одной до четырех углубленных полосок, иногда нанесенных оттиском веревочки; на шейке нередко мелкие шишечки, выдавленные с внутренней стороны; на плечиках каннелирование, часто елочка.

На городище найдено также большое число обломков шеек крупных сосудов грубой выделки, у которых по верхнему краю горла сделан дополнительный налеп — воротничок, загнутый внутрь. Эти сосуды не орнаментированы.

Керамика, аналогичная фатьяновской с городища Хула Сюче, имеется на двух соседних поселениях того же времени у с. Таганаши и с. Калугино¹, а также на Ош-Пандо, где обломки сосудов такого типа были единичными.

На городище Хула Сюче встречено также несколько обломков придонных частей сосудов с круглыми отверстиями, видимо служивших для изготовления творога или сыра. Аналогичные сосуды известны и на городище Ош-Пандо.

Среди других материалов, найденных на городище Хуле Сюче, отметим каменный шлифованный сверленный топор из зеленоватого диорита, булаво-видной формы (по классификации В. А. Городцова). На одной стороне топора есть тамга в виде косога креста. Этот топор — случайная находка, но мы его все же причисляем к данному комплексу; такого же типа топор с аналогичной тамгой был обнаружен в Балановском могильнике².

Наибольшее количество фатьяновской керамики обнаружено в нижних частях культурного слоя и в сероватом глинистом слое, поверх материкового суглинка. В этом слое было обнаружено (кв. 4-А-4) и кострище жилища.

К сожалению, на площади раскопа № 1 фатьяновский культурный слой очень небольшой мощности (0,5—0,1 м), залегает он на неширокой площади вдоль края городища ниже красного обожженного слоя. Внимательное изучение линии расположения этого слоя на материковом суглинке позволяет предположить, что слой находился на полу фатьяновского

¹ Материалы разведочной экспедиции П. Д. Степанова, 1950 г.

² Чувашский республиканский музей. Кн. поступл. № 4126. Карabay, 1933.

жилища, где встречены остатки большого кострища. Характерно, что в лежащих выше слоях нет следов обожженной глины, следовательно, вскрытое кострище — остаток древнейшего сооружения.

Следует упомянуть и еще одну деталь, относящуюся к сооружению, — площадку, сильно утрамбованную черной землей, расположенную вдоль юго-восточного края кострища. По имеющимся в нашем распоряжении данным пока трудно решить вопрос о величине постройки, но она явно не была очень большой. Позднейшие обитатели городища Хула Сюче разрушили фатьяновское поселение, в связи с чем часть фатьяновской керамики оказалась в верхнем слое, а часть поздней керамики попала в нижний.

Что касается времени существования фатьяновского комплекса Хула Сюче, то, по нашему мнению, оно выходит за пределы датировки, указанной О. А. Кривцовой-Граковой для чувашской группы памятников, т. е. за пределы начала четвертой четверти II тыс. до н. э.¹ Этот комплекс, видимо, может быть датирован несколько более поздним временем. Принадлежал он, несомненно, одному из племен — носителей фатьяновской культуры, которое, обитая в Присурье, занималось скотоводством и вело, вероятно, оседлый образ жизни, что подтверждается материалами с городища Хула Сюче. Наши находки фатьяновских вещей не могут быть связаны с могильником, во-первых, потому, что никаких следов могил, захоронений не было обнаружено, и, во-вторых, потому, что в аналогичных условиях в Присурье располагались и другие фатьяновские поселения с тем же инвентарем и остатками кострищ. Таким образом, перед нами обычное для Присурья поселение фатьяновцев², перекрытое позднейшим слоем, относящимся к городецкой культуре.

Керамический материал свидетельствует о том, что племя фатьяновцев проживало здесь продолжительное время, в течение которого облик материальной культуры менялся. Этим можно объяснить присутствие на городище Хула Сюче одновременно керамики чисто балановского или ошпандинского типа и новых форм сосудов несколько более позднего облика.

Керамика, собранная экспедицией при раскопках на городище Хула Сюче и при обследовании других аналогичных поселений у Таганаши, Калугино, Пильна, свидетельствует о значительных изменениях облика фатьяновской посуды, которые почти не коснулись формы: сосуды продолжали оставаться круглодонными, с прямой высокой шейкой (найден был только один обломок уплощенного, но не плоского дна). Значительно больше изменений наблюдается в технике изготовления, в характере и расположении орнамента. Технические приемы указывают на некоторый упадок керамического производства. Глина стала употребляться более грубая и с примесью. Наружная поверхность сосудов только выглаживалась, а не подвергалась лощению. Обжиг ухудшился, и посуда стала менее прочной.

Большие изменения произошли и в способе орнаментирования. Раньше господствовали приемы штамповки зубчатым чеканом, часто мелким и тонким, и нарезки, но также только тонких линий. Теперь орнаментация становится небрежной, крупной, в виде шишечек, валиков, углубленных полос, продолговатых ямок. Зубчатый мелкий чекан вытесняется грубым, с грубой нарезкой и отпечатками веревочки. Вместо ромбов, углов, зигзагов, групп линий, мы видим на шейке два-три круговых отпечатка веревочки или две-три углубленные полосы. На плечиках появился ряд простых

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 22.

² П. Д. Степанов. Фатьяновские поселения на Средней Суре. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 62; его же. Итоги раскопок фатьяновских поселений на Средней Суре. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 64.

Рис. 28. Керамика с фатьяновских поселений Чувашской АССР:

1-7 — разная орнаментировка на шейках сосудов; 8 — орнамент шпечкам; 9 — вапелной воротничок.

коротких полосок, идущих поперек. В итоге возникают орнаменты, мало похожие на фатьяновские.

Так, на керамике из Балановского могильника и с поселения на Ош-Пандо отчетливо выступает налипной валик по верхнему краю горла. У балановской посуды этот валик орнаментировался. На сосудах с Хула Сюче, вместо налипного валика, тонкой полоской отделяется часть прямой шейки, получается простое подражание валику. В дальнейшем можно видеть две-три углубленные полоски, промежутки между которыми оформляются в виде валика (рис. 28—4, 5).

Появляются и новые формы — мы имеем в виду горшки без орнамента с широким налипным «воротничком» по верхнему краю горла (рис. 28—9).

Причины больших изменений в облике керамики фатьяновской культуры следует искать в исторической обстановке в начале I тыс. до н. э. в Западном Поволжье. Произошли значительные изменения в среде балановских и ошпандинских племен, нашедшие отражение и в керамических изделиях.

Изучение особенностей памятников типа городища Хула Сюче представляет, по нашему мнению, огромный научный интерес для решения проблемы фатьяновской культуры и проблемы этногенеза народов Среднего Поволжья.

А. А. ИЕССЕН

РАСКОПКИ КУРГАНОВ НА ДОНУ В 1951 ГОДУ

В 1951 г. Волго-Донская археологическая экспедиция продолжала начатые в предыдущем году раскопки древних курганов в зоне Цимлянского водохранилища¹. Всего в 1951 г. исследовано 11 курганов, включавших 85 погребений².

Несмотря на то, что первые раскопки курганов на Дону были осуществлены П. М. Леонтьевым еще в 1853 г., за истекшие сто лет изучение их сравнительно мало подвинулось вперед. Наибольшее внимание в этом отношении привлекал район дельты Дона и окрестности Новочеркасска. Выше по Дону научно исследованные курганы насчитываются буквально единицами.

Между тем широкие разведки, осуществленные в районе Волго-Донского водного пути экспедициями ГАИМК в 1929 и 1934 гг. и продолженные в 1950—1951 гг. отрядом Волго-Донской экспедиции, работавшим под руководством И. И. Ляпушкина, показали большую насыщенность долины Дона различными памятниками древности.

За последние 25 лет значительно подвинулось археологическое изучение смежных территорий — районов Маныча, степей Астраханской области, Саратовского Поволжья, Приазовья и Донбасса. Результаты этих исследований позволили совершенно по-новому осветить древнюю историю нашего юго-востока от конца неолита и до раннего средневековья.

В итоге этих работ выявились очередные, требующие разрешения путем дальнейших исследований, вопросы. Из числа относящихся к территории Подонья можно было бы назвать вопросы о хронологических и территориальных подразделениях древнейшей культуры, о соотношении и смене культур катакомбной и срубной, проблему культуры поздней бронзы и раннескифского времени и ряд других.

Разрешению этих проблем должны были способствовать и раскопки курганов в зоне Цимлянского моря.

В настоящем предварительном сообщении еще нет возможности полностью оценить результаты произведенных раскопок. Для этого потребуются более углубленное совместное изучение всех материалов, собранных

¹ В 1950 г. А. Д. Столяром был раскопан один курган с 17 погребениями. В 1951 г. им же были начаты раскопки еще четырех курганов; затем работы продолжались под руководством автора данной статьи.

² Работа выполнялась отдельным отрядом экспедиции, в составе которого, кроме упомянутых лиц, работали в разное время научный сотрудник ИИМК АН СССР В. П. Шилов, ст. лаборант ИИМК А. С. Боброва, ст. хранитель Эрмитажа К. М. Скалон и студенты Ленинградского университета.

отрядами экспедиции по древним памятникам Подонья. Сейчас можно предложить лишь общий обзор работ курганного отряда в 1951 г.

Раскопки производились в двух пунктах в нижней, западной, части Цимлянского водохранилища на левом берегу Дона. Первый расположен на том же левом берегу старого русла Дона (Чиганацкого ерика), на котором находится и городище Саркел, примерно в 2 км выше и восточнее последнего. Здесь была выбрана небольшая курганная группа, состоящая из шести насыпей. Эта «Саркелская» группа раскопана полностью (один курган в 1950 г. и пять в 1951 г.); кроме того, один небольшой курган исследован еще в 1 км выше по тому же берегу, у дороги в Красный Яр.

Второй пункт работ, так называемая Соленовская курганная группа, расположен в 9 км к югу от Саркела и примыкает с востока к дороге из хут. Попова в хут. Соленый. Здесь исследовано пять курганов, в том числе три наиболее крупные. Всего в группе насчитывается не менее 40—50 курганов, часть которых, вследствие длительной распашки, лишь с трудом опознается. Наши работы велись в северо-западном конце группы, растянувшейся в направлении на юго-восток примерно на 1 км по древней донской террасе.

Результаты раскопок могут быть представлены в виде таблицы, в которую для полноты включены сведения и о работах 1950 г. (табл. 1).

Таблица 1

№ кургана ¹	Средняя высота, м	Средний диаметр, м	Погребения							всего
			древнейшая и каменно-бронзовая культуры	срубная культура в подвоях бронза	скифское время	сарматское время	средневековые	неясны		
I. Саркелская группа										
30/6 ²	2,18	60	4	2	—	8	3	—	—	17
31/7 ³	ок. 1,00	ок. 40	1	1	—	—	2	—	—	4
50/18	2,20	50	2	1	—	5	1	4	—	13
51/19	0,75	33	3	—	—	2	—	—	—	5
52/20 ⁴	0,95	32	—	—	—	—	1	—	—	1
57/25	0,50	30	—	—	—	1	—	—	—	1
58/26	0,90	32	1	2	2	9	—	1	—	15
II Соленовская группа										
Сол-1	3,80	72	24	—	1	3	5	1	—	34
Сол-2	1,80	56	2	—	—	1	—	1	—	4
Сол-3	2,00	48	6	1	—	1	—	—	—	8
Сол-4	0,50	20	—	—	—	1	—	—	—	1
Сол-5	1,00	30	—	1?	—	—	—	—	—	1?
Всего погребений			43	8	3	31	12	7	—	104
В том числе за 1951 г.			39	6	3	23	7	7	—	85

Примечания к таблице.

¹ Курганы Саркелской группы входят в общую нумерацию с позднейшими курганами, исследованными экспедицией в районе Саркела; числитель — общий порядковый номер, знаменатель — номер данного года.

² Курган раскопан в 1950 г. А. Д. Столяром.

³ Раскопки кургана начаты в 1950 г. С. А. Плетневой, исследовавшей два позднеочевнических погребения, окончены в 1951 г. курганным отрядом (два ранних погребения).

⁴ Курган расположен отдельно от остальных у дороги в Красный Яр.

Как видно из таблицы, время первоначального сооружения большинства курганов относится к ранним и средним периодам медно-бронзового века. Только три малых кургана, заключавшие одиночные погребения, сооружены в позднейшие времена — два в сарматское (№ 57/25 и Сол-4) и один в эпоху раннего средневековья (№ 52/20). Остальные курганы, первоначально сооруженные в очень раннее время, в дальнейшем широко использовались для позднейших захоронений. Только в маленьком кургане Сол-5 таких впущенных позже захоронений не было. Из остальных восьми курганов в семи встречены погребения сарматского времени, причем в двух находились также и погребения скифского периода (№ 58/26 и Сол-1) и в трех — погребения позднего бронзового века (№ 50/18, 58/26 и Сол-3). В курган № 31/7 после основного древнеямного было впущено погребение позднего бронзового века. В этом же кургане и в трех, имевших сарматские впускные погребения, встречены еще и позднейшие разновременные средневековые захоронения.

Таким образом, обе курганные группы возникли еще на ранних этапах медно-бронзового века. Половина всех открытых погребений относится к доскифскому времени, от конца III тыс. до н. э. до VIII—VII вв. до н. э., тогда как другая половина принадлежит к более поздним периодам: с VII—VI вв. до н. э. до позднего средневековья. Из этих позднейших захоронений больше половины относится к сарматскому времени.

В предварительной публикации невозможно подробно описать каждый курган в отдельности. Ограничимся поэтому общей характеристикой вскрытых погребений по группам в порядке их хронологической последовательности.

Основная масса исследованных в 1951 г. погребений медно-бронзового века [39] может быть отнесена к ранним и средним его этапам, что в условиях Подонья соответствует времени древнеямной и катакомбной культур (конец III — середина II тыс. до н. э.).

Погребений более позднего периода, относящихся ко времени срубной культуры и поздних ее дериватов — «погребений в насыпи», по определению В. А. Городцова, при наших работах встречено очень мало — не более 6. Датируются они последними столетиями II и началом I тыс. до н. э.

При рассмотрении этих двух разновременных групп следует учитывать, что катакомбная культура на Дону и в Предкавказье представлена несколько отличным от донецкого вариантом. Этот южный или юго-восточный вариант держится здесь дольше, чем в более северных и западных районах, доживая в степях Предкавказья, повидимому, почти до VIII—VII вв. до н. э. Памятники, относящиеся к срубной и позднесрубной культуре «погребений в насыпях», южнее долины Дона почти не известны. Это свидетельствует о том, что вблизи течения Дона должна была проходить культурная (и, повидимому, этническая, племенная) граница, отделявшая ареал срубной культуры на севере от ареала позднекатакомбной на юге.

Переходя к рассмотрению погребений первой группы, отметим, что на Дону, как и в более западных районах, древнеямная и катакомбная культуры не могут быть строго разграничены. По всем данным следует думать, что здесь они являются двумя звеньями единого процесса исторического развития и генетически переходят одна в другую¹. В частности, обряд захоронения в грунтовых ямах сохраняется в течение всего периода существования катакомбной культуры одновременно с погребениями в катакомбах и с впускными погребениями в насыпях. Поэтому часто, в том числе в ряде

¹ Для Приазовья это положение развито О. А. Кривцовой-Граковой в статье «Генетическая связь ямной и катакомбной культур». Труды ГИМ, вып. VIII, М., 1938, стр. 33—38.

случаев наших раскопок 1951 г., при отсутствии инвентаря нельзя было решить вопрос об отнесении того или иного погребения к древнейшему или же к катакомбному времени.

К памятникам этого периода, характеризуемого ямно-катакомбными погребениями, относятся семь курганов, исследованных в 1951 г. (31/7, 50/18, 51/19, 58/26, Сол-1, Сол-2, Сол-3, а возможно, и Сол-5, время погребения в котором не вполне ясно). Сюда же следует относить и исследованный в 1950 г. курган 30/6.

Рассмотрим кратко каждый из этих курганов.

В кургане 31/7 обнаружено одно погребение младенца (№ 4), относящееся, по видимому, к древнейшей культуре и являющееся первоначальным под этой насыпью (в кургане, сильно поврежденном современными ямами, могли быть уничтожены другие погребения). Почти истлевший костяк был растащен грызунами; видимо, он был ориентирован на восток или северо-восток. Лежал он в неглубокой (около 0,4 м) овальной грунтовой яме, размерами 1,50 × 1,25 м; при нем найдены остродонный с резным орнаментом горшочек (рис. 29—1) весьма раннего типа, три кремневые ножевидные пластины, массивный подтреугольный осколок камня с острыми краями, пять крупных костяных бус, мелкие бусы и плоские пронизки из раковины. Обнаружено также небольшое пятно медной окиси от какого-то не сохранившегося предмета. Выше костей и находок в средней части ямы лежал тонкий, прямоугольный в плане, слой угля, перекрытый слоем ярко-красной охры, — вероятно, остатки цыновки. Погребение следует считать древнейшим из всех открытых на Волго-Доне и датировать временем не позже второй половины III тыс. до н. э.

К более позднему, но также еще древнейшему времени следует отнести погребение № 5 в кургане 51/19. В грунтовой яме, глубиной около 0,5 м, лежал костяк ребенка 10—12 лет, на спине, головой на юг, с согнутыми в коленях и распавшимися на стороны ногами (рис. 30). Около правой руки находился круглодонный горшок, орнаментированный в верхней части заштрихованными шевронами, нанесенными оттисками шнура (рис. 29—2). Кроме того, в могиле обнаружена кучка кремневых отщепов, а за головой — полный скелет зайца. В этом же кургане встречены еще два древних погребения в грунтовых ямах, содержавшие захоронения в скорченном положении без сопровождающего инвентаря: № 3 — костяк ребенка на правом боку, головой на юг, и № 4 — костяк молодого мужчины на левом боку, головой на запад. Какое из трех погребений следует считать основным, сказать трудно.

Под соседним курганом 50/18 находилось два погребения. Одно из них (№ 9), расположенное в центре насыпи в большой грунтовой яме (глубина 0,6 м), было начисто ограблено при устройстве смежной могилы № 12. Сохранились только отдельные черепки глиняного сосуда, орнаментированного шнуровыми оттисками, и некоторые кости женского скелета.

Второе погребение — катакомба № 5. Колодезь был вырыт в материке на глубине 2,3—2,6 м. На стенках его отлично сохранились следы работы деревянными клиньями. Вход в камеру находился с южной стороны. В ней лежал костяк взрослого человека на правом боку, головой на северо-запад, и около него костяк младенца. В могиле найдены кости коровы и барана, курильница с углем, сделанная из донной части крупного горшка, орнаментированного донизу шнуровыми оттисками, обломок медного кольца и миниатюрное проволочное колечко из серебра (?).

В этом же кургане обнаружена еще одна могильная яма (№ 8), впущенная в материк на 1,7 м и совершенно пустая, вероятно оставшаяся неиспользованной. Судя по ее форме и технике рытья, она должна также относиться ко времени катакомбной культуры.

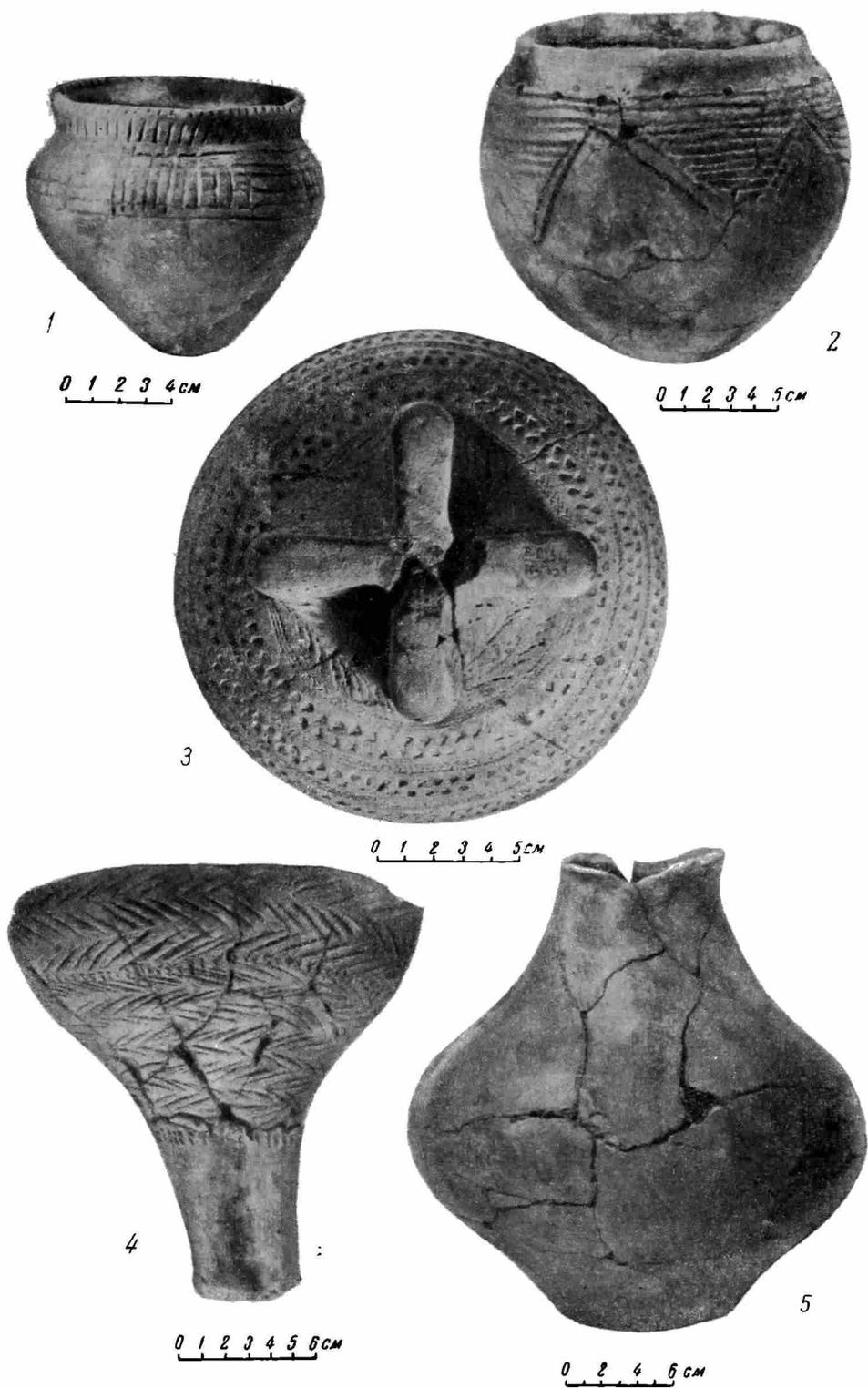

Рис. 29. Глиняные изделия из курганов:

1—горшочек из древнейшего погребения № 4 (курган 31/7); 2—сосуд из погребения № 5 (курган 51 /19); 3—курильница из погребения № 15 (вид снизу); 4—воронка из погребения № 19; 5—сосуд из погребения № 20 (3, 4, 5—курган Сол-1).

Погребение № 9, видимо, было первоначальным; несколько позже было совершено погребение № 5, следы колодца которого были замечены еще в нижних горизонтах насыпи.

В последнем кургане Саркелской группы (58/26) было только одно основное погребение интересующего нас времени — катакомба № 5. Овальный колодец ее шел на глубину 2 м ниже древней поверхности почвы. Камера находилась с северной стороны. В ней лежал костяк взрослого мужчины головой на запад, на спине, с согнутыми в коленях и упавшими на правую сторону ногами. При костяке найдены медный нож, серебряное

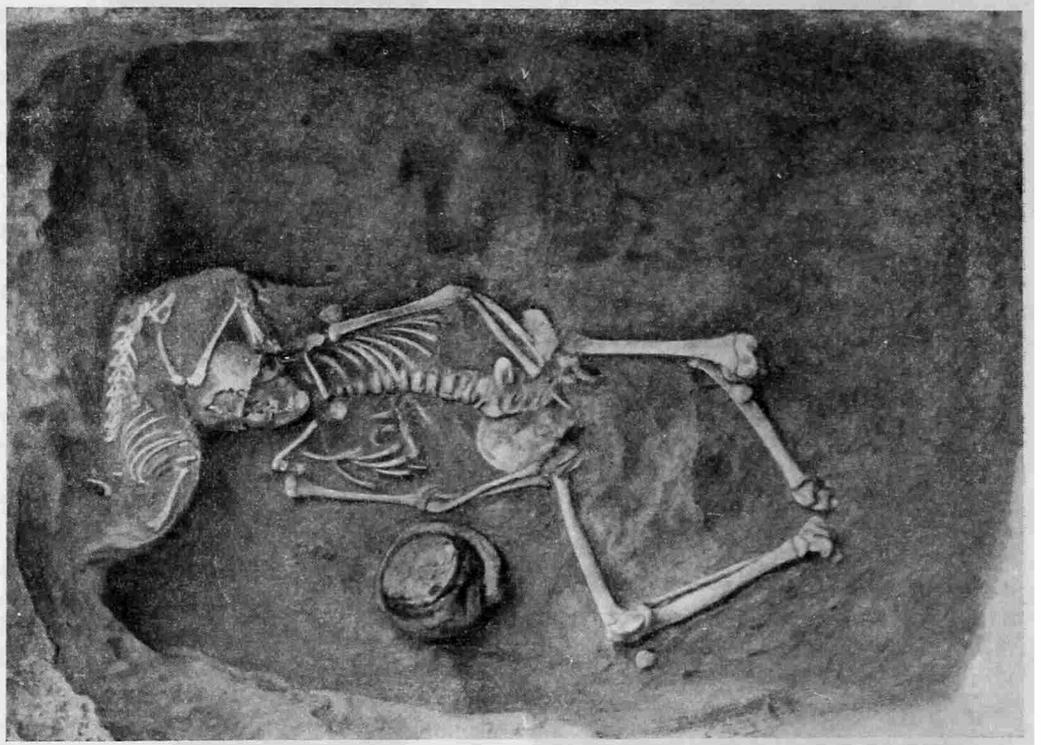

Рис. 30. Древнеямное погребение № 5 в кургане 51/19.

височное кольцо в два с половиной оборота и костяная проколка (рис. 31—1-3).

В Соленовской курганной группе особенно интересным оказался наибольший из раскопанных курганов Сол-1 (рис. 32—1), высотой 3,8 м, насыпанный явно не в один прием, а путем ряда последовательных присыпок, различных в продольном разрезе. Здесь обнаружено 24 захоронения ямно-катакомбного времени. Погребений периода поздней бронзы нет.

В центре кургана находились рядом две прямоугольные могилы: № 31 (рис. 32—2) и 32 (рис. 32—3), впущенные в материк и перекрытые в древности небольшой конической насыпью. Хронологическое соотношение этих двух погребений не ясно. Обе могилы были перекрыты одним общим слоем истлевшего камыша, что как будто говорит об их одновременности. Однако погребение № 32 явно ограблено; следовательно, можно считать, что оно перекрыто камышом после ограбления, при устройстве соседней могилы № 31. Следы первичной, совсем низкой насыпи (или выкиды из обеих ям) прослеживаются южнее погребения № 31 и севернее погребения № 32. Более же высокая насыпь (около 1,5 м) явно прорезана над могилой № 32, что заставляет думать об ее ограблении в более позднее время. Над могилой

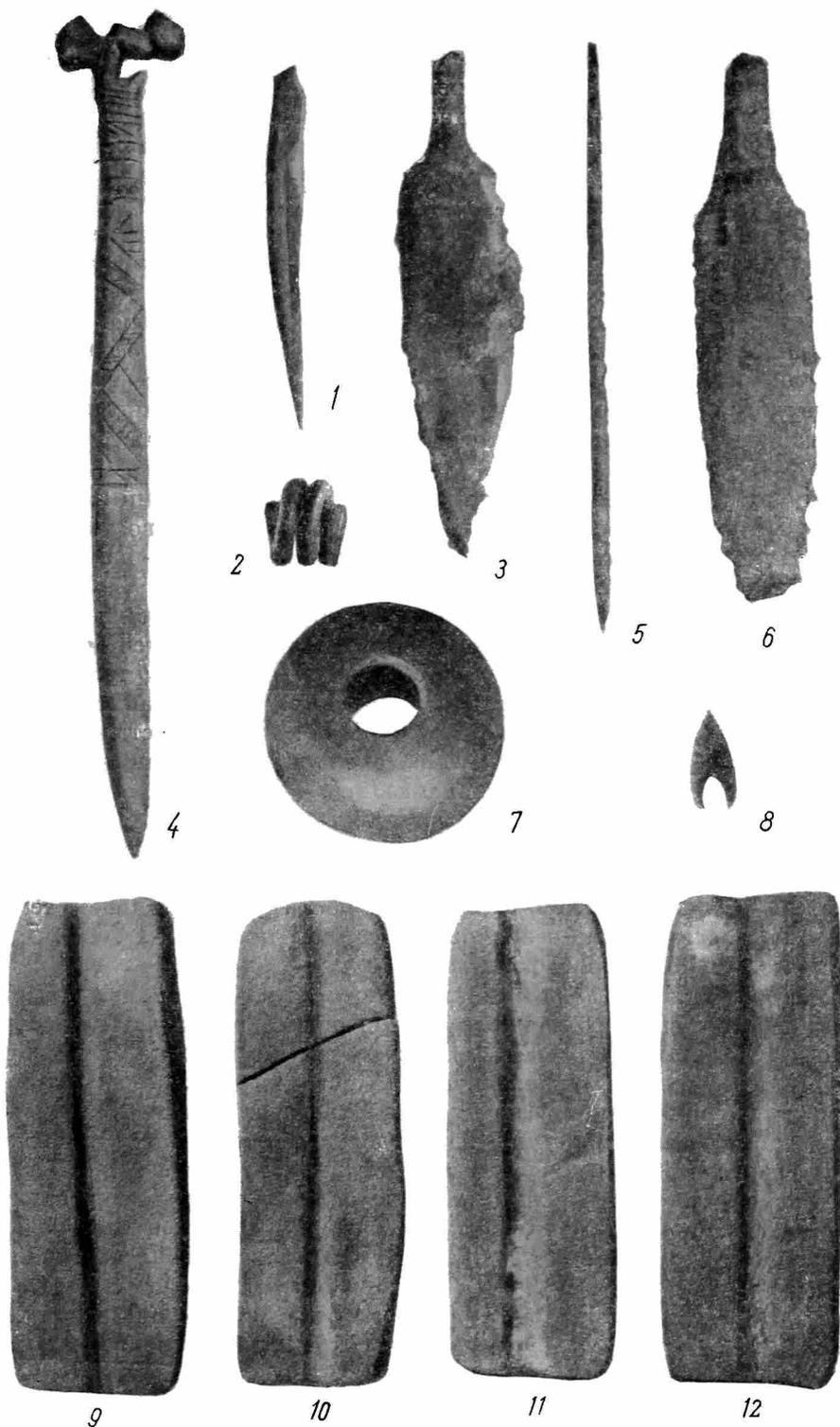

Рис. 31. Инвентарь курганных погребений катакомбного времени:
 1—3—костяная проколка, серебряное кольцо и медный нож (курган 58/26, погребение № 5);
 4—костяная булава (курган Сол-3, погребение № 6); 5—7—медные шило и нож и змеиное
 навершие булав (там же, погребение № 8); 8—кременный наконечник стрелы (там же,
 погребение № 6); 9, 10—песчаниковые выпрямители древков стрел (курган Сол-1, погребение
 № 13); 11, 12—то же (погребение № 19).
 1—12 : ок. 2/3 н. в.

№ 32 истлевший камыш (куга) лежал отдельными обрывками по краям. Заполнение могилы № 32 много плотнее, чем № 31, первоначально перекрытой, кроме камыша, еще и деревом. Поэтому правильнее будет полагать, что оба захоронения почти одновременны и перекрыты слоем камыша и насыпью после совершения более позднего захоронения; могила же № 32 была ограблена до сооружения (или при сооружении) следующей насыпи кургана («второй» насыпи).

Третье погребение (№ 16) совершено в прямоугольной яме, отличающейся скругленными углами и наличием уступов, на которых лежало деревянное перекрытие. Его хронологическое отношение к двум первым не ясно, но следует думать, что оно более позднее, так как находилось вне ровика, окружавшего внутреннюю часть кургана, включавшую все остальные захоронения эпохи бронзы.

В погребениях № 16 и 31 вещей не было. В ограбленном погребении № 32 найдено только медное колечко. Погребены взрослые, повидимому все трое — мужчины.

Различно положение костяков: в могиле № 32 умерший захоронен на спине в вытянутом положении, головой на восток-северо-восток, в могиле № 31 — на правом боку, головой на запад, а в № 16 — на левом боку головой на запад-юго-запад.

Из остальных погребений в пределах с трудом прослеживаемого внутреннего ровика шесть оказались в материке или, по меньшей мере, в древнем погребенном почвенном слое (глубины 3,85—4,22 м ниже вершины кургана). В пяти случаях отчетливо прослеживалась врезанная в материк могильная яма (погребения младенцев № 9, 21, 23, 25 и старой женщины № 22); у погребения взрослого № 29, очень плохо сохранившегося (глубина 4,22 м), границы ямы не улавливались.

Другие погребения находились уже в курганной насыпи. Таких было 11 (глубина 2,35—3,75 м ниже вершины). Из них у четырех четко прослеживалась впускная в насыпь могильная яма (погребение № 7 — взрослого и ребенка, № 10 — детское, № 15 и 28 — взрослые). У остальных семи границы ям проследить было невозможно (детские погребения № 3, 5, 8, 11, 18, 27 и разрушенное взрослого № 17).

Таким образом, эти 17 погребений относятся ко второй древней насыпи кургана, перекрывшей всю площадь внутри ровика, в том числе и первичную насыпь над могилами № 31 и 32. Вместе с тем хронологическое соотношение этих погребений не устанавливается. Осталось неясным, как сооружались могилы — путем ли впуска их в уже готовую курганную насыпь или же путем постепенных насыпок над отдельными могилами. Единственное стратиграфическое наблюдение касается мужского захоронения № 15, в котором костяк лежал на правом боку, головой на северо-запад, с согнутыми ногами и сопровождался медным височным колечком и глиняной орнаментированной курильницей (рис. 29—3). Это захоронение частично перекрывало грунтовое погребение № 22 с горшком катакомбного типа.

Для определения хронологии этой группы погребений существенное значение будет иметь изучение керамики, сохранившейся очень плохо и еще не реставрированной. В шести материковых найдено три сосуда, а в 11 погребениях в насыпи — десять сосудов. В могилах № 3, 7 и 15 встречены характерные височные колечки из медной пластинки. Среди этой группы нет ни одного погребения, которое можно было бы датировать более поздним временем, чем период развитой катакомбной культуры. Все захороненные положены на боку, в скорченном положении, кроме младенцев, лежащих на спине. Ориентировка различная.

Позже всей этой группы (или синхронны позднейшим захоронениям из ее состава) должны быть четыре погребения, впущенные в курган с

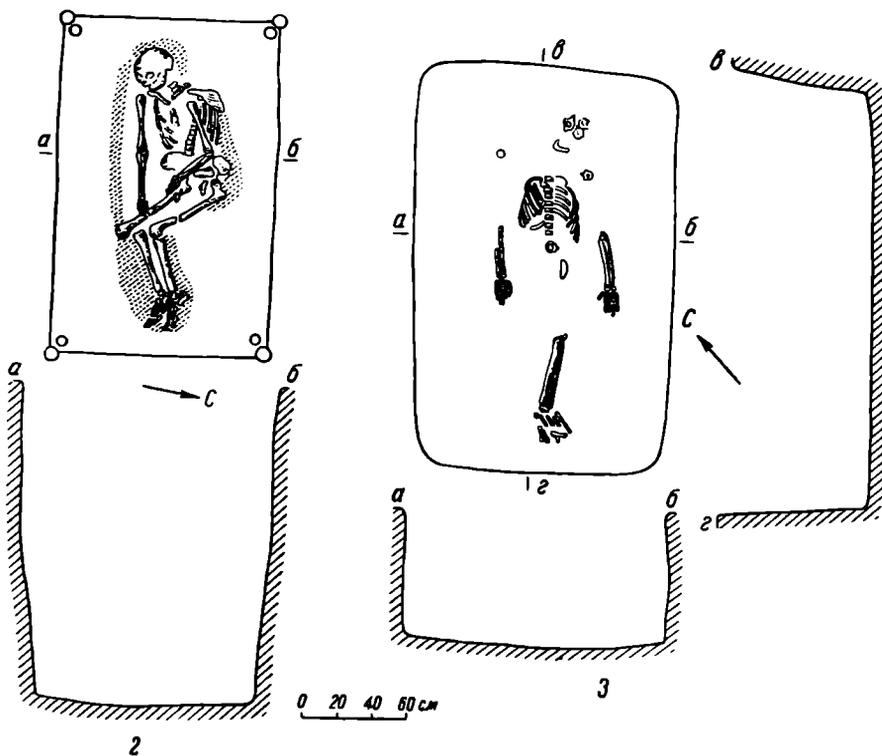
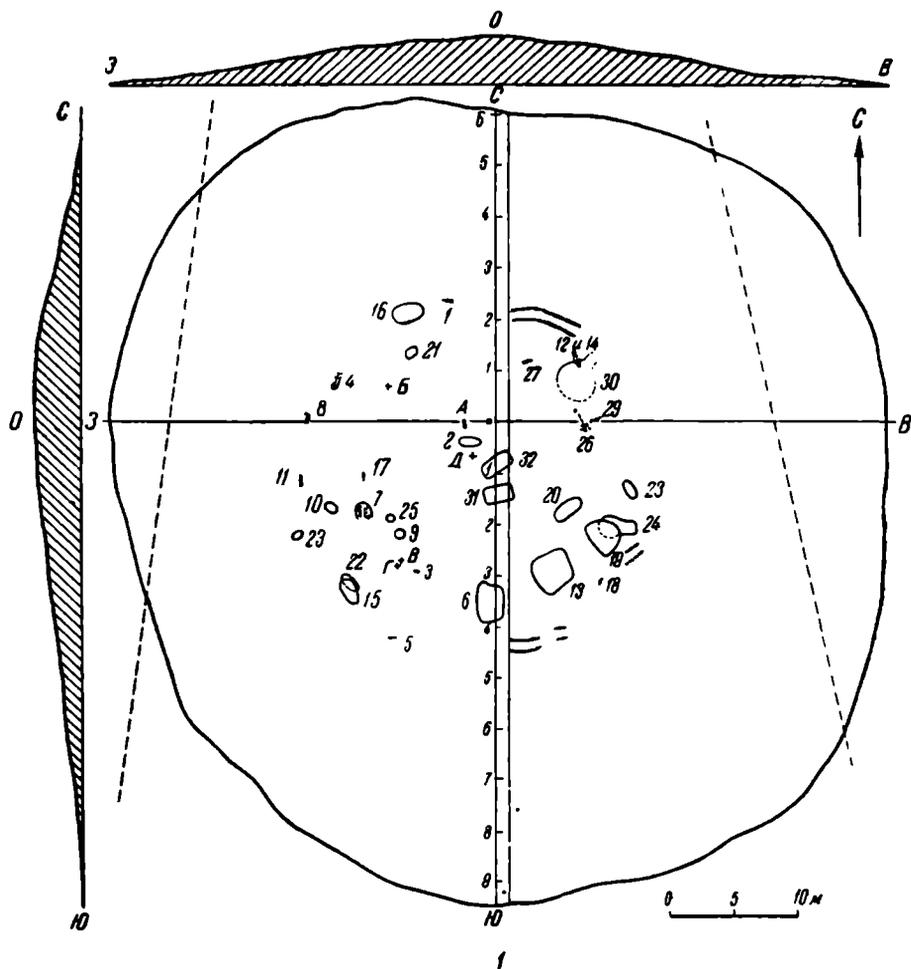

Рис. 32. План кургана Сол-1 (1), погребения № 31 (2) и № 32 (3) в том же кургане (цифрами 1—32 и буквами А—Д на плане кургана обозначены захоронения).

поверхности его «второй» насыпи. Сюда относится катакомба № 24 и захоронения вещей в ямах № 6, 13 и 19.

Колодец катакомбы № 24 доходил до материка и несколько (на 0,3 м) врезался в него. С западной стороны к нему примыкала камера, где лежал костяк молодой женщины, ориентированный на юг, на спине, с согнутыми в коленях и упавшими на правую сторону ногами. При костяке найдены медные и костяные бусы и медное шильце. Свод катакомбы находился уже в насыпном слое и обрушился вместе с частью пола, лежащей выше ямы № 19.

К захоронениям вещей без погребений в ямах № 6, 13 и 19 мы еще вернемся ниже.

Неясным остается вопрос, когда насыпь кургана Сол-1 была увеличена в последний раз. «Вторая» насыпь в результате этой присыпки оказалась перекрытой слоем чрезвычайно плотного суглинка, мощностью около 1 м, а в плане вышла далеко за линию внутреннего ровика. Возможно, что значительное наращивание насыпи было произведено именно в связи с совершением почти одновременных захоронений № 6, 13, 19 и 24. Возможно, однако, что присыпка кургана связана была с еще более поздним захоронением в яме № 30, начисто ограбленной или же не использованной для погребения.

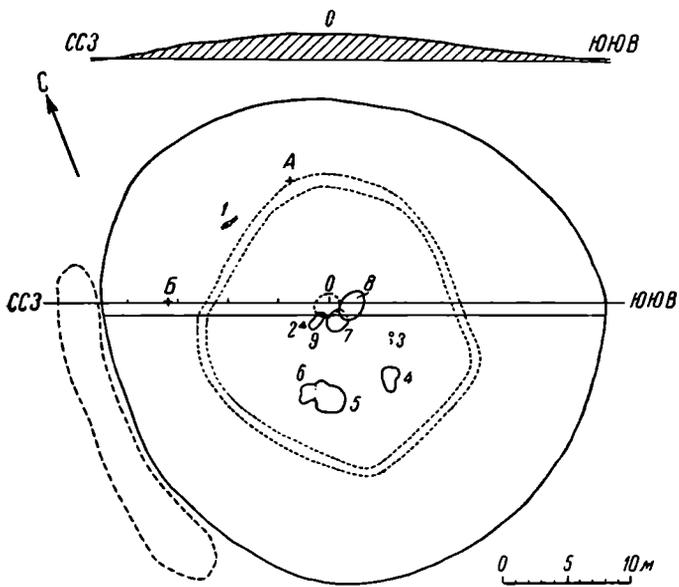
В кургане Сол-2 встречено только два захоронения интересующего нас времени. Основным было погребение № 3 в грунтовой яме глубиной около 0,7 м. В яме лежал на спине, головой на восток-северо-восток костяк взрослого мужчины; конечности вытянуты. Западнее размещалась вырытая одновременно или почти одновременно часть могильной ямы, в которой был женский костяк в сильно скорченном положении на левом боку, головой на восток. Перед лицом находились кости новорожденного младенца и глиняный горшок, у ног — медное шильце.

В насыпи кургана вскрыто погребение № 2 очень старого мужчины в том же положении, что и женщина в погребении № 3, но ориентированное на северо-восток. Сопровождающего инвентаря нет.

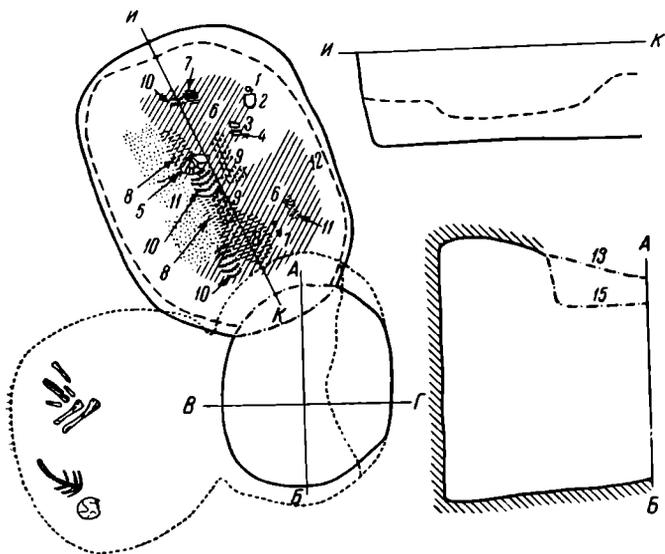
Третий курган Соленовской группы (рис. 33—1) содержал шесть погребений, относящихся к рассматриваемому времени. Наиболее древним было погребение № 6, помещенное в небольшом подбое на 0,75—0,80 м ниже древней дневной поверхности. Входная яма этой могилы, находившаяся с восточной стороны, была уничтожена при устройстве более позднего погребения № 5. В подбое находились два детских костяка. Один из них лежал на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на север. Перед тазом были положены костяная орнаментированная булавка с молоточковидным навершием (рис. 31—4), игольник или футляр из трубчатой кости и костяная проколка. Второй костяк, видимо, лежал головой на северо-запад на правом боку. Положение его нарушено при рытье ямы № 5; кости ног отсутствовали (кроме одной большой берцовой). Стратиграфические наблюдения, следовательно, дают возможность отнести погребение к наиболее ранней группе захоронений катакомбной культуры.

В погребении № 5 обнаружены три костяка, лежащие на левом боку; головы обращены на юго-восток, ноги подогнуты. С северо-востока на юго-запад располагались один за другим костяки старика, ребенка около пяти лет и подростка. В могиле найдены медное шильце, два черепка от горшка (может быть, относившегося к погребению № 6) и несколько астрагалов.

Близки по характеру детские погребения № 4 и 3. Первое введено в материк, костяк на левом боку, ноги согнуты, голова на северо-восток; при нем горшок, медная пронизь, астрагалы. Погребение № 3 находилось в нижнем горизонте насыпи, костяк в том же положении, при нем горшок, украшенный веревочным орнаментом, медная пронизь и колечко.

1

2

Рис. 33. Курган Сол-3:

1 — план кургана; 2 — план и разрезы катакомбы № 7 и ямыкнотафа № 8 (цифрами и буквами на плане кургана обозначены погребения)

Погребение № 7 — типичная катакомба (рис. 33—2). Колодец, глубиной 1,8 м, ниже древней дневной поверхности. Камера примыкает к нему с северо-западной стороны. В ней лежал костяк взрослого на правом боку, с согнутыми ногами, головой на юго-запад, без всякого инвентаря. Верхняя часть входной ямы была перерезана ямой № 8, содержащей только вещи без признаков человеческого захоронения.

Курган Сол-3 несомненно насыпан по меньшей мере в два приема. К сожалению, не удалось проследить верхнего края ям № 7 и 8. Можно только предполагать, что вторичная присыпка насыпи была сделана после этих захоронений или одного из них.

Таким образом, основная масса погребений медно-бронзового века в исследованных курганах относилась к древнеямной и катакомбной культурам, хотя настоящих катакомб обнаружено всего пять¹.

К наиболее интересным результатам раскопок 1951 г. следует отнести открытие четырех уже упоминавшихся захоронений вещей в могилах, не содержащих никаких признаков погребений. Все четыре обнаружены в Соленовской курганной группе (три в кургане № 1 и одно в кургане № 3); все они по характеру могильного сооружения и по вещевому комплексу чрезвычайно близки друг другу и несомненно относятся к одному историческому периоду.

Захоронения вещей находились в больших подпрямоугольных ямах, впущенных в курганную насыпь и сохранивших остатки провалившегося внутрь камышового перекрытия значительной толщины, так как слой истлевшего камыша местами достигал 5 см. В ямах не обнаружено никаких следов погребений. Найден лишь весьма характерный набор вещей, относящихся к катакомбной культуре более позднего ее этапа.

В кургане Сол-1 подобные захоронения (№ 6, 13 и 19) находились в юго-восточной части насыпи на расстоянии 3—4 м одно от другого. Впущены они были с уровня «второй» насыпи, приходившегося примерно на 1 м ниже современной поверхности кургана. Таким образом, верхняя присыпка насыпи была сделана позже устройства этих захоронений. Яма № 19 расположена над катакомбой № 24, куда, как оказалось, провалилась часть ее пола.

В кургане Сол-3 захоронение № 8 также было впускным. Оно помещалось в овальной яме, размером 2,5 × 2 м, частично врезающейся в колодец катакомбы № 7. Следовательно, здесь захоронение вещей также сделано позже устройства катакомбы (рис. 33—2).

В числе инвентаря этих захоронений встречены изделия из камня, меди и глины. Состав находок показан в табл. 2.

Инвентарь этот очень характерен и хронологически относится ко времени донецкой катакомбной культуры, определенной В. А. Городцовым, но к более позднему ее этапу, близкому к началу срубной культуры на Дону. Особенно интересны глиняные воронки, вероятно связанные с переработкой молока. До сих пор сходный предмет был известен только с Маныча (хут. Спорный, курган II, погребение № 49) из раскопок М. И. Артамонова в 1935 г.² Сейчас мы имеем еще три таких воронки, одна из которых (Сол-1, погр. № 19; рис. 29—4) орнаментирована по всей поверхности.

Вопрос о назначении подобных захоронений пока еще не может быть решен окончательно. Можно было бы полагать, что в данном случае мы имеем дело с кенотафами, т. е. с символическим захоронением отсутствующ-

¹ Курган 50/18, погребение № 5; курган 58/26, погребение № 15; курган Сол-1, погребение № 24; курган Сол-3, погребения № 6 и 7.

² М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине р. Маныча. СА, IV, 1937, стр. 125, рис. 52.

Т а б л и ц а 2

Находки	Сол-1, погребение № 6	Сол-1, погребение № 13	Сол-1, погребение № 19	Сол-3, погребение № 8
Кремневый наконечник стрелы	1 (рис. 31—8)	—	—	—
Каменная булава из змеевика	—	—	—	1 (рис. 31—7)
Песчаниковые «выпрямители стрел»	—	Одна пара (рис. 31—9, 10)	Одна пара (рис. 31—11, 12)	—
Каменный пест	1	1	1	1
Каменная терка	—	1	—	1
Брусочек точильный	—	1?	1	—
Отщепы кремня	—	1	24	—
Медный нож	—	—	—	1 (рис. 31—6)
Медное шило	—	—	—	1 (рис. 31—5)
Провизь медная	—	—	—	1
Следы меди	+	—	—	—
Горшок глиняный	1	—	—	—
Воронка глиняная	1	—	1 (рис. 29—4)	1
Краска (мел, красная охра, желтая охра, зеленая глина)	—	—	—	Много

щего по тем или иным причинам покойника (например, погибшего на стороне, утонувшего и т. п.). Однако двукратное помещение этих захоронений над катакомбными погребениями или около них позволяет высказать и другое предположение, а именно, что им можно приписывать специально поминальное назначение, соответствующее тризне. Дальнейшие наблюдения несомненно позволят выяснить, случайно или закономерно сочетание таких захоронений с могилами, пока же мы их условно можем назвать кенотафами.

Интересно отметить, что, по сообщению И. В. Сеницына, в 1936 г. при раскопках кургана № 27 около г. Степного были найдены два подобных же захоронения вещей почти в таком же наборе, как и на Волго-Доне. Раскопки эти еще не опубликованы. Другие случаи достоверных захоронений этого типа нам пока не известны.

Ко второй намеченной выше группе, к более поздним периодам медно-бронзового века, следует отнести погребения срубной культуры и периода поздней бронзы, соответствующего началу I тыс. до н. э.

Срубная культура в долине Дона представлена рядом поселений и курганных находок. Ближайшими к месту наших раскопок памятниками этой группы являются поселение у Красного Яра и следы поселения у речки Рубежной близ хут. Попова, а также Потайновское городище ниже Цимлянской станицы, на правом берегу Дона. Нижний слой Потайновского средневекового городища относится к поселению срубной культуры¹. В 1951 г. здесь были проведены А. Д. Столяром контрольные раскопки, давшие дополнительный материал. Южнее донской долины срубная керамика ранних типов не встречена; там, в частности на Маныче, известны только находки сосудов поздних форм, соответствующих керамике из «погребений в насыпи» на Донце². Таким образом, одной из задач археоло-

¹ А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции в 1926 и 1927 гг. Сообщения ГАИМК, II, 1927, стр. 111—116.

² Например, Изв. ГАИМК, вып. 109, 1935, стр. 207, рис. 2 и 8; СА, IV, 1937, стр. 97, рис. 3 и 5; стр. 99, рис. 8—9; стр. 119, рис. 40—42; СА, XI, 1949, стр. 309, рис. 1 и 5.

гического исследования Подонья является определение южной границы распространения срубной культуры, видимо проходившей примерно по долине Дона и только на позднем этапе, в начале I тыс. до н. э., несколько передвинувшейся на юг в задонские степи. Наличие поздней «баночной» керамики прослеживается и на юго-восток, в районе г. Степного¹. Основной облик культуры населения к югу от Дона до конца эпохи бронзы определялся традициями местного юго-восточного варианта катакомбной культуры. В керамическом материале эти традиции хорошо прослеживаются на всей территории от Дона до Армавира и Грозного.

Во время наших работ типичная срубная керамика была встречена лишь в разрушенном впускном погребении № 4 кургана 58/26; в том же кургане в насыпи найдены отдельно обломки еще одного сосуда. Наконец, в кургане Сол-3 впускное погребение № 2 сопровождалось баночным сосудом позднесрубного типа.

К позднейшим этапам медно-бронзового века можно отнести только два впускных погребения. В одном из них (курган 31/7, погребение № 3) при костяке, лежавшем на левом боку (ноги согнуты, голова обращена на северо-восток), найден высокий сосуд, относящийся к позднейшим формам остроорберных горшков из срубных погребений.

В кургане 51/19 в насыпи найден прекрасной сохранности бронзовый кельт-тесло, также относящийся к этому времени (рис. 34—2).

В другой могиле (№ 8 в кургане 58/26, рис. 35—1), где похоронен мужчина (на левом боку, головой на северо-восток), обнаружен бронзовый нож с отверстием в ручке и с изогнутым в нижней части клинком (рис. 34—1). Этот своеобразный предмет не имеет пока близких аналогий в донском и северо-кавказском материале; отдаленное сходство можно уловить с сибирскими и закавказскими ножами первой половины I тыс. до н. э.

Дальнейшее изучение керамики из описанных погребений катакомбной культуры позволит, вероятно, синхронизировать некоторые ее формы с формами срубными и послесрубными, типичными для более северных районов. К таким поздним в пределах «катакомбной» культуры погребениям нужно, очевидно, отнести погребение № 6 в кургане 50/18 и погребение кургана Сол-5.

К скифскому времени относятся три впускные погребения. Все они ранние, вероятнее всего VI, если не VII в. до н. э. Два из них обнаружены в кургане 58/26 и одно в кургане Сол-1. Погребение № 9 в кургане 58/26 помещалось в неглубокой материковой яме, впущенной в более древнюю насыпь. Костяк мужчины, умершего в возрасте около 60 лет, лежал на спине в вытянутом положении, головою на юго-юго-восток. При нем найдены очень плохой сохранности железный кинжал с перекрестием (длина 29 см), каменный точильный брусок, бронзовая пряжка (рис. 34—3) и бронзовое втульчатое орудие вроде долота или затупленного наконечника стрелы. Последние два предмета не имеют близких аналогий в известном материале скифского и позднебронзового времени.

Погребение № 10 в том же кургане было обнаружено в такой же грунтовой яме. Костяк лежал на спине, головой на юго-юго-запад, конечности вытянуты. При нем найдены железный наконечник копья (рис. 34—4), обломки железной пряжки и железного ножа, точильный брусок (рис. 34—5) и кремневый отщеп. Наконечник копья относится к весьма раннему типу и воспроизводит форму наиболее поздних наконечников копий из бронзы.

¹ Например, в кургане у Ханота; см. Изв. Н.-Волжского ин-та краеведения, IV, Саратов, 1931, стр. 87, рис. 33.

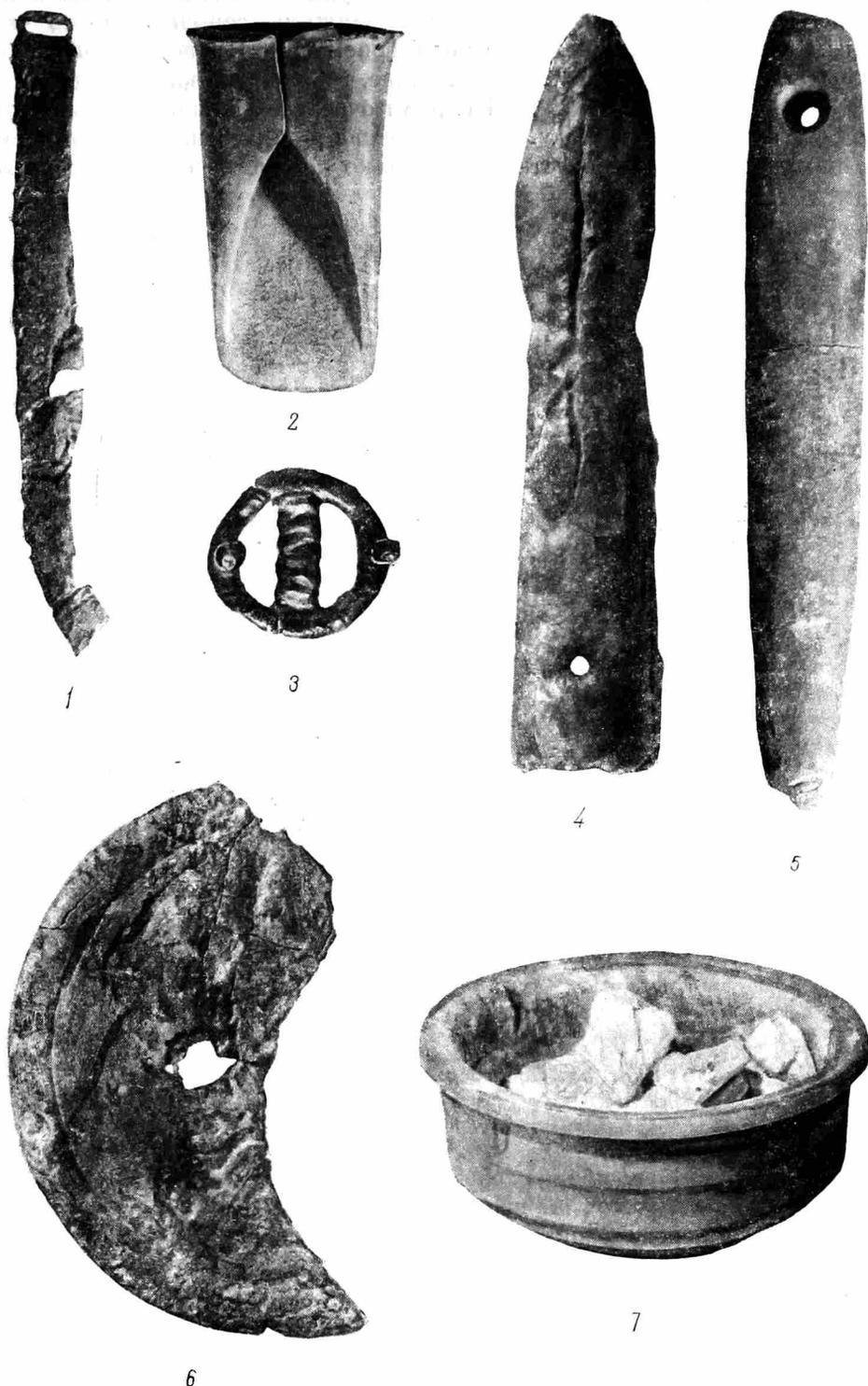

Рис. 34. Вещи из курганов:

1—бронзовый нож (курган 58/26, погребение № 8); 2—бронзовый кельт из насыпи кургана 51/19; 3—бронзовая пряжка (курган 58/26, погребение № 9); 4, 5—железный наконечник копья и точильный брусок (курган 58/26, погребение № 10); 6—бронзовое зеркало (курган 50/18, погребение № 10-а); 7—чашечка с мелом (курган 58/26, погребение № 14).

1, 2: $\frac{1}{2}$ н. в.; 3—7: ок. $\frac{1}{3}$ н. в.

Погребение № 20 в кургане Сол-1 обнаружено в насыпи на 2,8 м ниже вершины кургана. Захоронение молодой женщины сопровождалось чернолощенным горшком весьма раннего типа (рис. 29—5). Сверху могила была перекрыта деревом. Костяк лежал на спине, головою на юго-запад.

Таким образом, раскопки 1951 г. дали очень небольшой материал, относящийся к скифскому периоду. С левобережья Дона до настоящего времени такие находки почти не известны. Несколько предметов скифского времени

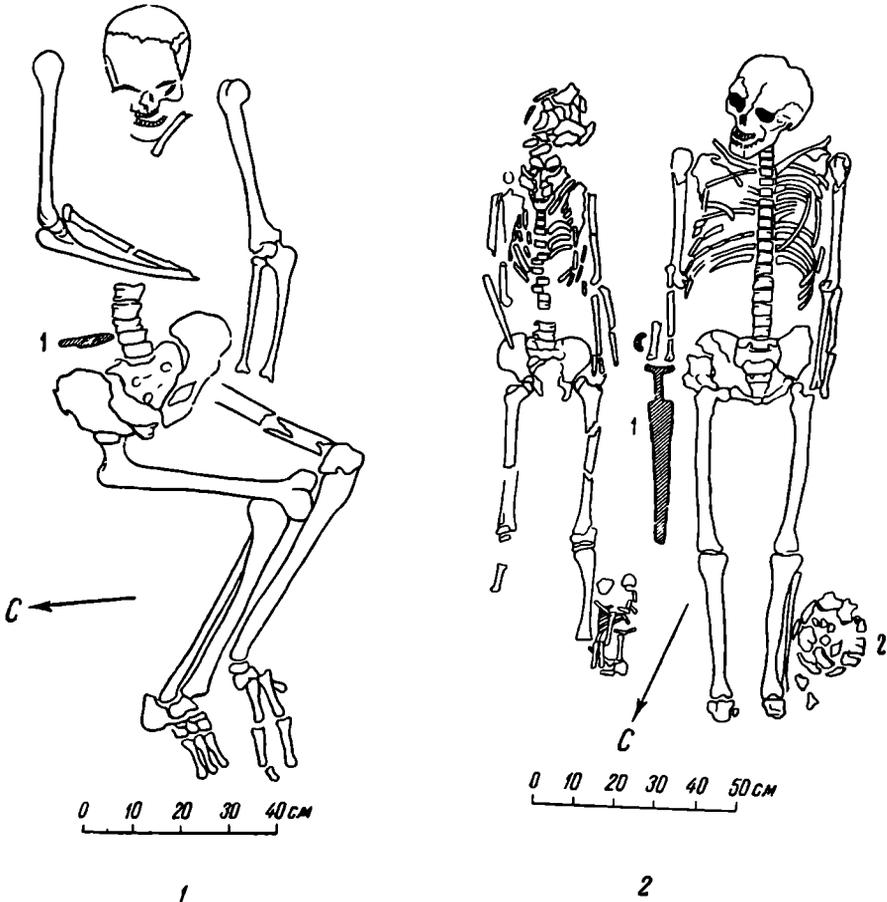

Рис. 35. Погребения в кургане 58/26:

1—погребение № 8 (бронзовый нож помечен цифрой 1); 2—погребение № 6 (1—железный клинок с серповидным навершием, 2—горшок).

были в 1950—1951 гг. обнаружены при раскопках на городище Саркела, а небольшой курган этого же периода в 1951 г. раскопан И. И. Ляпушкиным на правом берегу Дона у хут. Карнаухова. Задачей последующих исследований должно быть выяснение особенностей культуры и характера расселения скифских и сарматских племен по обоим берегам нижнего Дона. Только археологическими исследованиями, вероятно, удастся решить вопрос о границе между ними, указанной Геродотом по Танаису, а вместе с тем и вопрос о самом Танаисе — понимал ли Геродот под этим названием Дон на всем его течении или же нижний Дон и Донец.

Погребения сарматского времени только в двух малых курганах являлись основными (курганы 57/25 и Сол-4). Оба они ограблены. Остальные сарматские погребения были впущены в курганы эпохи бронзы. Если не считать погребений сомнительных, не сопровождавшихся инвентарем и не поддающихся датировке, то бесспорных впускных погребений сарматского

времени в 1951 г. открыто 21, из них девять в кургане 58/26 (№ 1, 3, 5, 6, 7, 11, 12, 13, 14), пять в кургане 50/18 (№ 4, 7, 10, 10-а, 11) и два в кургане 51/19 (№ 1 и 2). Если учесть, что в смежном кургане 30/6 еще восемь сарматских захоронений было раскопано в 1950 г., то в Саркелской группе окажется не менее 25 сарматских погребений (около 40% общего числа) и этот могильник если не по времени сооружения курганных насыпей, то во всяком случае по числу захоронений является по преимуществу сарматским. Совершенно иную картину дает Соленовская группа, где сарматские погребения встречены единицами: три в кургане Сол-1 (№ 12, 14, 26), по одному в курганах Сол-2 (№ 1) и Сол-3 (№ 1) и одно в упомянутом выше малом кургане Сол-4. Здесь подавляющее большинство всех погребений относится к эпохе бронзы.

Не имея возможности описать в настоящей статье все исследованные погребения, отметим лишь наиболее интересные из них.

К таковым относятся погребения № 10 и 10-а в кургане 50/18. Оба находились в одной яме, впущенной на 0,8 м в материк. Внизу была захоронена женщина (№ 10-а) на спине, головой на юг. При ней найдены стеклянные бусы, маленькое колечко из золотой проволоки, два обломка бронзового зеркала (рис. 34—6) и глиняное пряслице. Могила была перекрыта деревом. На 0,4 м выше был похоронен мужчина, в том же положении и с той же ориентировкой. Под черепом обнаружена деревянная подкладка; по сторонам костяка — вертикально стоящие деревянные колышки, а сверху следы сплошного деревянного перекрытия. При костяке найдены горшок и железный нож. На основании устройства погребений следует думать, что они совершены в разное время, но с использованием более ранней могилы, которая, очевидно, была отмечена на поверхности кургана, насыпь которого в этом месте достигала высоты около 1,6 м.

Аналогичное двойное захоронение в одной могильной яме установлено и в кургане Сол-1. Здесь под впускным погребением № 12 (женщина, на спине, головой на юго-восток, при ней мелкие бусы и бисер), ниже на 10 см встречены остатки мужского костяка (№ 14) в том же положении и при нем отдельные черепки от двух сосудов. Оба костяка сохранились не полностью, часть их вероятно уничтожена при грабительских раскопках. Нижний костяк лежал примерно на 1,25 м ниже поверхности насыпи кургана.

В кургане 50/18 следует отметить погребение № 4 молодой женщины (ориентировано на юг). При ней обнаружены горшок яйцевидной формы, бронзовая фибула и железный нож с орнаментированной костяной ручкой.

Из сарматских погребений кургана 58/26 два находились в насыпи (№ 1 и 13), а остальные в материковых ямах. Погребение № 1 было разрушено вспашкой, № 5 ограблено.

Особо следует упомянуть коллективное погребение № 6 (рис. 35—2). Здесь, в неглубокой яме, врезанной в материк, лежал костяк мужчины, справа от него скелет молодой женщины и между костяками, у их ног, кости новорожденного младенца. Костяки лежали на спине, головами на юг. В могиле обнаружены горшок и железный акинак с серповидным навершием.

В погребении № 7 женский костяк, ориентированный на запад-юго-запад, лежал на спине. При нем горшок, пряслице и стеклянные бусы. В погребении № 11 — костяк старого мужчины, захороненного на спине, головой на юго-восток; при нем горшок и каменная точилка. В женском погребении № 12 костяк был ориентирован на запад-юго-запад. Найдены горшок, обломки бронзового зеркала, железный нож, мелкие стеклянные бусы; в небольшом подбое лежал костяк младенца и при нем второй горшок. Погребение № 13 также женское, но ориентированное на юго-юго-запад. В нем обнаружен горшок и обломок бронзового зеркала.

Погребение № 14 в том же кургане содержало костяк младенца, лежавшего на спине, головой на юго-запад. При нем найдены мелкие бусинки из стекла, большая лицевая бусина, грубый горшочек и серолощенная гончарная чашечка недвиговского типа, заполненная мелом (рис. 34—7).

Не останавливаясь на описании остальных погребений, следует сказать, что количественно небольшой сарматский материал относится в подавляющем большинстве к раннему времени, еще до начала н. э. Особенно близок он к материалам из Поволжья.

Позднейшие средневековые погребения открыты в 1951 г. в небольшом числе — всего семь несомненных и пять неясных, не поддающихся датировке и, возможно, относящихся и к сарматскому времени. Все эти погребения, за одним исключением, впускные в древние курганы. Сколько-нибудь существенных находок они не дали. Упомянуть следует только погребение № 2 в кургане Сол-1 в дубовой колоде, вряд ли более раннее, чем XIV—XV вв., и погребение № 2 в кургане 50/18, сопровождавшееся двумя ромбовидными наконечниками стрел X—XI вв. и обломками других железных предметов.

Единственное позднее погребение, устроенное под специально сооруженным курганом (52/20), находилось в небольшой катакомбе, несколько напоминающей катакомбы салтовского типа. Костяк лежал на спине, головой к северо-северо-западу. При нем обнаружена только железная пряжка, повидимому, позволяющая датировать захоронение VII—X вв.

Остальные средневековые погребения (курган Сол-1, погребения № А, Б, 1 и 4) не дали ничего существенного, как и недатированные погребения (курган 50/18, погребения № 1, 3, 12; курган 58/26, погребение № 2; курган Сол-2, погребение № 4).

К самому позднему времени относятся обнаруженные на многих курганах (50/18, 51/19, 31/7, 58/26, Сол-1, Сол-2, Сол-3) остатки небольших разрушенных сооружений из крупного кирпича. Расположены они всегда на вершине и, повидимому, занимали незначительную площадь. Так, на кургане Сол-2 удалось проследить остатки кирпичной вымостки размером 2 × 2 м. На всех курганах обеих групп кирпич явно происходил из Саркела. Можно думать, что находки эти свидетельствуют о сооружениях на курганах в позднейшее, скорее всего золотоордынское, время небольших наземных сооружений, типа мазаров, разрушенных затем в недавние времена новым населением края, использовавшим кирпич для хозяйственных надобностей. Наименования курганов «мечетными», «кирпичными» и т. п., широко распространенные в степном Подонье и в прилегающих областях, очевидно восходят к этим сооружениям.

На курганах 58/26 и Сол-3 под скоплением кирпича на вершине насыпи обнаружены ямы, заполненные частично также обломками кирпича.

Заканчивая наш краткий обзор раскопок 1951 г., следует признать, что исследованные курганы составляют лишь часть всех древних могильных насыпей, находившихся в районе Цимлянского моря.

Однако в результате работ 1950—1951 гг. можно с уверенностью сказать, что курганные захоронения, относящиеся к медно-бронзовому веку и скифо-сарматскому времени на исследованной нами территории, при всем их существенном значении для понимания истории края, в общем чрезвычайно близки одновременным памятникам соседних районов — Маныча, Степного и Сталинграда. Аналогичные им памятники совершенно несомненно в большом числе еще могут быть исследованы и по ближайшей периферии Цимлянского моря.

Работы 1951 г. позволили также установить ряд новых фактов, к числу которых следует отнести достаточно широкое распространение «кенотафов» в катакомбное время. По окончании реставрации чрезвычайно плохо сохра-

нившейся керамики эпохи бронзы можно будет дать ее сравнительный анализ в сопоставлении с материалом соседних районов, что безусловно может привести к новым интересным выводам.

В заключение следует остановиться на примененной отрядом методике раскопок. Число рабочих-землекопов, которые могли быть выделены отряду экспедицией, было очень невелико. Поэтому основная работа по съему курганных насыпей выполнялась скрепером¹.

Нет сомнения, что в интересах полноты изучения исследуемого памятника к применению механизмов на раскопках следует подходить очень осторожно. В нашей практике было несколько случаев повреждения ножом скрепера горшков и черепов в погребениях, впущенных в насыпи: на кургане 50/18 (погребение № 3) срезана часть лицевых костей черепа, на кургане 51/19 (погребение № 1) — часть сосуда; такой же случай был на кургане Сол-3. На кургане Сол-1 трактором скрепера был продавлен уже нарушенный свод впущенной в насыпь своеобразной ямы или катакомбы (№ 30), при дальнейшем исследовании оказавшейся совершенно ограбленной и не содержащей никаких остатков захоронения.

Что же касается грунтовых погребений, то пятна их даже в трудных почвенных условиях левобережья Дона распознавались всегда своевременно и применение скрепера только облегчало работу, давая сразу отличную зачистку широкой полосы.

Недочетом, неизбежно связанным с применением скрепера, является невозможность получить два пересекающихся разреза курганного сооружения. Приходится ограничиваться одним профилем, взятым по оставляемой контрольной бровке по диаметру насыпи.

Вместе с тем применение скрепера дает громадный выигрыш во времени, в рабочей силе и стоимости работ. При отказе от скрепера большая часть нашей работы осталась бы невыполненной. Однако применять его при раскопках курганов, в особенности небольших, можно лишь в том случае, если памятникам угрожает разрушение, а срок исследования крайне ограничен.

Более поворотливый, чем скрепер, бульдозер был использован нами только для завалки ям и частичного выравнивания поверхности по окончании раскопок. Использование его для снятия насыпи нам кажется недопустимым, так как, в противоположность скреперу, бульдозер имеет нож впереди трактора и зачищаемая им поверхность поэтому сразу же попадает под гусеницы трактора, что неизбежно приведет к разрушению впускных погребений.

---

¹ А. Д. Столяр. Применение землеройно-транспортных машин при работах Волго-Донской экспедиции ИИМК АН СССР и 1950—1951 гг. КСИИМК, вып. L.

Ю. В. КУХАРЕНКО

МОГИЛЬНИКИ ПОЛЕЙ ПОГРЕБЕНИЙ В ВЕРХНЕМ
ПРИДНЕПРОВЬЕ*(По данным раскопок 1951—1952 гг.)*

В самом конце прошлого века А. А. Спицын, рассматривая вопрос о расселении древнерусских племен по археологическим данным, отмечал, что на территории Верхнего Приднепровья, точнее к северу от Припяти, нет ни малейших следов славянских погребений докурганного периода и не известно, где их искать¹. В 20-х годах текущего столетия белорусские исследователи открыли на интересующей нас территории около 20 могильников полей погребений и много одновременных им городищ. К сожалению, в печати появились краткие информационные сообщения лишь о двух могильниках — Верхние Намыкары у Смоленска и Казаргать возле Турова². Эти могильники, как и остальные, не были раскопаны: было зафиксировано лишь то, что обнажено ветром на поверхности песчаных всхолмлений. Ни о времени функционирования памятников, ни о характере их по существу ничего не было известно. Не удивительно поэтому, что даже после открытий белорусских археологов Ю. В. Готье предполагал, что в Полесье вообще не может быть памятников современных «полям погребальных урн»³.

В 1941 г. П. Н. Третьяков, на основании опубликованных, а главным образом архивных материалов, попытался подытожить все, что известно о памятниках полей погребений на территории Верхнего Поднепровья⁴. Он первый правильно увязал их с аналогичными им памятниками Среднего Поднепровья и территории Польши. Однако при характеристике особенностей самих могильников П. Н. Третьяков, в силу плохой изученности материалов, допустил ряд ошибок (датировки, определения размеров и пр.), что выяснилось в последние годы во время работ Славянской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, возглавляемой самим же П. Н. Третьяковым.

В 1951—1952 гг. им произведены раскопки на нескольких городищах, относящихся к последним векам до нашей эры — I в. н. э. (Чаплин, Мохов, Горошков, Милограды Левского и Речицкого районов Гомельской обл.

¹ А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, 1899, август, стр. 308.

² А. Н. Ляуданскі. Археолёгічныя досьледы у водазборах рр. Сажы, Дняпра і Касплі у Смаленскай губэрні. Працы археолёгічнай камісіі. БАН, т. II, Минск, 1930, стр. 282—285; А. Э. Коваленя і С. С. Шутау. Матэрыялы с дагісторыі Тураушчыны. Працы археолёгічнай камісіі. БАН, т. II, Минск, 1930, стр. 339—378.

³ Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М., 1930, стр. 14.

⁴ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 13—14.

БССР, правый берег Днепра). Возле одного из них — Чаплинского, мною на месте, указанном П. Н. Третьяковым, был обнаружен и подвергнут раскопкам могильник полей погребений.

Могильник расположен на краю высокого правого берега Днепра, сразу же за валом городища, со стороны наиболее выгодного въезда. Кстати сказать, могильник и был обнаружен исходя из предположения, что хоронили «на путях», т. е. в данном случае на пути-дороге, ведущей в городище. Могильник тянется вдоль реки и занимает довольно большую площадь. Расстояние между ближайшим от городища и самым удаленным из вскрытых погребений составляет 135 м.

Вскрыто в общей сложности 992 м², обнаружено 20 погребений. Все они с трупосожжением и залегали в слое песка на глубине 0,25—0,80 м от современной поверхности. Никаких внешних признаков могил не было. Случаев нарушения одного погребения другим также не наблюдалось. Они были расположены довольно далеко друг от друга — от 2 до 10 м и более.

Погребения, как правило, безурновые. Прах обычно ссыпали прямо на дно погребальной ямы. В подавляющем большинстве случаев (14 из 20) ямы были небольшие, округлые в плане, диаметром в среднем около 0,50 м и глубиной 0,10—0,25 м от древнего горизонта. В каждой из них находились мелкие обломки пережженных человеческих костей, тщательно очищенные от остатков погребального костра. В некоторых случаях сверху на костях лежали те или иные вещи — фибулы, браслеты, бусы, пряжки, все со следами пребывания в огне. Число обломков пережженных человеческих костей не всегда одинаково: в одних ямах их несколько десятков, в других несколько сотен.

На краю ямы, а чаще всего на расстоянии около 1 м в ту или другую сторону от нее, стояли глиняные сосуды. Изредка возле сосудов встречались отдельные предметы: браслеты, обломок зернотерки, круглый растиральный камень. В сосудах находок не было. В двух погребениях, вместо целых сосудов, найдено по несколько обломков от трех горшков. Ни один горшок не собирается полностью.

Было обнаружено, кроме того, шесть захоронений несколько иного типа: прах также ссыпали прямо на дно погребальной ямы, большой и овальной в плане, как правило, вытянутой с северо-запада на юго-восток. Длина ям в среднем 2 м, ширина около 0,75 м, глубина же доходит до 0,5 м от древнего горизонта. Пережженные кости вместе с остатками погребального костра (сосновые угли, пепел, зола) лежали в кучке на дне, в центральной части ямы. При этом обломки черепных костей иногда встречались отдельно в северо-западном конце. На краю ямы стояли глиняные сосуды — миска, реже — миска и горшок. В одном случае был найден еще маленький горшочек. На костях почти всегда находились железные фибулы со следами пребывания в огне, большие бронзовые и железные фибулы в виде сьюльгам, пряжки, бисерные бусы из голубого стекла, кремневые кресала.

Любопытно, что в этих погребениях, расположенных, кстати сказать, двумя компактными группами между остальными, значительно крупнее и сами погребальные ямы, и число и размеры обломков пережженных костей, и фибулы, и пряжки. Эти погребения выделяются не только богатством, но и отдельными деталями обряда. На примере одного из них удалось восстановить весь ход захоронения. Прах покойника вместе с остатками еще не остывшего погребального костра был сыпан на дно ямы. Сверху на кости положена большая железная фибула в виде сьюльгамы и кремневое кресало. Сверху яма была прикрыта еще не совсем сгоревшими бревнами из костра. На краю их в северо-западном конце поставили горшок и миску. Все это было присыпано сверху песком. Бревна, перекрывавшие яму, вскоре перего-

рели полностью и обрушились вниз. Вместе с ними на тлеющие еще угли свалилась миска, причем бок ее, касавшийся углей, подвергся вторичному обжигу и слегка деформировался. Горшок также несколько осел книзу, и стенки его в нижней части насквозь проткнуты обуглившимися кусками бревен. Ничего подобного в погребениях первой, преобладающей группы отмечено не было.

Сосуды в погребениях лепные. Поверхность лощеная, реже тщательно сглажена, коричневого, иногда с черными пятнами, цвета. Преобладают миски. Большая часть из них биконической формы (рис. 36—1, 2), меньшая имеет плавный изгиб бока (рис. 36—3, 4). Горшки также встречаются двух видов: большие лощеные, с сильно отогнутым венчиком (рис. 36—5) и нелощенные, с прямым, иногда орнаментированным у основания венчиком (рис. 36—6). Орнамент ногтевой. По краю венчика маленького горшочка из погребения № 18 идет косая насечка (рис. 36—7).

Почти все фибулы железные, и только одна, в виде сюльгамы, сделана из бронзовой проволоки (рис. 36—9). Большая часть фибул среднелатенского типа (рис. 36—12), остальные — позднелатенские (рис. 36—11). Браслеты железные, ложновитые, со спирально соединенными концами (рис. 37—2); встречаются и спиралевидные бронзовые браслеты (рис. 37—1). Пряжки круглые, железные (рис. 36—10); ножи железные, с горбатой спинкой (рис. 37—13). Вне захоронений найдено несколько глиняных пряслиц (рис. 36—8), железных ножей и бус из стекловидной пасты. Среди последних большая бусина из белой стекловидной пасты с голубыми глазками (рис. 36—13).

В 1952 г. нами произведены небольшие разведочные раскопки еще на двух могильниках полей погребений — Ново-Быховском и Воронинском.

Могильник возле с. Новый Быхов (Быховского р-на Могилевской обл.) известен давно. Еще в 1905 г. Е. Р. Романов в урочище Гора Радышева возле одного из раскопанных им курганов нашел остатки двух бескурганых погребений с трупосожжением. В 1924 г. С. С. Шутов на развееванной песчаной поверхности недалеко от раскопанных Романовым курганов обнаружил большой горшок, заполненный пережженными человеческими костями. В последующие три года могильник раскапывал, правда довольно оригинальным образом, И. А. Сербов. Площадь, на которой предполагались погребения, И. А. Сербов подверг глубокой вспашке, а там, где нельзя было пахать из-за кустарника прокопал несколько узких и длинных траншей. Таким образом удалось обнаружить «двадцать зольных пятен и 6 урн». Это и все, что было известно о могильнике.

Нами вскрыто 240 м² и обнаружено восемь погребений с трупосожжением. Почти все они в той или иной степени разрушены глубокой вспашкой. Остатки погребений залегали на глубине 0,20—0,25 м от современной поверхности. Ни насыпей, ни каких-либо других примет над ними не было. В трех погребениях обнаружены одни лишь обломки пережженных человеческих костей, перемешанные с остатками костра. Находились они в небольших, еле заметных углублениях, округлой в плане формы, диаметром около 0,5 м. В двух погребениях среди костей найдены небольшие бронзовые колечки с несоединенными концами (рис. 37—14, 15), в одном — два кремневых отщепа без следов употребления их в качестве кресала и в двух — обломки глиняных сосудов, причем в одном из них большой сосуд в виде колокола (рис. 37—16) стоял вверх дном, а под ним находилась кучка пережженных человеческих костей. Кости были тщательно очищены от остатков погребального костра. Верхняя часть сосуда срезана плугом, но обломки ее находились тут же и сосуд почти полностью восстановлен. В другом погребении, также разрушенном, найдена лишь нижняя часть сосуда.

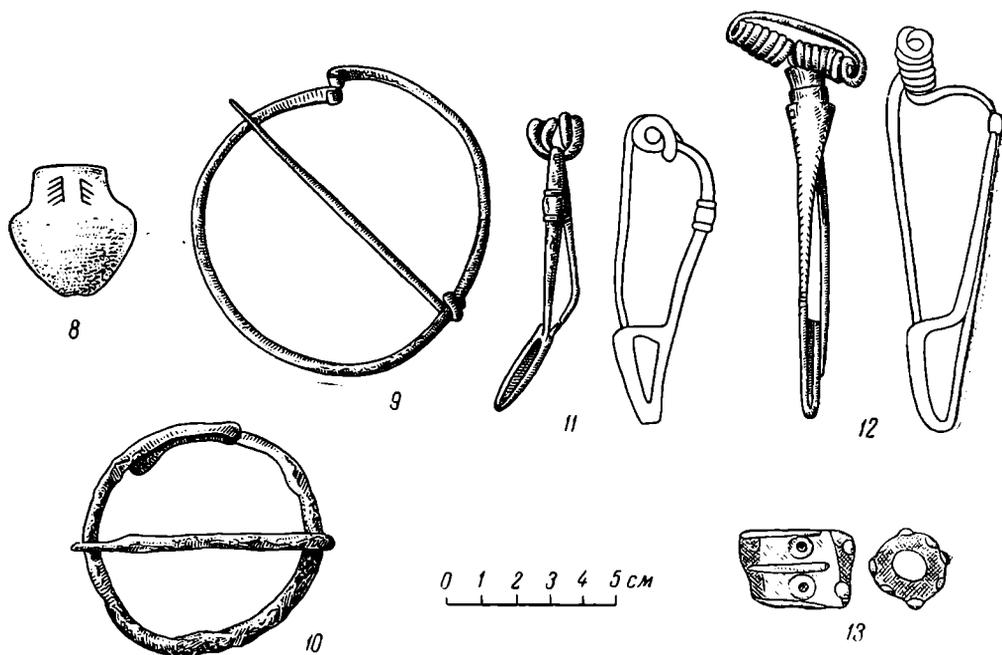
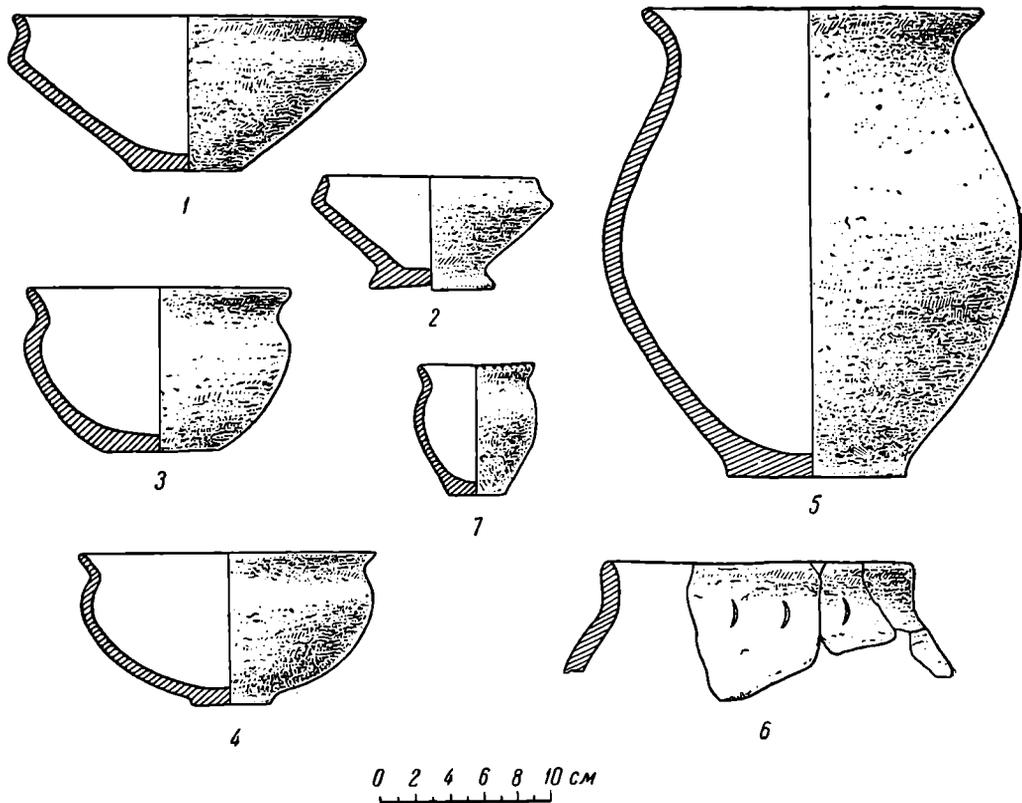

Рис. 36. Чаплинский могильник. Вещи из разных погребений:

1—7—глиняные сосуды; 8—глиняное пряслице; 9—бронзовая застёжка; 10—железная застёжка;
11, 12—железные фибулы; 13—бусина в белой стекловидной массе с голубыми глазками.

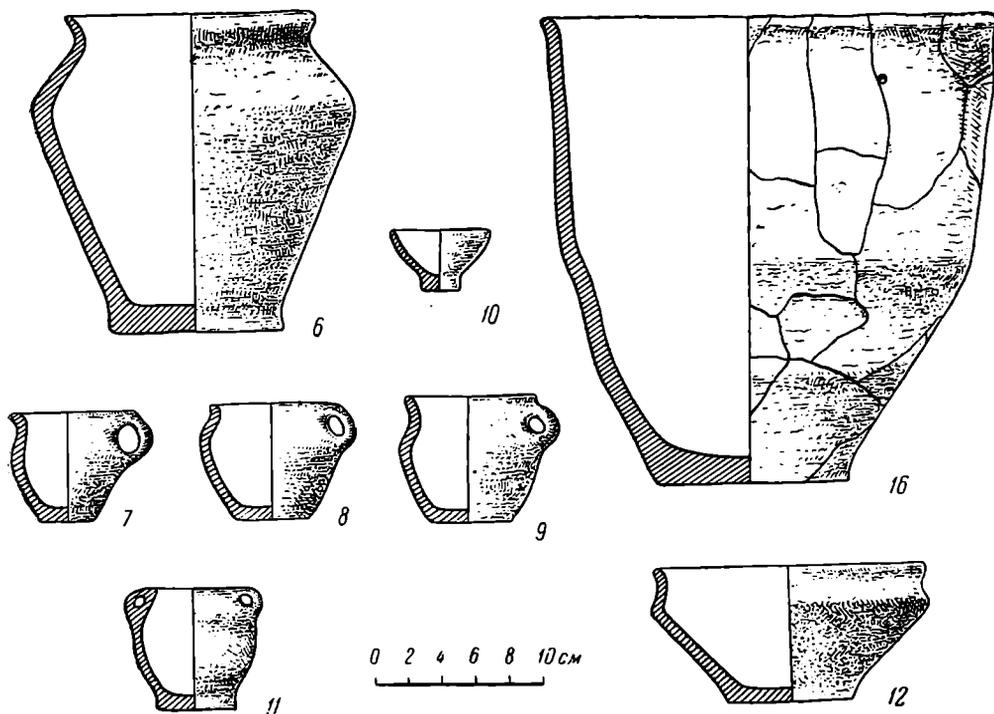
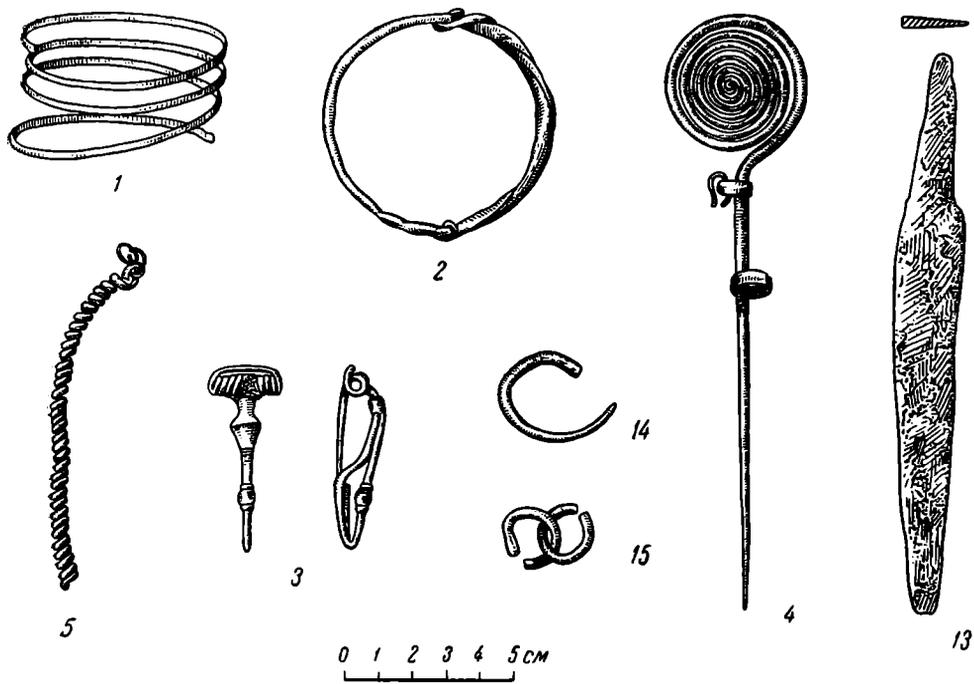

Рис. 37. Вещи из разных могильников:

1—бронзовый браслет; 2—железный браслет; 3—5—бронзовые фибула, булавка и спираль; 6—12—глиняные сосуды; 13—железный нож; 14, 15—бронзовые кольца; 16—глиняный сосуд (1, 2, 13, —Чапанский; 3—12—Боровинский; 14—16—Ново-Быховский могильники).

Оба сосуда лепные. В глине, из которой они сделаны, содержится много примеси дресвы. Поверхность неровная, бугристая, грязно-коричневого цвета. Сосуды резко отличаются от сосудов из погребений Чаплинского могильника.

Могильник в с. Воронино (Туровский р-н Полесской обл.) обнаружен осенью 1952 г. во время археологической разведки в Полесье. Расположен он в центре села. Местность низкая, ровная. Уже много лет подряд на площади могильника колхозники зарывают на зимнее хранение картофель. Для этого вырыто несколько десятков круглых ям, глубиной около 1 м и диаметром до 2 м. Во время рытья ям попадалась различная глиняная посуда, которая почти вся была уничтожена находчиками, случайно уцелело лишь три сосуда (рис. 37—6, 11).

На могильнике в разведочных целях было вскрыто 114 м², причем около одной трети этой площади приходилось на упомянутые современные хозяйственные ямы. В ненарушенных перемычках между ними встречено четыре погребения с трупосожжением, залегавшие в слое чистого песка на глубине 0,35—1,0 м от современной поверхности.

Одно из них — урновое. Пережженные кости ребенка, очищенные от остатков погребального костра, были ссыпаны в большой горшок. Никаких других сосудов в этом погребении не было. В остальных погребениях пережженные кости ссыпаны на дно небольших ямок. Рядом с ямками стояло по нескольку глиняных сосудов: горшок, миска, один-три небольших судика с ушками (рис. 37—6—12). В одном из погребений, кроме сосудов, находились бронзовая фибула среднелатенского типа (рис. 37—3), большая бронзовая булавка с плоско-спиральной головкой (рис. 37—4) и бронзовая спираль (рис. 37—5).

Несколько отлично четвертое погребение. Пережженные кости вместе с небольшим количеством золы из костра были ссыпаны в небольшое углубление на дне ямы, овальной в плане и вытянутой с запада на восток. Длина ее около 1,5 м, ширина в среднем 0,6 м и глубина около 0,5 м от древнего горизонта (общая же глубина от современной поверхности один метр). Пережженные человеческие кости находились в восточном конце, а в противоположном, западном, стояли глиняные сосуды: горшок, миска и два маленьких судика с отбитыми ушками. В сосудах никаких вещей не было. Сверху на пережженных костях находились обломки очень ржавой железной фибулы.

Сосуды, найденные в погребении, лепные. Горшки лощеные, черного цвета. Миски и небольшие судики коричневые, с тщательно сглаженной, иногда лощеной поверхностью.

Таковы вкратце материалы из могильников, обнаруженные в 1951 и 1952 гг. Все вскрытые погребения, за исключением погребений Ново-Быховского могильника, хорошо датируются III в. до н. э.— началом I в. н. э. Для датировки погребений Ново-Быховского могильника мы не располагаем необходимыми материалами.

Могильник этот вообще отличается от всех других могильников полей погребений, известных нам до сих пор. Что же касается Чаплинского и Воронинского могильников, то они в целом однотипны с могильниками полей погребений, открытыми В. В. Хвойкой в Среднем Приднепровье (Зарубинцы, Трахтемиров и др.).

Б. А. ТИМОШУК

СЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ IX—X вв. НА ТЕРРИТОРИИ
СЕВЕРНОЙ БУКОВИНЫ

Археологическими разведками Черновицкого краеведческого музея в 1948—1952 гг. на территории Северной Буковины обнаружено 53 славянских поселения IX—XIII вв. Собранный материал дал возможность выделить из них более раннюю группу, которая датируется приблизительно IX—X вв. Поселения, относящиеся к этой поре, обнаружены в трех пунктах. На остальных памятниках славянские культурные слои сочетаются с другими культурными напластованиями. Нами было уделено особое внимание обследованию славянских поселений, которые относятся только к раннему периоду¹. Они обнаружены на правом берегу Днестра, у с. Баламутовки Заставнянского р-на, в бассейне р. Прут, у с. Червона Диброва Глубокского р-на и у с. Белая возле Черновиц.

В трех километрах на восток от с. Баламутовки Заставнянского р-на, на урочище Таборище, находится городище без культурного слоя и два раннеславянских поселения — одно на плато у самого городища, другое в километре от него на первой надпойменной террасе Днестра. Городище расположено на высоком мысу, образованном обрывистым берегом Днестра и глубоким оврагом. Площадка городища небольшая, в форме овала, диаметром до 40 м. Следов культурного слоя на ней не обнаружено. Площадка укреплена довольно большим дугообразным земляным валом, сохранившимся теперь на высоту до 2,5 м при ширине основания в 12 м. С наружной стороны проходит ров глубиной до 1 м и шириной до 4 м. Въезд не прослеживается.

С юго-запада к городищу примыкает неукрепленное поселение. Естественные преграды (болотистая местность, овраги) делали его со всех сторон мало доступным. Остатки поселения распространяются на расстояние 250 м от вала. На вспаханном поле четко выделялось около 20 темных пятен. Они расположены по полю без всякой системы, не отдаваясь друг от друга больше чем на 25 м. Находки были сосредоточены главным образом в границах пятен. Как показала шурфовка, темные пятна — это остатки жилищ-полуземлянок, углубленных в материк, на котором лежит пахотный слой, на глубину 0,3—0,5 м. В местах расположения жилищ собрано много обломков керамики и костей животных, небольшое число кусков глиняной обмазки с отпечатками дерева и довольно много обожженных камней, повидимому от разрушенных печей-каменок.

¹ Термин «раннеславянские» употребляется нами применительно к поселениям IX—X вв., составляющим более раннюю группу по отношению к славянским поселениям XI—XIII вв.

Поселение этого же времени и приблизительно такого же размера обнаружено в одном километре на северо-запад от городища, на первой надпойменной террасе Днестра, на урочище «Над-Днестром». В обрыве берега видны профили полуземлянок со следами печей-каменок. Здесь встречены такие же находки, как и на поселении, расположенном у самого городища и, кроме того, — железные шлаки.

Подобное славянское неукрепленное поселение обнаружено и у с. Черво-на Диброва Глубокского р-на. Оно примыкает к небольшому городищу без культурного слоя, занимающему треугольный мыс высокого холма, ограниченного с трех сторон крутыми склонами. Площадка городища, имеющая форму треугольника, у которого основание равно 30 м, а высота 130 м, с напольной северо-западной стороны была укреплена дугообразным валом и рвом. Вал сильно распахан; теперь его высота достигает всего лишь 0,5 м при ширине около 8 м. В насыпи вала обнаружено много обожженной глины, повидимому в древности вал был обожжен. Находки встречаются за пределами укреплений, на холме у вала, а также у подножия холма на первой надпойменной террасе небольшого ручья. Здесь были собраны обычные для славянских поселений более раннего периода материалы — грубая лепная керамика, камни со следами действия огня, обломки костей животных. На поселении, расположенном в труднопроходимой, изрезанной оврагами местности, у подножия холма, обнаружены две обожженные ямы глубиной 0,6 м и шириной 0,6 м. Культурный слой в большей своей части распахан и разрушен.

Лучшей сохранности культурный слой на славянском поселении в с. Белая Черновицкого р-на. Оно расположено на южном склоне большого мыса, образованного реками Прут и Белая. В наиболее узком месте мыс пере-резан рвом и валом, который в древности был обожжен (в насыпи большое скопление пережженной глины). Ров проходит с внутренней стороны вала, и, повидимому, укрепление не связано с ним. На поселении встречены такие же находки, как и на описанных выше. Разведочной траншеей (размером 5 × 2 м) обнаружены следы жилища-полуземлянки, углубленной в землю на 0,6 м от древней поверхности, а от современной на 1,2 м. Ее контуры четко прослеживаются в материковой глине. В раскрытой части жилищ лежала куча бесформенных камней со следами действия огня. Среди завала камней найден один обработанный камень, напоминающий конус. По форме и размерам он аналогичен известным глиняным конусам из роменско-боршевских городищ. Поверхность камня-конуса сглажена и со всех сторон обожжена. Среди многих кротовин в раскрытой части жилища выявлена круглая ямка диаметром 0,25 м, в которой обнаружено истлевшее дерево. Углубление жилища заполнено рыхлой землей с разнообразными культурными остатками: обломки керамики, кости животных, куски глиняной обмазки с примесью соломы и без примесей, обломок жернова, угли, камни и т. п. Раскоп законсервирован, и в дальнейшем исследование его будет продолжено.

Находки, относящиеся к раннему периоду славянских поселений, встречены и в других местах на территории Северной Буковины.

Славянские культурные слои обнаружены в различных пунктах в верховьях р. Серета, у сс. Дымка и Каменка Глубокского р-на, у с. Цецино Черновицкого р-на, где они сочетаются с более поздними славянскими культурными напластованиями.

Трипольской экспедицией ИИМК АН СССР¹ обнаружено раннеславянское поселение на правом берегу Днестра у с. Бабино Кельменецкого р-на. Оно состоит из городища и неукрепленного поселения, расположенного возле.

¹ Автор статьи имел возможность ознакомиться с материалами поселения, принимая участие в работе Трипольской экспедиции.

Городище, размером 40×60 м, занимает каменистый останец на высоком берегу Днестра. Со стороны плато по склону останца проходят укрепления — два вала и три рва.

Укрепленная часть представляет собой бугристую каменистую поверхность, не пригодную для заселения. Во рвах найдено несколько обломков славянской керамики. Возле городища расположено поселение, на котором под славянским культурным слоем залегают отложения трипольского культурного слоя. Обнаруженные здесь находки примерно такие же, что и на других поселениях этого времени.

Таким образом, славянские поселения на территории Северной Буковины представляют собой небольшие неукрепленные пункты, что характерно для всех славянских областей. Они размещаются в естественно укрепленных малодоступных местах.

Кроме неукрепленных селений, известны небольшие укрепления — городища — того же времени. Они всегда расположены на высоких холмах или мысах, образованных реками и глубокими оврагами, и в незащищенных местах укреплены земляными валами и рвами. Отсутствие культурного слоя на городищах трудно объяснить. Возможно, что он смыт. Во всяком случае отсутствие его еще не дает права рассматривать такие городища только как военные укрепления. Они являются частью селения и могли использоваться для различных, пока не известных нам целей.

На всех славянских поселениях встречены однотипные находки. Основная их масса — это обломки сосудов (рис. 38). Керамика представлена двумя группами — лепной и сделанной на гончарном круге. Явно преобладает грубая лепная керамика. Это в большинстве случаев обломки толстостенных сосудов из глины с примесью дресвы или шамота. Глина обычно желтоватого или бурого цвета. В этой группе встречаются главным образом сосуды баночной формы (простой формы горшки), имеющие слегка отогнутые венчики с округленным или косо срезанным краем. Днища плоские, сформованы в виде подставки, выступающей за края стенки. Иногда встречаются глиняные сковородки и сосуды с отверстиями в дне, применявшиеся для откидывания творога. Сковородки имеют плоское дно и низкие вертикальные бортики, верхняя часть которых тоньше нижней. Такие сковородки типичны для роменско-боршевской культуры. Большинство обломков керамики первой группы не орнаментировано. Лишь на одном обломке встречен орнамент в виде вдавлений пальцем. Плохой обжиг, низкое качество теста, простота формы указывают на домашнее изготовление сосудов. Лепная керамика из описываемых славянских поселений имеет свои древние местные традиции. Она типологически связана с керамикой поселений скифского времени, а также с лепной керамикой из подкарпатских курганов. На славянских поселениях более позднего периода, которые датируются XI—XII вв., лепная керамика не встречается, она полностью вытесняется гончарной.

Сделанная на кругу керамика из славянских поселений (IX—X вв.) представлена двумя подгруппами: а) керамикой с большой примесью крупнозернистого песка в тесте и шершавой поверхностью; б) керамикой с примесью мелкозернистого песка в тесте и со сглаженной поверхностью.

Первая всегда орнаментирована горизонтальными и волнистыми линиями. Такого типа керамика часто встречается в подкарпатских курганах с тем только отличием, что там она не орнаментирована; изредка попадает она на раннеславянских и совсем отсутствует на позднеславянских поселениях XI—XIII вв.

Гончарная керамика с примесью мелкозернистого песка (второй подгруппы) в типологическом и орнаментальном отношении генетически связана с керамикой позднеславянских поселений, отличаясь от нее тем, что она более толстостенна, худшего обжига, венчики сосудов менее профилирова-

ны. Она также орнаментирована горизонтальными в сочетании с волнистыми линиями.

Ближайшие аналоги материалам славянских поселений Северной Буковины встречаем среди находок из славянских поселений этого же времени в других районах Поднестровья (главным образом Верхнего и Среднего Поднестровья).

Полную аналогию нашим материалам можно найти в нижних слоях Плиснеского городища Львовской области, датированных IX—X вв.¹

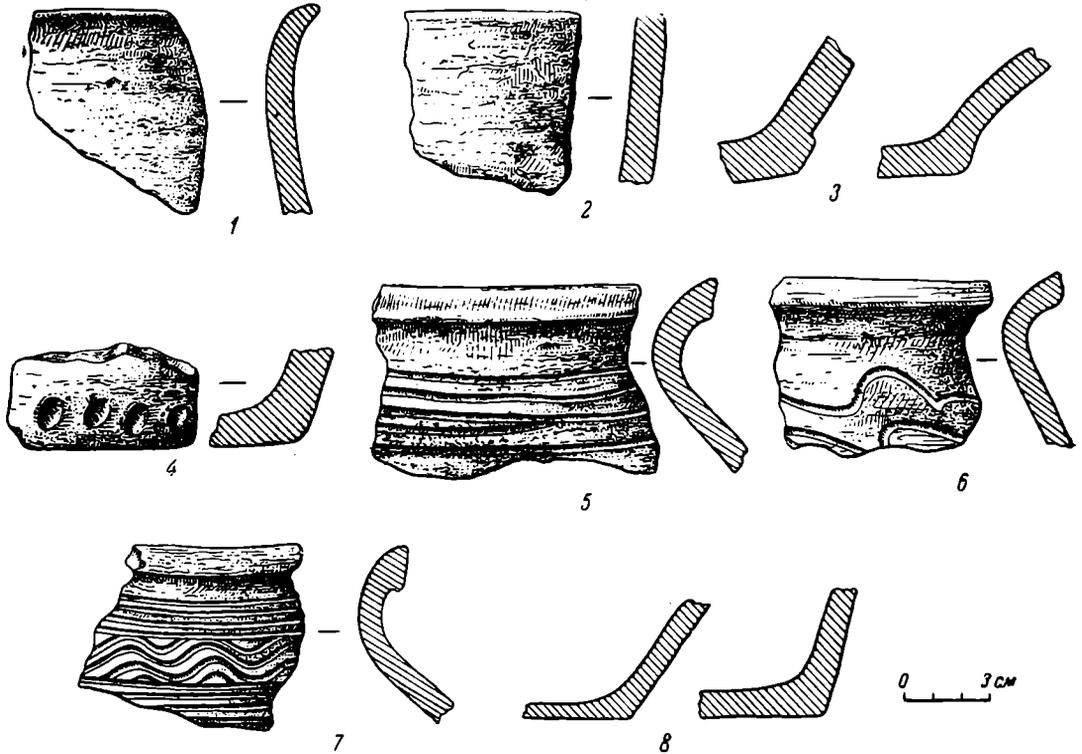

Рис. 38. Керамика с поселения Баламутовка:

1—4—обломки лепной керамики; 5—8—обломки керамики, сделанной на гончарном круге.

Аналогичная керамика собрана в 1952 г. на городище у с. Хребтиев Ново-Ушицкого р-на Каменец-Подольской обл. сотрудниками Средне-Днепровской экспедиции Института археологии АН УССР. В типах этой керамики наблюдается такое сходство с керамикой раннеславянских поселений Поднестровья, что дает право отнести и эти памятники к одной группе раннеславянских поселений — поднестровской.

Обследованные ранее славянские поселения на территории Северной Буковины, таким образом, датируются IX—X вв.

Некоторые элементы материальной культуры славян Поднестровья напоминают культуру роменско-боршевских поселений. Сравнивая поселения Левобережья Днепра и Поднестровья, найдем много общего в развитии строительной техники и в системе укреплений и т. п.

Такие же общие черты можно найти и в поселениях этого времени других восточнославянских территорий, в частности Правобережья Днепра².

¹ И. Д. Старчук. Розкопки городища Пліснеське в 1947—48 рр. Археологічні пам'ятки УРСР, т. 3. Київ, 1952 р., стр. 385.

² П. Н. Третьяков. Древлянские «грады». Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия». М., 1952.

Единообразие облика славянских поселений Восточной Европы говорит о единстве восточнославянского мира, возникшего до образования Киевского государства¹.

В то же время в материальной культуре отдельных групп славянских поселений можно отметить некоторые элементы, присущие только этим группам. Так, при сравнении керамического материала из славянских поселений Поднестровья и роменско-боршевских городищ наблюдаются некоторые различия в лепной керамике, главным образом в ее орнаментации; некоторые, менее заметные различия имеются и в гончарной керамике. Эти различия, при единообразии общего облика, дают возможность поставить вопрос о выделении местных групп, которые намечаются при исследовании полученных материалов.

---

¹ И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения Днепроовского лесостепного левобережья. СА, XVI, 1952, стр. 39.

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОРЛОВСКОЙ
ОБЛАСТИ

За последние годы Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР проводились археологические разведки и раскопки в бассейне Верхней Оки¹ (в Калужской и Орловской обл.). Работы осуществлялись под руководством автора данной статьи.

«Повесть временных лет» на территории Верхней Оки помещает вятичей. Изучением истории этого племени на основе курганных материалов XII—XIV вв. занимался А. В. Арциховский².

Накопление нового материала и дальнейшее изучение вопросов славянского этногенеза позволило рассматривать в качестве древностей вятичей также группу памятников Верхне-Окского бассейна 1-го тысячелетия н. э. (П. Н. Третьяков).

В начале нашего столетия изучению археологических материалов Восточной Европы, в том числе и Верхне-Окского бассейна, были посвящены труды А. А. Спицына. Он объединил археологические памятники Северо-Восточной Европы I тыс. н. э. под общим названием «городища дьякова типа» и отнес их к VI—VIII вв. н. э.³ Некоторые коррективы и уточнения в выводы Спицына внес В. А. Городцов и другие советские археологи. Таким образом, удалось дифференцировать многочисленные памятники севера и средней полосы Восточной Европы, выделив, в частности, как особый вариант группу памятников Верхне-Окского бассейна.

Изучение археологических материалов раскопок на территории Верхне-Окского бассейна, полученных ранее, а также результаты исследований, проводившихся здесь в последние годы, дают нам возможность данную группу памятников I тыс. н. э. в свою очередь разделить на три хронологически различные группы: 1) древнейшую — конца I тыс. до н. э. и начала I тыс. н. э. (с. Гремячее⁴, дд. Свинухово⁵, Надежда и Жилино⁶); 2) памятники середины и третьей четверти I тыс. н. э. (городище Дуна⁷, Мошинское, курганы Шаньково, Почепок⁸ и др.); 3) памятники конца

¹ Т. Н. Никольская. Городище у деревни Свинухово. КСИИМК, вып. XLIX. 1953.

² А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930.

³ А. А. Спицын. Городища дьякова типа. ЗОРСА РАО, т. V, вып. 1. СПб., 1903.

⁴ Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899.

⁵ Т. Н. Никольская. Указ. соч.

⁶ См. настоящую статью.

⁷ Ю. Г. Гендуне. Городище Дуна близ Лихвина. СПб., 1903.

⁸ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.

I тыс. н. э. (городище Федяшево¹. Воронежские курганы², д. Лебедка³ — селище и курганы). Некоторые из этих памятников содержат по два разновременных культурных напластования, причем верхнее относится к началу II тыс. н. э. Следует отметить, что указанные группы памятников не на всей территории Верхне-Окского бассейна изучены одинаково хорошо. Например, в области орловского течения Оки и ее притоков нам известны преимущественно памятники первой и третьей групп.

В археологическом отношении Орловская область оказалась вообще менее изученной, чем, например, Калужская. В дореволюционное время раскопки здесь почти не велись, если не считать работ Шульгина и Евсева⁴, которые скорее можно назвать разведками, чем раскопками. Попытка составления археологической карты принадлежит местному краеведу А. Пупареву, который в 70-х годах прошлого столетия суммировал сведения волостных и уездных правлений в статье «Древние городища и курганы в Орловской губ.»⁵ Несомненно, что данные эти нуждаются в тщательной проверке, так как сообщались лицами, совершенно не сведущими в археологии.

Краткие сведения о городищах, курганах и кладях б. Орловской губ. даны у А. А. Спицына в его «Обзрении некоторых областей и губерний в археологическом отношении»⁶.

Разведки и небольшие раскопки в Орловской обл. проводились в 20-х годах Орловским музеем под руководством П. С. Ткачевского⁷, в 1938 г. — Н. П. Милоновым⁸. К сожалению, из-за несовершенной методики раскопок и чрезвычайной небрежности фиксации материала почти невозможно пользоваться отчетами указанных авторов, тем более что сами коллекции в фондах Орловского областного музея не сохранились.

Этим по существу и исчерпываются сведения об археологических работах в Орловской обл.

В настоящее время интерес к изучению древностей Орловского края значительно вырос. Указание И. В. Сталина на то, что курско-орловский диалект лег в основу русского национального языка, заставляет советских историков, археологов и языковедов отнести более внимательно к изучению эпохи, предшествующей формированию этого диалекта, так как язык «является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется»⁹.

И. М. Ионенко в статье «Об исторических условиях превращения курско-орловского диалекта в основу русского национального языка»¹⁰ пишет:

¹ В. А. Городцов. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г. Древности, т. XVII, стр. 10.

² В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бельском и Рязанском у. в 1897 г. Археол. изв., 1898, т. VI, стр. 223.

³ См. настоящ. статью.

⁴ Шульгин обследовал городища Мерцаловское (р. Цон) и Гать (на Оке), заложив на них небольшие траншеи, и произвел глазомерную съемку некоторых городищ (Труды Орловской ученой архивной комиссии 1898 г., вып. I, 1903).

Территория, обследованная Евсеевым по поручению МАО, значительно шире: сюда входит верхнее (орловское) течение Оки и ее притоки Цон, Рыбница, Зуша. На некоторых городищах проведены небольшие раскопки, результаты которых опубликованы Евсеевым в его кратком отчете (Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV АС, вып. II, М., 1908). К сожалению, отчет этот не может считаться полноценным, так как в нем нет ни публикации находок, ни чертежей. Не известно, куда поступили найденные Евсеевым вещи, об этом нет сведений даже в Архиве МАО.

⁵ Материалы для истории и статистики Орловской губ., т. I, Орел, 1877.

⁶ ЗОРСА, нов. серия, вып. XI, 1903.

⁷ Архив ГАИМК, 1925, № 144; 1926, № 211; 1928—1929, № 192; 1926, № 166; 1927, № 157.

⁸ Архив ГАИМК, 1938.

⁹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 9.

¹⁰ «Вопросы истории», 1952, № 7, стр. 90.

«При изучении условий возникновения курско-орловского местного диалекта необходимо учитывать ту племенную основу, на которой некогда сложилось население южных областей Русского государства». Изучение этой племенной основы по вещественным памятникам является одной из задач советских археологов.

В 1951—1953 гг. Верхнеокским отрядом Славянской археологической экспедиции ИИМК АН СССР совместно с Орловским областным краеведческим музеем были проведены археологические разведки и раскопки в Орловской обл. В задачу разведки 1951 г. входило обследование возможно более широкой территории, ознакомление с археологическими памятниками, после чего можно было бы перейти к более глубокому и систематическому изучению отдельных объектов. В 1951 г. проведены обследования с частичным вскрытием культурного слоя городищ по рекам Оке, Зуше, Черни и Нугрю, в 1952 г. — по рекам Цону и Орлику; были организованы также раскопки на городище у д. Надежда (р. Орлик, Орловский р-н) и селище у д. Лебедки (р. Цон, Урицкий р-н). Разведками обнаружены городища и селища, относящиеся к первым векам до н. э. — началу II тыс. н. э. По внешнему виду городища делятся на две группы: 1) расположенные на мысу высокого коренного берега реки, укрепленные с напольной стороны искусственно сооруженным валом или системой валов и рвов; 2) круглые в плане городища, окруженные кольцевым валом, также находящиеся на мыском берегу реки.

Среди всех известных нам в Орловской обл. археологических памятников I тыс. н. э. можно выделить раннюю группу — городища на мысу высокого коренного берега, содержащие лепную керамику южновского типа (Жилинское и Надеждинское), и группу конца I тыс. н. э. (селище и курганы у д. Лебедка). Первые, как правило, однослойны, в поселениях второй группы культурный слой VIII—X вв. н. э. перекрывается еще одним напластованием, относящимся к началу II тыс. н. э. К этому времени (начало II тыс. н. э.) относится и большая часть обнаруженных нами круглых в плане городищ, окруженных кольцевым валом (Комаровское, Мерцаловское, Снопково, Гать и др.).

Их инвентарь — железные замки, ключи, пряслица для веретен, обломки стеклянных браслетов и т. д. — характерен для поселений городского типа. В то же время эти поселки не превратились в города в полном смысле слова — в центры ремесленного производства. Часть из них была покинута в момент татарского нашествия (Борилово), часть несколько раньше. Повидимому, их следует считать своеобразными замками феодалов, которые поддерживали постоянную связь с городом, чем и объясняется характер найденного здесь инвентаря¹. На большом пространстве вокруг городищ, среди пашен, можно найти очень много обломков сосудов, изготовленных на гончарном круге, с характерным орнаментом из прямых или волнообразных линий и однотипных с сосудами, найденными на городищах. Здесь жило сельское население, принадлежавшее феодалу — владельцу замка. К сожалению, культурный слой таких поселений почти совершенно уничтожен распашкой.

Следует упомянуть еще об одном типе памятников, встреченном при разведках 1951 г. Это круглое в плане городище, укрепленное валом с напольной стороны, но без культурного слоя, обнаруженное пока только в одном случае (у д. Михайлов брод, на р. Чернь), повидимому относится к позднему времени и является укреплением Засечной черты.

Не имея возможности в настоящем сообщении изложить все результаты работ 1951—1952 гг., остановимся подробнее на материалах I тыс. н. э.,

¹ Как любезно сообщил мне М. К. Каргер, подобные же «замки феодалов» хорошо известны и южнее — в Приднпровье.

которые представляют большой интерес для освещения раннего периода истории населения Верхне-Окского бассейна.

Наиболее ранние из обследованных памятников — городище у д. Надежда (Орловского р-на Орловской обл., раскопки 1952 г.) и городище у д. Жилино (р. Зуша, Мценский р-н, раскопки 1951 г.).

Городище Надежда расположено на мысу высокого (правого) берега р. Орлик, притока Оки, близ д. Надежда. Оно имеет довольно крутые склоны, в настоящее время несколько оплывшие; со стороны поля укреплено двумя валами, разделенными рвом, повидимому заполнявшимся ранее водой. Площадка городища простирается с небольшим уклоном к западу (к мысу). Ширина мыса 36 м, длина 55 м, ширина основания внутреннего вала 6,4 м, длина вала 39,5 м, высота от его основания на городище 1 м, глубина рва 1,9 м. Мыс находится на расстоянии 70 м от реки и отделен от нее заливным лугом. Примерно в 8—10 м от вала площадка перерезана траншеей (времен гражданской войны); длина траншеи 30 м, ширина 2—5 м.

На городище было заложено три раскопа — № 1 — в северо-восточной части между траншеей и валом. Общая площадь раскопа № 1 равнялась 130 м². С северо-восточной стороны к нему был прирезан небольшой раскоп вала, захватывающий и часть рва (раскоп № 2). Раскоп № 3 (196 м²) был заложен в средней части по другую сторону траншеи.

Профиль восточной стенки раскопа № 1, примыкающий к валу, дал следующую картину: по верху шел тонкий слой дерна (5—10 см), затем прослойка бурой земли, состоящей из песчаного культурного слоя с примесью глины. Ниже глинистый слой с включением угля и золы; в северной части профиля, на глубине 0,3 м, прослойка угля и обожженной глины (кв. 9—10), толщина которой 0,2—0,4 м. Мощность культурного слоя у вала в южной части 1,2 м, в северной 0,4 м. То же чередование культурных наслоений идет и в южной части раскопа. Северная стенка раскопа примыкает к валу с восточной и северной сторон. Этим объясняется наличие прослойки обожженной глины в северо-западной части раскопа и довольно толстого слоя глины, идущего от восточной стороны северного профиля к западной, на протяжении 3 м (толщина прослойки у вала 20 см, в западной части 5—10 см).

В западной части раскопа, примыкающей к траншее, сразу под дерном шла прослойка материковой глины, выброшенной из траншеи, а затем то же чередование слоев, что и в остальной части раскопа. Раскоп № 1 беден находками. Основным обнаруженным материалом была керамика. Незначительны и остатки сооружений. Так, на глубине 0,4 м, в кв. 16 и в северной части кв. 15, на слое угля и золы встречена груда камней со следами пребывания в огне; подобные же скопления обожженных камней, угля и золы найдены в кв. 11, 14 и 21. В последнем около груды камней, в слое золы и угля, найден почти целый лепной сосуд баночной формы. Повидимому, перед нами остатки разрушенных очагов.

На глубине 0,2 м найден железный нож с горбатой спинкой (кв. 21), глиняные пряслица довольно разнообразной формы (кв. 14, 16, 25); одно из них покрыто геометрическим орнаментом; на глубине 0,4 м (кв. 19) обнаружена маленькая круглая бляшка (рис. 39).

Более интересные результаты дал раскоп № 3. В нем обнаружены следы большого наземного жилища, о чем свидетельствуют относительно правильно расположенные по сторонам прямоугольника пятна от столбов, диаметром 15—30 см¹. На площадке жилища найдены остатки плохо сохранив-

¹ Остатки наземного столбового жилища были обнаружены М. В. Воеводским на городище юхновской культуры «Песочный ров». См. М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, стр. 69.

шихся очагов, в виде небольших скоплений угля, золы и обожженных камней, а также гряда глиняных ядер, заготовленных, повидимому, для метания в неприятеля. Отсюда же происходят почти все немногочисленные находки, сделанные на городище. Так, на глубине 0,2 м найдены: обломок бронзового браслета с рельефным орнаментом на лицевой стороне и бронзовая, слегка выпуклая круглая бляшка с тремя отверстиями для гвоздиков и небольшим выступом на оборотной стороне (кв. 13), бронзовое колечко с несомкнутыми концами (кв. 40), обломок бронзового украшения,

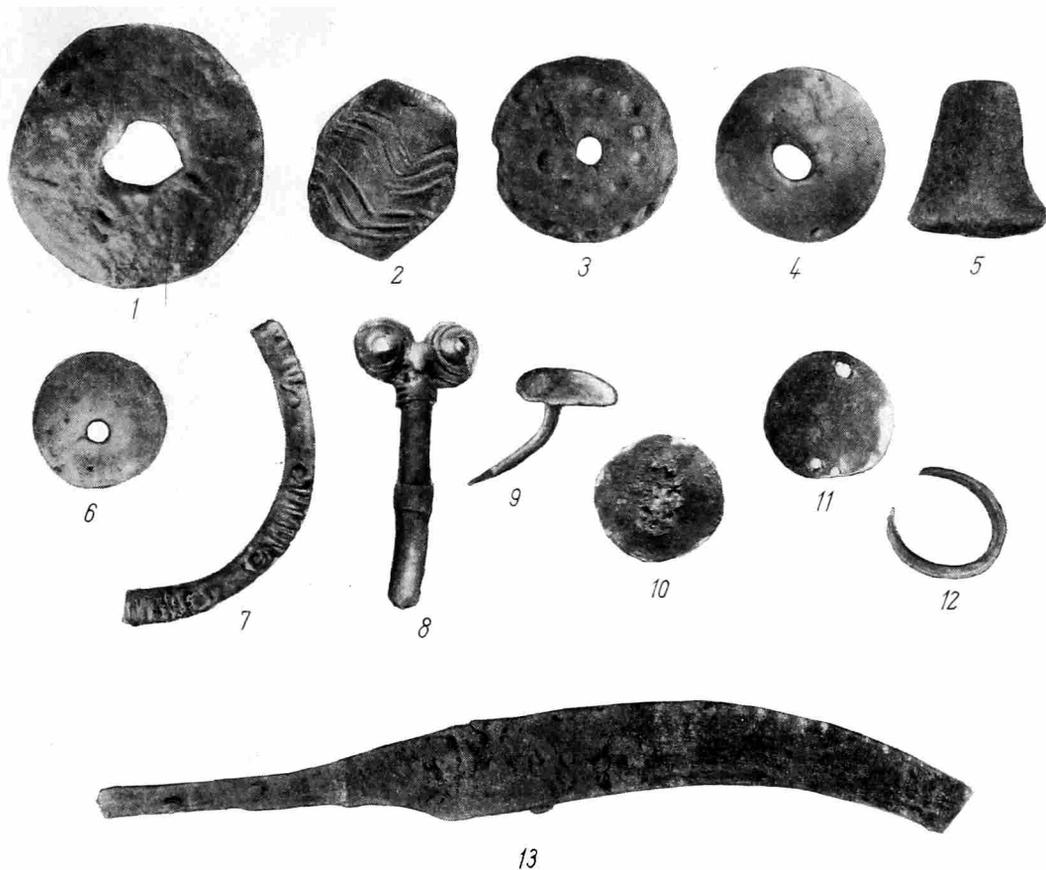

Рис. 39. Находки из раскопов № 1 городища Надежда:
1—6—глиняные изделия; 7—12—предметы из бронзы; 13—железный нож.

повидимому браслета, украшенного волютами (кв. 37), бронзовый гвоздик с круглой шляпкой (кв. 29), зонная зеленая бусина (кв. 25), глиняные пряслица, грузила и ядра.

Раскоп № 2 позволил выяснить структуру первого вала городища, сооруженного, повидимому, в два приема. Устройство его было довольно простым: основным цементирующим слоем служила плотная глина. Возможно, что по невысокой сначала насыпи шел деревянный частокол, который затем сгорел (угольно-зольный слой и обожженная глина в середине насыпи). Через некоторое время вал был подсыпан вторично (рис. 40).

Все найденные на городище Надежда обломки керамики принадлежат лепным сосудам баночной формы, преимущественно тонкостенным (толщина стенок 3—5 мм) и слабо обожженным. Сосуды сделаны из серой глины с примесью мелкой дресвы. Венчик или отсутствует, и тогда край сосуда утоньшен, или едва намечен и слабо отогнут. Днища значительно толще

стенок (10—12 мм). Большая часть сосудов неорнаментирована, на некоторых встречается орнамент в виде прямоугольных или треугольных вдавлений, нанесенных плоской широкой или узкой щепочкой или гребенчатым штампом (рис. 41).

Находки костей животных на городище ничтожны, что объясняется, по-видимому, плохой их сохранностью в грунте (песок).

За валом, на пахотном поле, обнаружен культурный слой селища, содержащий аналогичную городищенской лепную керамику. Толщина слоя 0,4 м,

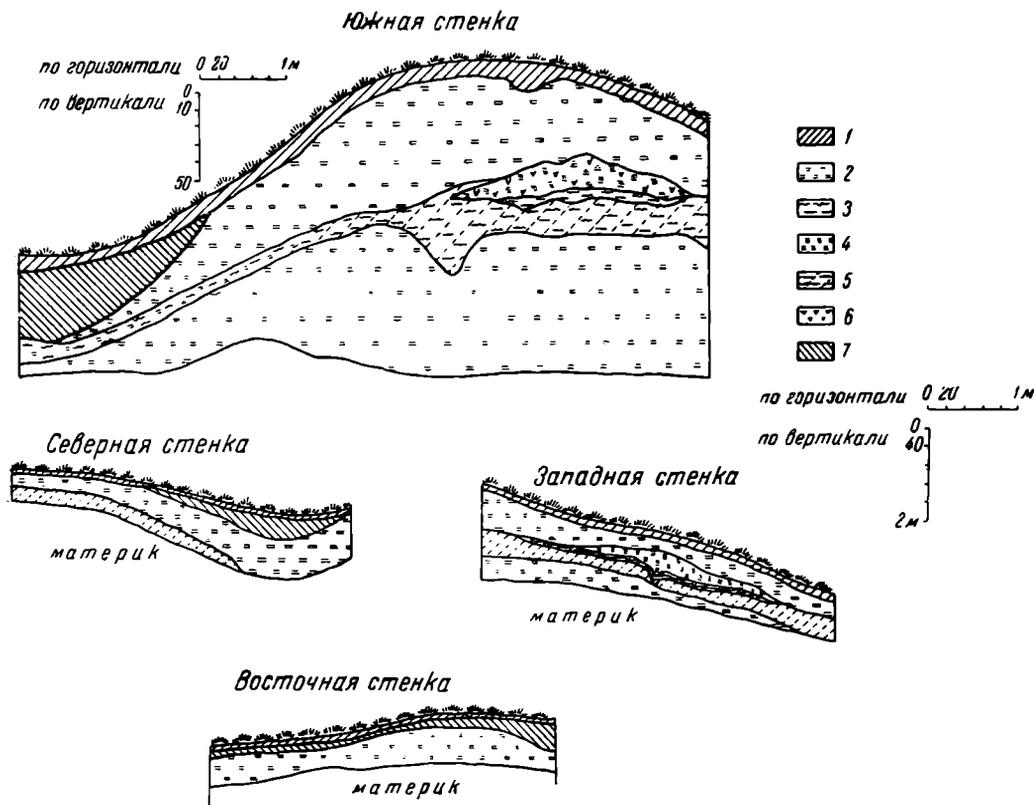

Рис. 40. Профиль вала городища Надежда (раскоп № 2):

1—дери; 2—глина; 3—зола; 4—обожженная глина; 5—бурая земля с золой; 6—уголь; 7—заполнение рва.

но если принять во внимание, что это место в течение длительного времени распахивается, то естественно предположить, что культурный слой ранее был более мощным. В то же время мощность культурного слоя на городище невелика, всего 0,2—0,4 м. По-видимому, поселение на мысу просуществовало недолго и впоследствии, по мере его разрастания, было перенесено за пределы вала, на поле.

К какому времени относится городище? К сожалению, кроме керамики, датирующий материал отсутствует. Вся найденная керамика однородна и имеет свои аналогии (по форме сосудов и орнаменту) в керамике городищ так называемого южновского типа: на Южновском, Пушкари, «Песочный ров» (раскоп М. В. Воеводского)¹, на городище Торфель (раскопки М. В. Воеводского, Е. И. Горюновой)² и др. Известна такая керамика и

¹ М. В. Воеводский. Указ. соч., стр. 68, рис. 15; Его же. Важнейшие итоги Деснянской экспедиции 1946 г. КСИИМК, вып. XX, 1948, рис. 21—2, 3; Н. В. Трубова. К вопросу о Южновском городище. Тр. ГИМ, т. VIII, М., 1938, стр. 123.

² Е. И. Горюнова. Городище. Торфель. КСИИМК, вып. XXXI, 1950.

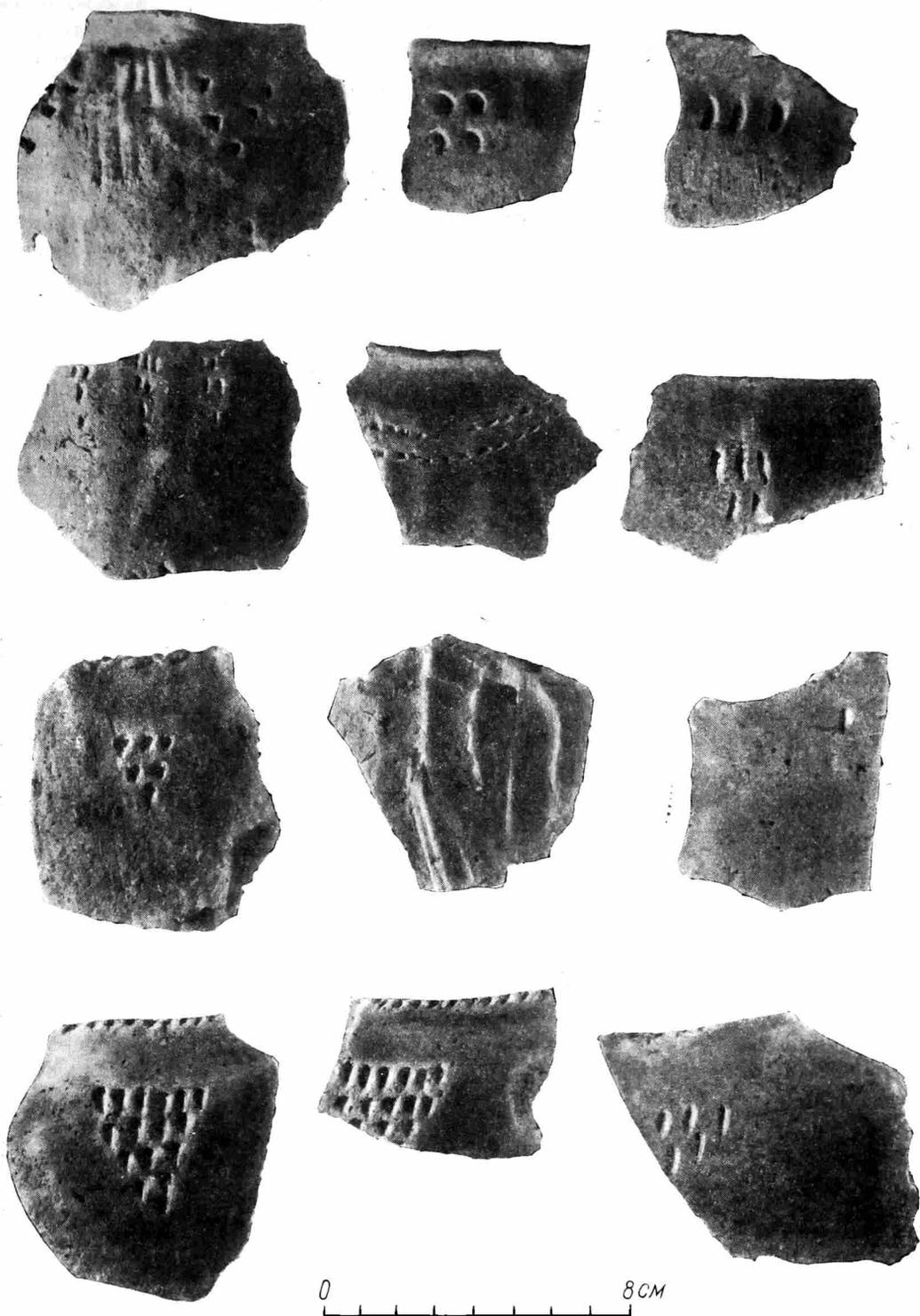

Рис. 41. Керамика с городища Надежда.

на других городищах Верхне-Окского бассейна конца I тыс. до н. э. и начала нашей эры, например в Гремячем¹ на Оке, у д. Свиногово на р. Угре². На основании предварительных данных и по аналогии с однотипными памятниками, временем обитания городка у д. Надежда можно считать первые века до нашей эры и начало н. э.

Одновременным городищу у д. Надежда является городище, обнаруженное в 3 км от д. Жилино на р. Зуше Мценского р-на, не известное и никем не обследованное ранее. Оно расположено на мысу правого высокого берега Зуши. Мыс состоит из известняка, отчетливо видного в обнажении обрыва со стороны реки. С напольной (северной) стороны городище укреплено невысоким валом (высота около 2 м). Поверхность его имеет небольшой наклон в западной (к реке) и южной части (мыс); площадка не подвергалась распашке, и культурный слой хорошо сохранился.

В северо-восточной части, у вала, был заложен раскоп № 1 площадью 100 м². Культурный слой состоял из плотного чернозема с большой примесью известняка в нижней части. Толщина слоя 0,2—0,4 м. Материк — известняк. Насыщенность культурного слоя находками очень незначительна: кроме обломков лепной керамики и одного точильного бруска, на площади раскопа ничего не найдено. Керамика однотипна: сосуды — из серой глины с примесью мелкой дресвы, чаще песка или шамота, имели форму банки с очень тонкими стенками (3—4 мм) и были слабо обожжены.

подавляющее большинство фрагментов не орнаментировано, реже попадались обломки с орнаментом, состоящим из насечек по самому краю сосуда, углублений в виде круглых ямок, концентрических кружочков или полулунных, прямоугольных и треугольных вдавлений, нанесенных тонкой щепочкой, и т. п. В целом керамика, так же как и на городище у д. Надежда, может быть отнесена к южновскому типу.

Наиболее интересные результаты в 1952 г. дали раскопки селища у д. Лебедка (Урицкого р-на Орловской обл.). Оно располагается на песчаной дюне, в расстоянии 400 м от левого берега р. Цон, в ее пойме.

Площадку селища можно определить уже по внешнему виду, так как она представляет собой едва заметное всхолмление, носящее у местных жителей название «бугор», и отличается от окружающего заливного луга цветом растительности³. Границы селища расплывчаты, форма его довольно причудлива, в общих чертах напоминает овал. Южная полукруглая часть — несколько выше, северная (мыс) почти совсем сливается с окружающей местностью. Протяженность селища вдоль берега 280 м, ширина 30—60 м.

Для выяснения характера культурного слоя в южной части первоначально был заложен шурф (№ 1), размером 2 × 2 м. Выявлено наличие двух разновременных напластований культурного слоя: первое содержало круговую керамику и шиферные пряслица, второе — обломки лепных сосудов роменского типа.

Находки типичной роменской керамики с характерным для нее веревочным и зубчатым орнаментом представляли большой интерес, так как свидетельствовали о наличии сходных черт в культуре местного населения с культурой населения бассейнов Сейма и Десны. Кроме того, стало очевидным, что шурфом задета землянка с остатками какого-то сооружения. Проведение здесь раскопок поэтому было необходимо. В северном и южном направлениях от шурфа был заложен раскоп № 1 первоначально размером 10 × 10 м (кв. 1—25); впоследствии к западной и южной стенкам раскопа

¹ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по берегу Оки. М., 1899.

² Т. Н. Никольская. Городище у деревни Свиногово. КСИИМК, вып. XLIX, 1953.

³ Селище не было известно ни Евсею, ни Ткачевскому, производившим поблизости раскопки курганов.

были прирезаны дополнительные участки и общая площадь стала равняться 196 м².

Для выяснения дополнительных профилей раскопа оставались бровки, шириной 0,25 м.

Культурный слой селища — черный песчаный в верхней части и более светлый, переходящий в желтый материковый — в нижней¹; толщина слоя 0,4—0,6 м.

Южная часть селища, повидимому, использовалась для сооружения построек производственного, а не жилого назначения. Раскопом вскрыты три прямоугольные в плане землянки, расположенные близко друг от друга, в каждой из них обнаружены остатки сооружений — двух сыродутных горнов и одного кузнечного.

Население поселка, повидимому, жило в отдалении от производственных комплексов, т. е. несколько севернее.

Землянка № 1 в северной части раскопа (открыта шурфом № 1) была квадратной в плане, длина сторон 4 м, глубина 1,7 м. Землянка № 2, в юго-западной части раскопа, имела длину сторон 4,5 и 4 м и глубину 2,2 м. Землянка № 3 в северо-западной части такой же формы; длина сторон 4 м, глубина 1,2 м.

Почти в самом центре землянки № 1 вскрыты остатки разрушенного овального глинобитного сооружения высотой (от материка) около 0,3 м. На поверхности этого сооружения и вокруг него сохранилось большое скопление углей и шлака, особенно в северо-восточной части. В западной стенке землянки, на глубине 1 м, обнаружена тонкая угольная полоска сгоревшего дерева, в южной части, на глубине 0,2 м, угольное пятно — следы сгоревшего столба. Возможно, это следы сгоревшей кровли или укрепленной стен.

Сооружения, открытые в землянке № 1, по нашему мнению, были остатками сыродутного горна, что подтвердилось после раскопок землянки № 3, где был вскрыт довольно хорошо сохранившийся сыродутный горн.

В верхней части землянки № 1 (глубина 0,2—0,4 м) найдены обломки керамики, сделанной на гончарном круге; в нижней части и особенно около горна — обломки толстостенной лепной керамики роменского типа. Одновременны керамике и находки в верхней части землянки (на глубине 0,2 м): железное кольцо от удил, нож с прямой спинкой, костыльковый гвоздь, точильный брусок и маленькая шарообразная бусинка из белой пасты.

Раскопки кв. 1, 2, 6 с первого же пласта дали черную, насыщенную сажей и углем землю. Здесь была обнаружена вторая землянка производственного назначения (с горном № 2). На глубине 0,8 м в восточной ее части показалось коричневое пятно плотной глины, принадлежащей глинобитному сооружению, примыкающему к небольшой глиняной стенке. При дальнейшей расчистке (на глубине 0,9 м от горизонта) выяснилось, что перед нами остатки разрушенного кузнечного горна, выложенного камнями, обнаруженными в развале горна (до глубины 1,4 м) и у его подножья. Высота горна около 0,8 м (рис. 42—1). В нем встречены куски железного шлака и обломки лепной керамики роменского типа, гладкой и орнаментированной. Вокруг горна по всей землянке шел толстый угольно-зольный слой. По мере углубления площадь землянки сокращалась.

На глубине 1,7 м она составляла всего 4 м², причем с уровня 1,4 м в восточной части появился материк. На глубине 2 м цвет грунта заполнения ямы из черного становился темнокоричневым. Очертания ямы представляли собой ромб со сторонами по 2 м, ориентированный углами на С — Ю и В — З; восточный угол как бы уходил под развал горна.

¹ Как показали шурфы (№ 2, 3, 4), в некоторых частях селища культурный слой подстилался слоем торфа.

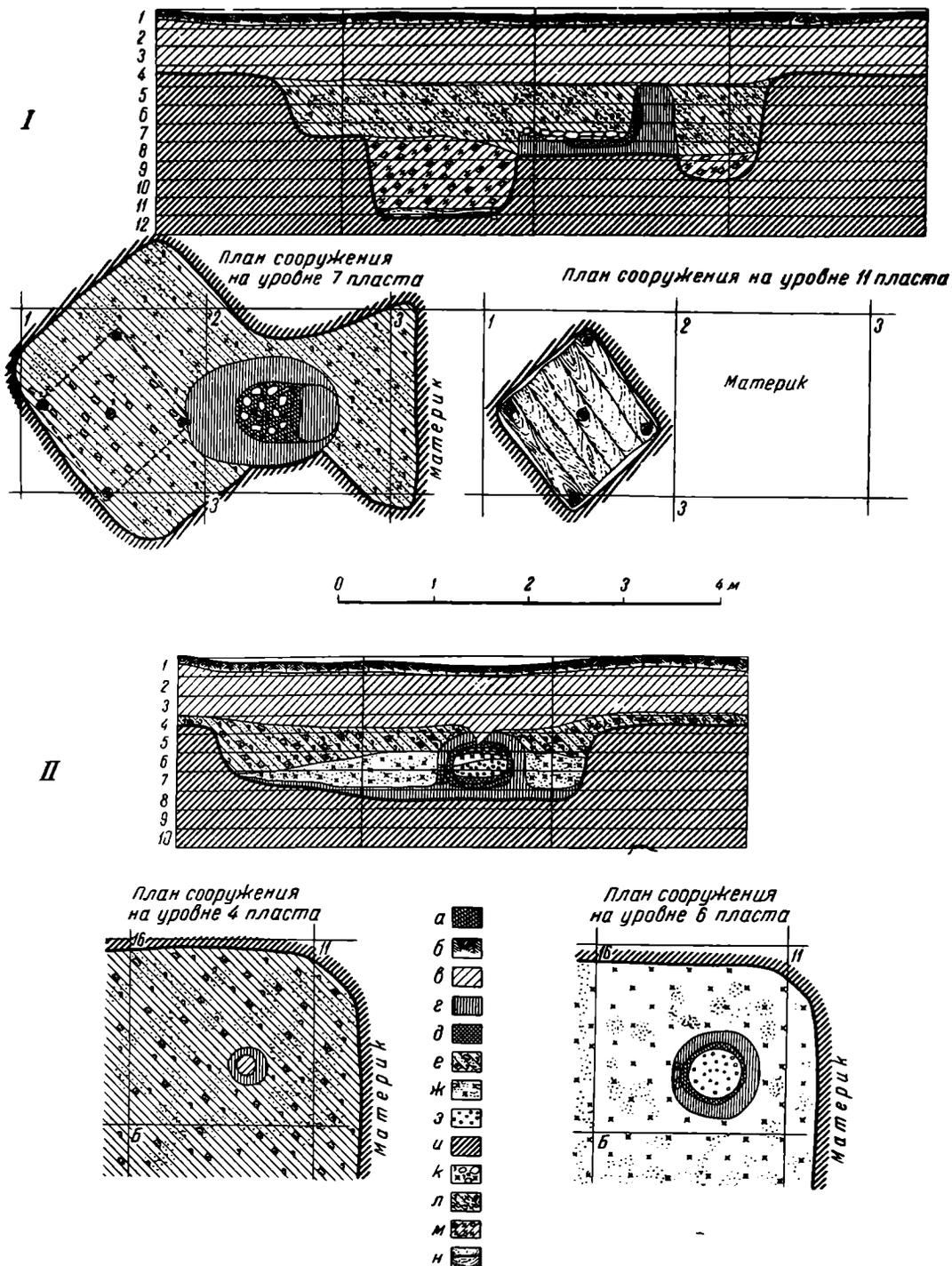

Рис. 42. Селище Лебедка. Разрез и план кузнечного горна в землянке № 2 (I); разрез и план сыродутного горна в землянке № 3 (II):

а — красная обожженная глина; б — гумусный слой; в — черная земля; г — уплотненная глина в равнине с землей; д — шлак, уголь, зола; е — серая земля с золой, вкрапленными обожженного песка и шлака; ж — глина, уголь, песок; з — шлак; и — материк; к — камни, шлак, уголь и зола; л — серая земля, зола и обожженный песок, уголь; м — черная земля, шлак, уголь; н — досчатый настил.

При дальнейшей расчистке обнаружено деревянное сооружение в виде настила тех же очертаний до 1,25 м длиной. По углам и в середине настила замечены колышки, уходящие на 0,6 м в материк (три из них хорошо сохранились; диаметр 10 см). Концы колышков заострены. Назначение этого сооружения осталось неясным, возможно, что оно и не связано с горном, так как расположено много глубже него.

Среди находок из землянки № 2 следует отметить обломок железной дужки от ведра и кусок обработанной кости, прямоугольной в сечении (глу-

Рис. 43. Отдельные находки с селища Лебедка:
1—обломок дужки от ведра; 2—4—железные ножи; 5—6— части удила.

бина 0,4 м), обломок глиняного дисковидного пряслица (глубина 0,6 м). В землянке найдены многочисленные обломки массивных толстостенных горшков роменского типа, сделанных из глины с примесью крупной дресвы и довольно хорошо обожженных; сосуды чаще гладкостенные, иногда покрыты зубчатым или веревочным орнаментом.

В северо-западной части раскопа встречены следы еще одной землянки (№ 3). Заполнение ее, состоящее из темной земли с включениями ярко-оранжевого цвета, представлявшими собой куски шлака и спекшегося обожженного песка, с самого начала свидетельствовало о наличии здесь какого-то сооружения. И действительно, на глубине 0,7 м было обнаружено круглое, диаметром 0,6 м, пятно плотной глины, вокруг него скопление угля и золы, а в южной и юго-восточной части землянки — большое скопление шлака.

При дальнейшей расчистке вскрыто довольно хорошо сохранившееся сооружение — сыродутный горн (рис. 42—II). Высота его от уровня материка 0,5 м. Вертикальный разрез выявил, что боковые стенки горна, выложенного из плотной зеленовато-желтой глины, имели толщину 20 см. Верхняя часть сооружения была покрыта такой же плотной глиной (толщина слоя около 20 см), попавшей сюда вследствие развала стенок. По снятии верхнего слоя глины обнаружилось заполнение горна, состоящее из кусков

железного шлака (прослойка яркооранжевого цвета), слоя угля, затем снова железного шлака, лежавшего на слое угля и золы. Стенки и дно горна сильно обожжены.

В землянке № 3 найден железный нож с черенком и слегка искривленной спинкой (на глубине 0,2 м), каменное биконическое пряслице (глубина 0,4 м), железный нож с обломанным черенком и остатками деревянной рукоятки (глубина 0,6 м) и др. (рис. 43). Около горна (на глубине 1,2 м) встречено костяное изделие в виде боченочка, хорошо отполированное, со сквозным отверстием и украшенное с одной стороны одним пояском, с другой — тремя (рис. 44).

Найдено также много обломков керамики, причем фрагменты круговых сосудов встречаются на глубине 0,2—0,4 м; ниже попадает исключительно лепная керамика роменского типа (рис. 45—1—6).

Рис. 44. Селище Лебедка. Костяная поделка из землянки № 3.

Для раскопанных на селище Лебедка сыродутных горнов население несомненно использовало местную болотную руду (бурый железняк), залежи которой хорошо известны в непосредственной близости к самому селищу и в окрестностях его.

Для определения времени, к которому относятся горны, мы пока не располагаем данными, кроме найденных в изобилии фрагментов лепной керамики роменского типа VIII—IX вв.

Аналогичная керамика широко распространена на многих городищах роменского типа в слое, датированном VIII—IX вв.: на Новотроицком городище¹, Шуклинском², Песочный ров, Кветунском, I Горкинском³, Гочевском⁴ и т. д. Такой датировке не противоречит и устройство найденных горнов, аналогичные которым известны на территории Восточной Европы уже с VII—VIII вв. н. э.

Конструкция наиболее хорошо сохранившегося горна № 3 вполне совпадает с реконструированными Б. А. Колчиным⁵ домницами этого времени.

По предварительным данным, вскрытые сооружения можно датировать VIII—IX в. Дальнейшие раскопки на селище Лебедка позволят уточнить эту дату.

В полукилометре к северу от селища, в лесу находится большая группа курганов. Часть их раскопана, как известно, Евсеевым, а затем Ткачевским. Нами раскопано три кургана, в которых обнаружены остатки трупосожжений в глиняных урнах (рис. 45—7, 8).

Можно предположить, что часть курганов (нераскопанных) относится к еще более позднему времени, так как в насыпи одного из них, с трупосожжением, был обнаружен сосуд, сделанный на гончарном круге, аналогичный найденным на селище.

Очевидно, обитатели селища и в XI—XII вв. хоронили своих умерших здесь же в лесу.

¹ Раскопки И. И. Ляпушкина в 1952 г. Городище датируется диргеом IX в (Доклад, прочитанный на Секции Славяно-русской археологии в марте 1953 г.).

² Разведки О. Н. Мельниковской; раскопки автора данной статьи в 1952 г.

³ М. В. Воеводский. Указ. соч.

⁴ Б. А. Рыбаков. Гочевское городище. Коллекции ГИМ.

⁵ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА № 32 1953.

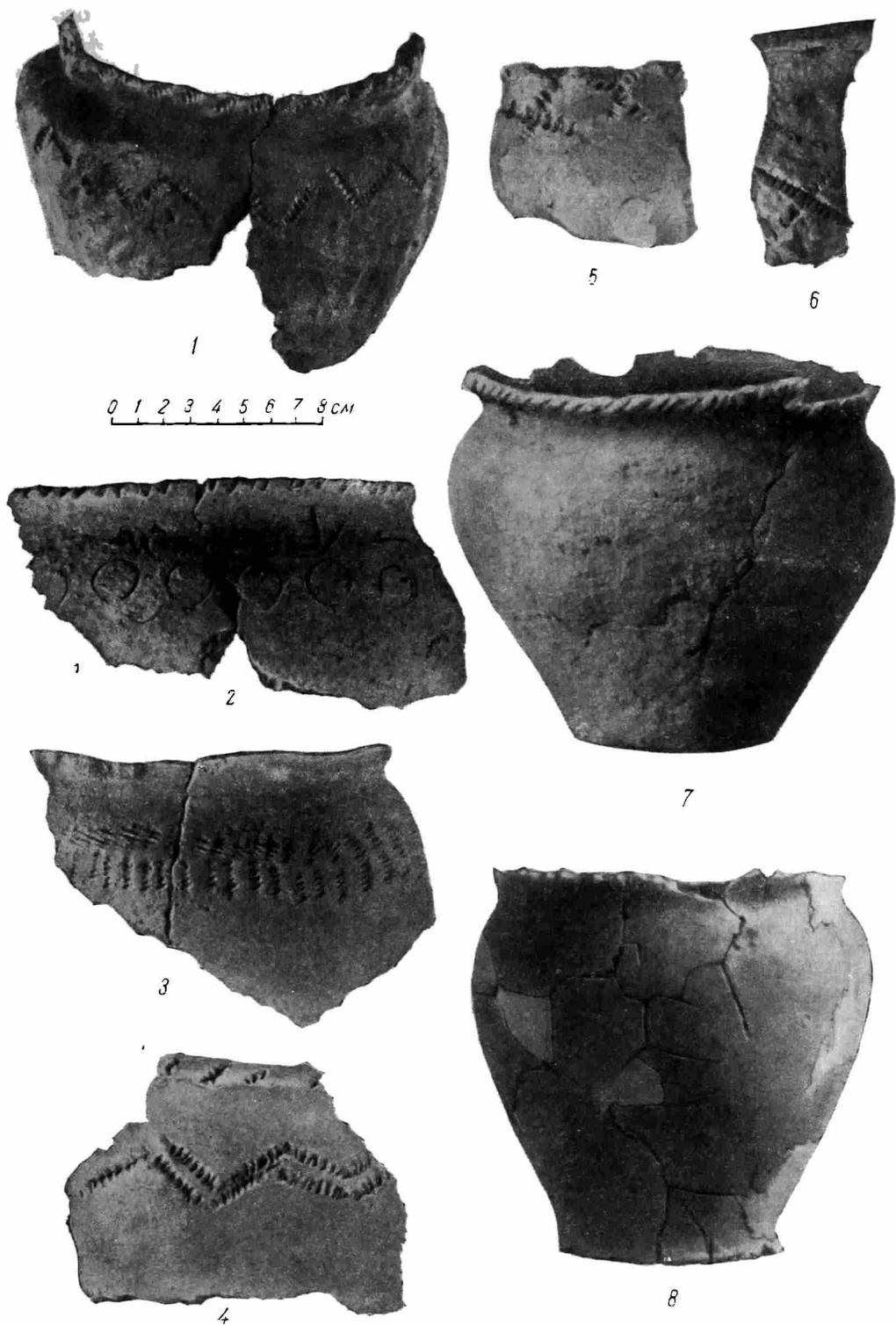

Рис. 45. Керамика с селища Лебедка и глиняные урны из курганов с трупосожжениями у д. Лебедка:

1—6—фрагменты сосудов в землянке № 3; 7, 8—глиняные урны.

Разведки и раскопки в 1951—1952 гг. в Орловской обл. представляют большой интерес для изучения культуры населения Верхне-Окского бассейна, в частности орловского течения Оки.

Изучение материалов, относящихся к I тыс. н. э., убеждает в том, что рассмотренные памятники не входят в группу городищ дьякова типа, а сближаются, скорее, с памятниками деснинской группы. В них прослеживаются черты позднеюхновской культуры, а впоследствии роменской.

Удается уточнить и датировку Спицына: довольно четко намечаются две хронологические группы памятников — начала I тыс. н. э. и конца I тыс. н. э. Менее четко пока прослеживается здесь третья промежуточная группа — поселения середины и третьей четверти I тыс. н. э.¹

Задача последующих работ — изучение на территории Орловской обл. группы памятников, оставленных населением, культура которого является промежуточной между юхновской и роменской культурами.

---

¹ В области калужского течения Оки эта группа хорошо известна по погребальным сооружениям — курганам с трупосожжением типа Шаньково — Почепок (Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1899). В 1953 г. автором данной статьи был раскопан на р. Зуше курган с остатками трупосожжения, аналогичный и одновременный Шаньковским курганам.

В. В. СЕДОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЯЗЫЧЕСКОМ СВАТИЛИЩЕ ПЕРУНА

(По раскопкам Новгородской экспедиции 1952 г.)

Летом 1951 г. в Перыни (около Новгорода) было открыто и в основном исследовано древнерусское языческое святилище Перуна¹. Перынский отряд Новгородской археологической экспедиции в 1952 г. продолжил изучение центральной и начал исследование юго-западной части святилища. Окончание раскопок центральной части святилища в 1952 г. полностью подтвердило реконструкцию, сделанную на основании материалов 1948 и 1951 гг. Неисследованной осталась лишь большая юго-восточная часть кольцеобразного рва, разрушенная при постройке здесь современного здания (рис. 46—I). Раскопки 1952 г., проведенные на наиболее сохранившихся западных и юго-западных участках рва, точнее выявили своеобразное очертание внешней границы этого кольцевидного рва с восемью дугообразными выступами. Дно и склоны его были покрыты темносерой прослойкой, свидетельствующей о задернованности. В центрах дугообразных выступов вскрыты остатки кострищ. В желтопесочном заполнении рва найдены небольшой точильный брусок с отверстием и несколько мелких черепков лепной и сделанной на гончарном круге посуды.

В четырех метрах от юго-западного дугообразного выступа кольцеобразного рва центральной части святилища, на глубине 0,4—0,9 м от дневной поверхности, открыта северо-восточная часть второго, кольцеобразного рва (рис. 46—II). Его центр находится вне раскопа и намечается по довольно правильной окружности — внутренней стороне рва в 4,5—5 м от южной границы раскопа. Вероятно, что центр лежит на прямой, проходящей через то место, где стояла статуя Перуна, и центр юго-западного дугообразного выступа первого кольцевого рва. Диаметр внутренней окружности вновь открытого рва около 23 м. Небольшой отрезок, открытый в 1952 г., не дает еще представления о внешней границе, повидимому, не образующей правильной окружности. Ширина рва колеблется от 7 до 9 м. Вырыт он в материке (бледножелтый с красными прожилками песок).

В отличие от рва центральной части святилища, второй ров не имеет дугообразных выступов по внешней границе, а представляет собой простейшей формы кольцевидную канаву с покатыми стенками. Дно — корытообразное в разрезе; наибольшая глубина 1,6 м, угол наклона стенок в редких случаях превышает 30°. Дно и склоны, так же как у первого рва, были покрыты серой супесчаной прослойкой с редко встречающимися мелкими угольками. В некоторых местах рва обнаружены скопления углей, мелких камней (диаметром 3—5 см) со следами пребывания в огне и мелких

¹ С.м. КСИИМК, вып. L, 1953.

обломков глиняной посуды. По всей вероятности, это остатки кострищ, разбросанных при разрушении святилища. Толщина серой прослойки 3—15 см. Образование этой прослойки, как и соответствующей прослойки центрального кольцевидного рва, относится ко времени существования святилища.

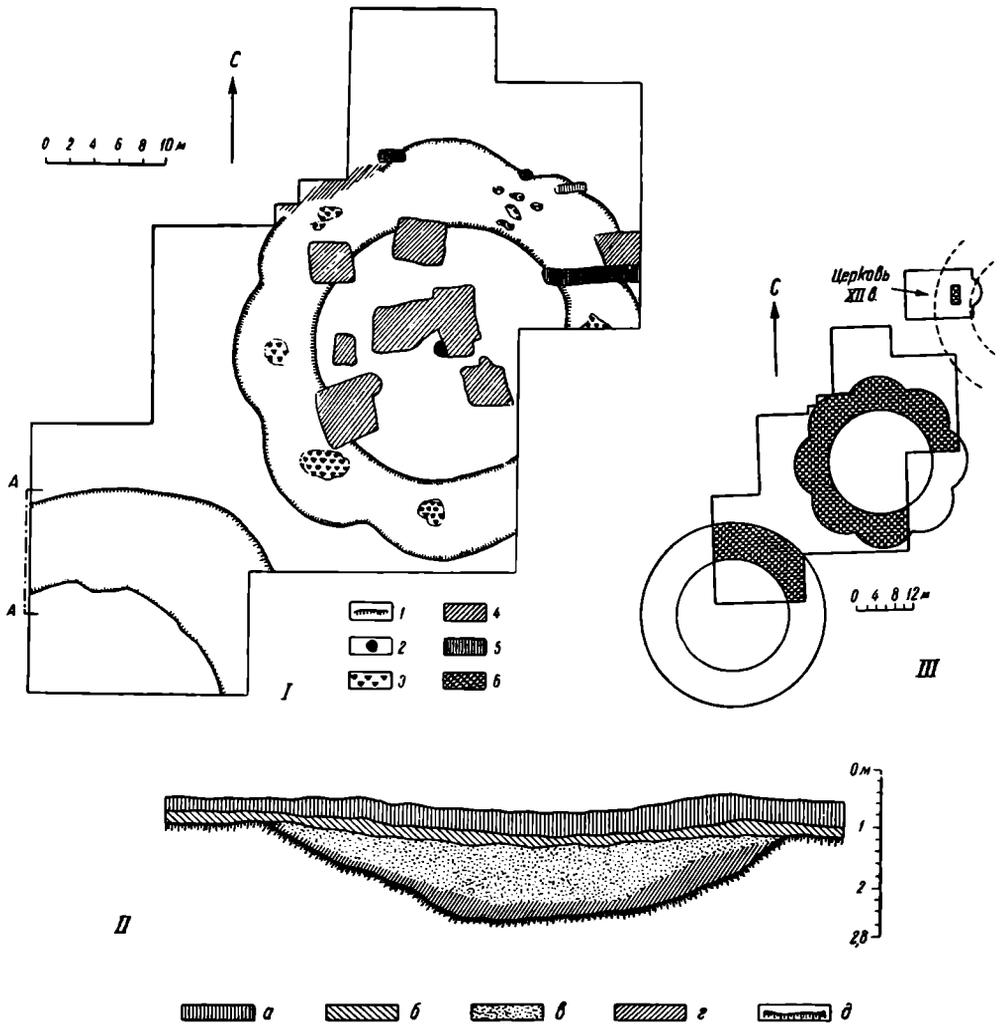

Рис. 46. План остатков и реконструкция святилища Перуна по раскопкам 1948, 1951 и 1952 гг.:

I—план остатков святилища Перуна; II—разрез вновь открытого рва и культурных напластований вдоль западной стенки раскопа 1952 г. (по линии А—А); III—реконструкция плана святилища:

1—границы рвов; 2—остатки ямы от основания статуи Перуна; 3—остатки кострищ; 4—полуземлянки XII—XV вв., нарушившие святилище; 5—поздние нарушения культурного слоя; 6—части рвов, открытые в 1948, 1951, 1952 гг.; а—серый слой (XV—XX вв.); б—грязножелтый слой (XII—XV вв.); в—желто-песчаное заполнение рвов; г—темносерый слой (IX—X вв.); д—материк.

В ней найдено: бронзовое гладкое поясное кольцо, железный нож, по форме сходный с ножами из древнерусских курганов, железный гвоздь и кремневый наконечник стрелы. Обломки керамики, собранные при снятии этой прослойки, настолько малы, что в большинстве случаев не позволяют определить, принадлежат ли они лепным сосудам или сделанным на гончарном круге. Большинство же более или менее крупных черепков относится к лепной неорнаментированной посуде последних столетий перед появлением гончарной керамики. Они довольно толстостенны (7 мм), тесто

содержит значительную примесь дресвы и немного песка. В этой же прослойке встречено и несколько черепков сосудов, изготовленных на круге, один из них орнаментирован волнистой линией.

Ров заполнен чистым бледножелтым и желтым песком, местами встречаются мелкие включения красного цвета, свидетельствующие о примеси материкового песка. Судя по однородности заполнения рва, он был засыпан сразу на всю глубину. Керамический материал во рву почти полностью отсутствует. Найдено всего несколько мелких обломков посуды, сделанной на круге. Из находок здесь обнаружен какой-то полностью окислившийся железный предмет, кусочек шлака и обожженный глиняный шарик. Такие шарики не раз встречены в древних слоях Новгорода, назначение их неизвестно.

Стратиграфическое наблюдение и керамический материал позволяют допустить одновременность существования и засыпки обнаруженных ровов. Оба они (после засыпки) перекрыты грязножелтым (или серовато-желтым) культурным слоем, который, судя по многочисленным находкам в 1951 г., датируется X—XV вв. Время разрушения святилища по летописным сообщениям определяется концом X в. На основании находок обломков лепной керамики в серой прослойке рва, время сооружения святилища следует отнести по крайней мере к IX столетию.

Определять назначение вновь открытого рва и делать какие-либо заключения о его конструкции в целом преждевременно. Вскрыта пока очень небольшая часть его. Однако связь второго рва со святилищем несомненна. При его изучении следует обратить внимание на конструктивное устройство некоторых курганных групп и многочисленные параллели в устройстве центральной части святилища с курганной архитектурой языческих славян, о чем говорилось в отчете о раскопках в Перыни в 1951 г.¹

Например, курганная группа около Радощковичей (б. Виленской губ.) состояла из 70 круглых в плане насыпей; каждая была окружена правильным кольцеобразным ровом. Три четверти могильника делились на три довольно правильные группы. В центре каждой из них большой курган, окруженный кольцом меньших курганов (в северной четверти могильника такой правильности не наблюдалось)². В 3 км от большого Гнездовского могильника находилась курганная группа, состоящая из десяти насыпей. Девять из них, высотой до 2,1 м, были расположены кольцеобразно вокруг центрального кургана высотой в 4,2 м.

Аналогичное размещение наблюдалось в устройстве курганной группы около д. Гретько (Себежского уезда б. Витебской губ.)³ и в других местах.

Центральный курган в таких могильниках, очевидно, принадлежал старшему члену патриархально-семейной общины, может быть, ее основателю; вокруг располагались могильные памятники прочих членов общины.

Ибн-Фадлан в описании языческого святилища руссов на Волге отмечает, что вокруг главного идола, стоявшего в центре святилища, располагались по кругу изображения второстепенных богов⁴. Учитывая сказанное, вполне закономерно предположить, что подобное устройство было и в Перыньском святилище. Вокруг статуи Перуна — главного бога славян-

¹ В. В. Седов. Указ. соч. По мнению Н. И. Брунова, некоторые черты курганной архитектуры языческого периода древней Руси даже проникают в архитектуру городов Киевской Руси. (Доклады по истории архитектуры в научных учреждениях Москвы. Сообщения кабинета теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР, вып. 3, М., 1943, стр. 38).

² Ф. В. Покровский. Археологические экскурсии по Виленской губернии. Вильна 1893, стр. 44—45.

³ Архив ИИМК, д. ГАИМК, № 135, 1928, стр. 11.

⁴ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 95—96.

язычников, стоявшей в центре холма, были поставлены изображения других языческих богов. В отличие от святилища, описанного Ибн-Фадланом, каждая статуя языческого бога в Перыни имела свой пьедестал — круг, обнесенный кольцеобразным рвом, по типу отмеченных выше курганных групп (рис. 46—III). Часть одного из таких рвов и открыта раскопками 1952 г. Это предположение казалось бы преждевременным, если бы в

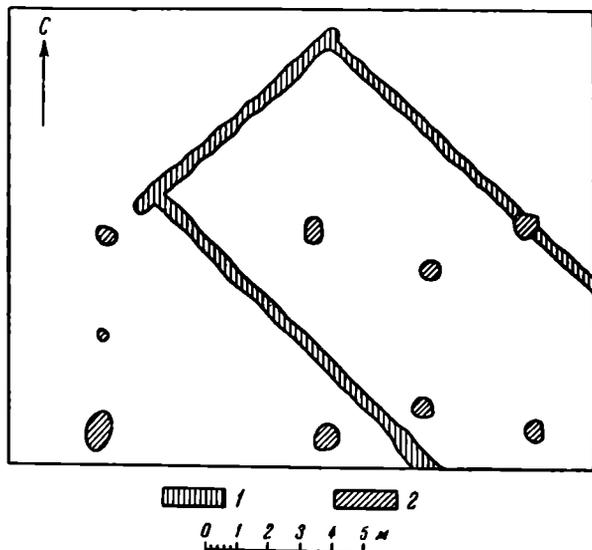

Рис. 47. План остатков деревянных сооружений XII—XV вв. в южной части раскопа 1952 г.
1—следы сооружения № 1; 2—следы сооружения № 2.

раскопе 1948 г. внутри церкви Рождества богородицы нижние горизонты культурного слоя, относящегося также к IX—X вв., не были аналогичны с заполнением вновь открытого рва¹. Культурный слой около церкви (северная часть раскопа 1951 г.), нижние горизонты которого относятся к XI—XII вв., значительно отличается от наслоений в раскопе внутри церкви. Можно предполагать, что раскопом 1948 г. также вскрыта часть одного из кольцевидных рвов. Дальнейшие раскопки в Перыни должны окончательно выяснить устройство этого интереснейшего памятника языческой религии древней Руси.

Слой XI—XV вв., хорошо изученный в 1951 г. благодаря большому количеству вещевым материалом и открытию в нем 15 полуземляночных жилищ, в раскопе 1952 г. оказался весьма бедным. В его южной части прослежены остатки 2-х больших наземных деревянных сооружений. В сухом песчаном слое Перыни дерево не сохраняется, его остатки прослеживаются в виде сероватых пятен, полос и заполнений ям от вертикальных столбов. Остатками постройки № 1 являются три длинные узкие канавки с темно-серым заполнением, в плане образующие четырехугольную фигуру, юго-восточная сторона которой находится вне раскопа (рис. 47). Ширина канавок 0,25—0,3 м, глубина от 12—15 до 30—35 см, а в отдельных местах до 0,5 м. Общие размеры постройки около 8 м с юго-запада на северо-восток и свыше 14 м с северо-запада на юго-восток. Повидимому, это было легкое сооружение с плетневыми стенами, может быть без крыши, так как остатков опорных столбов для нее не обнаружено.

Остатки второй постройки представлены ямами от толстых вертикальных столбов, расположенных по ее сторонам. Стратиграфически она позже первой. Ее размеры 12,8 × 6,4 м. Диаметр ям 0,65—0,85 м, глубина 0,4—0,8 м, форма близка к цилиндрической. Заполнение состоит из неравномерно окрашенного сероватого слоя. Такие же ямы от столбов, несколько меньшего диаметра, обнаружены в середине восточной половины постройки. Повидимому, это остатки большого навеса (стульями под срубы в Новгородской земле обычно служат валуны). С обеими постройками связаны немногочисленные обломки древнерусской круговой керамики и несколько железных гвоздей.

¹ А. В. Арциховский. Раскопки в Новгороде. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 9; Отчет о раскопках в архиве КПИ ИИМК за 1948 г.

А. Л. ЯКОБСОН

РАЗВЕДОЧНЫЕ РАСКОПКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ
ГОРЗУВИТЫ*(близ Гурзуфа)*

Проблема средневековой культуры в Таврике, решение которой связано главным образом с исследованием поселений, находится еще и теперь на начальных ступенях разработки. Если исключить Херсонес и три начатых раскопками городища (Мангуп и Эски-Кермен близ Херсонеса и в восточной части полуострова, у с. Планерского), то все остальные поселения, особенно в восточном Крыму, почти не затронуты изучением. Не привлечены к исследованию и средневековые поселения на Боспоре.

Между тем несомненно, что южное побережье Таврики в средние века было сравнительно густо заселено. Об этом свидетельствует не только сообщение Прокопия (VI в.), называющего два важных пункта — Алустон и Горзувиты, но и более поздние сообщения, среди которых выделяется подорожник Идриси (1153 г.), где упомянут ряд городов и поселков на побережье: Джалита, Гарзуна (Гурзуф), Бертабиты (вероятно, Партенит), Лебада (Ламбат), Шалуста (Алушта), Шалатия (Судак), Бутра и др.¹

Вряд ли можно сомневаться в том, что Идриси передает сведения, относящиеся еще к предшествующему времени, вероятно к IX—X вв. О месте большинства из упомянутых им поселений можно судить лишь по нынешней топонимике, и только два из них были затронуты раскопками (в Партените раскопан храм, в Алуште лет 70 назад велись небольшие и, в сущности, случайные раскопки). Научно поставленные раскопки ведутся (с 1949 г.) только на поселении у с. Планерского, древнее название которого не известно.

Между тем очевидно, что без систематических раскопок поселений культура средневековой Таврики останется непонятой. Об этой культуре до сих пор судят преимущественно по Херсонесу, который (по крайней мере в раннесредневековый период) в сильной степени подвергался влиянию Византии.

Такой яркий материал, как предметы украшения из могильников Сууксу, Фулл (близ Чуфут-кале) и самого Боспора, ясно указывает, что по своей культуре остальная Таврика в раннесредневековый период очень существенно отличалась от тогдашнего Херсонеса, переоценка культурной роли которого неминуемо ведет к искажению общей исторической картины.

К такому же заключению приводит и анализ керамики из средневековых поселений восточной Таврики (Тиритаки, Илурата, Планерское и др.);

¹ Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 18—19.

он позволяет установить близость керамического материала из Таврики с керамикой так называемой салтово-маяцкой культуры, область распространения которой охватывала, повидимому, и Таврический полуостров.

Среди известных в Крыму средневековых поселений одним из наиболее крупных и важных очагов своеобразной и относительно высокой местной культуры являлись, несомненно, Горзувиты. О значительных размерах этого поселения свидетельствует большой могильник (раскапывавшийся в 1903—1906 гг.) и факт постройки здесь византийскими правителями в VI в. крепости: как известно, такие крепости создавались ими в наиболее крупных и стратегически важных поселениях местных племен. Горзувиты занимали, повидимому, территорию около 100 000 м² (не считая ныне застроенных участков). Здесь прослеживаются остатки древних построек в виде многочисленных скоплений бутового камня, разбросанных на площади от современной ограды Артека № 2 вплоть до скалы с генуэзской крепостью. Скопления битого камня, обозначая скрытые под ними древние постройки, сопровождаются массой обломков кровельных черепиц, типичных для IX—X вв.

Более или менее пологие склоны окружающих возвышенностей занимал, повидимому, обширный могильник. Часть его, расположенную на южном склоне Лысого бугра, раскапывал Н. И. Репников. Как показали наши разведки, могильник продолжался и далее к западу, в сторону нынешнего Гурзуфа.

Вся эта территория частично застроена, частично представляет собой пустырь площадью около 80 тыс. м². В результате длительной распашки и различных земляных работ на территории поселения и могильника разрушено много древних построек и могильных сооружений. Несмотря на это, сохранилось еще много мест, где средневековый слой, повидимому, не нарушен.

Поселение Горзувиты никогда еще не изучалось; поэтому в первую очередь следовало произвести разведки путем небольших раскопок. Это предопределило задачи работ 1951 г., носивших ограниченный и преимущественно разведочный характер¹.

Основные работы велись в 30 и 50 м к северу от усадьбы б. дачи Гурова, ниже шоссе от Гурзуфа к Медведь-горе. Здесь на месте слежавшегося древнего завала камней, образовавшего небольшое всхолмление, были заложены два раскопа в 250 м², на расстоянии 20 м друг от друга.

Нижний раскоп I (около 150 м²) расположен на небольшой площадке над довольно крутым склоном, обращенным к югу. Культурные напластования здесь достигают 0,9 м и состоят в основном из двух слоев: верхнего, 0,4—0,5 м, серого гумусированного и нижнего 0,3—0,4 м, представляющего желтоватую глину.

Из находок в верхнем слое наиболее характерны черепицы, типичные для IX—X вв., встречавшиеся в очень большом количестве². У северной стены открытой здесь постройки найдены черепичные плитки прямоугольной формы, шириной 9—10,5, длиной 18—20,5 см, толщиной 1,5—2 см. Кирпично-красный цвет и пористость черепка совершенно такая же, как и у черепиц IX—X вв. Одна из сторон плиток тщательно сглажена. Такие же плитки найдены и на участке раскопа II и также в верхнем слое (см. ниже). Назначение их осталось невыясненным; среди доступного мате-

¹ Работы продолжались 25 дней и велись коллективом, состоящим из старших научных сотрудников ИИМК А. Л. Яковсона и М. А. Тихановой и сотрудника Музея пещерных городов в Бахчисарае Я. А. Дубинского. Большую организационную помощь оказал нам Ялтинский краеведческий музей в лице директора Е. А. Воронцова.

² На площади в 150 м² найдено более 3000 фрагментов черепиц, на некоторых имеются рельефные ремесленные метки (см. рис. 52).

риала из поселений Крыма они не известны. Сглаженность лицевой поверхности указывает, что эти плитки применялись для вымосток, но не для выравнивания кладки стен или в перекрытии. Бытовой керамики в верхнем культурном слое очень мало, что связано, очевидно, с культовым, а не жилым назначением находившейся здесь постройки. В верхнем слое встречены обломки высокогорлых кувшинов с плоскими ручками (рис. 48—1), верхняя часть небольшой амфоры типа салтовских (рис. 48—5), нижняя часть пифоса с маленьким днищем, обычным у пифосов IX—X вв.

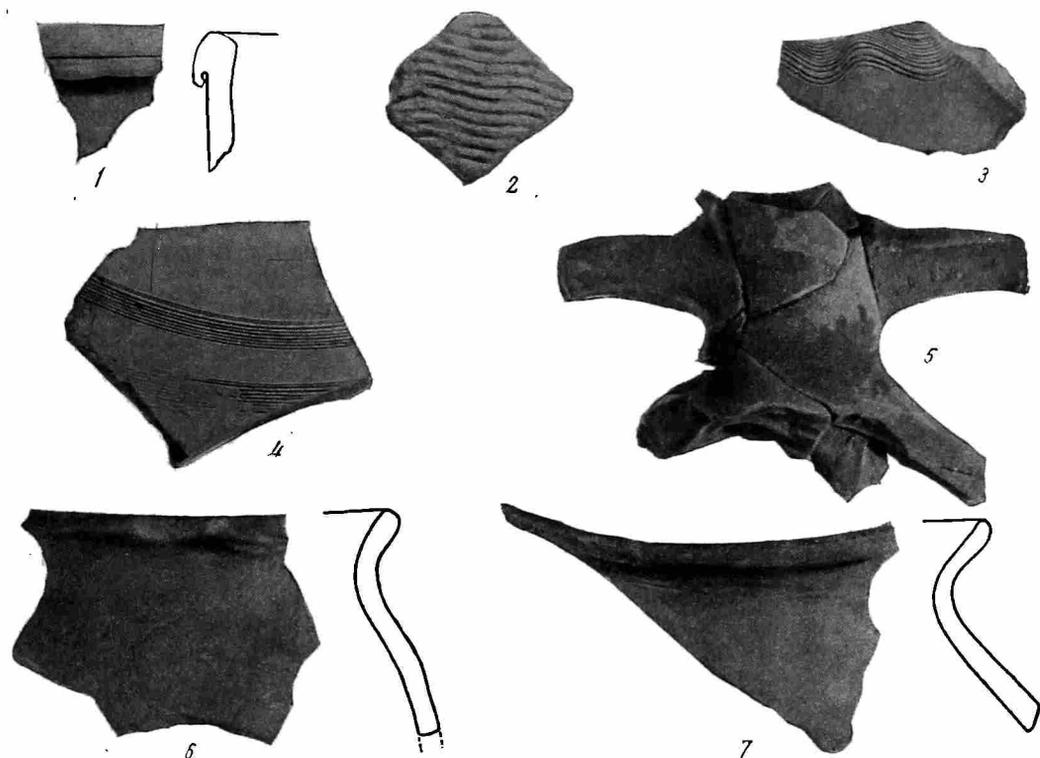

Рис. 48. Керамика из раскопа I:

1—обломок венчика сосуда типа кувшинов с плоскими ручками; 2—обломок амфоры с глубоким и частым рифлением; 3—обломок сосуда с орнаментом в виде волн; 4— обломок сосуда с зонами мелкого рифления; 5— верхняя часть амфоры; 6, 7— фрагменты сероглиняных горшков.

Нижний слой насыщен гораздо слабее. В нем найдены также главным образом черепицы, но светлокрасные или оранжевые, со специфическим профилем бортика, характерным для раннего средневековья. Бытовой керамики встречено еще меньше, чем в верхнем слое, и исключительно в виде мелких черепков, преимущественно светлокрасного цвета. Характерен обломок амфоры с типичным для V—VI вв. глубоким и частым рифлением (рис. 48—2)¹, другой обломок светлокрасного сосуда украшен зонами мелкого рифления (рис. 48—4), наблюдающимися на некоторых салтовских амфорах²; встречены черепки от лепных горшков бурого цвета (рис. 48—7). Этот материал и прежде всего масса черепицы позволяют ориентировочно датировать нижний слой VI—VII вв., может быть отчасти VIII в., верхний — IX—X вв. Важно подчеркнуть, что ничего более позднего здесь, как и на раскопе II, найдено не было, за исключением несколь-

¹ См. СА, XV, стр. 327, рис. 3—10.

² См. СА, XV, стр. 331, рис. 4—20.

ких мелких обломков поливной чаши XIV в. и золотоордынской монеты начала XIV в.

Поселение, повидимому, позже X в. уже не существовало, что подтверждается и данными раскопок могильника, произведенных Н. И. Репниковым.

На площади раскопа I открыты нижние части стен двух небольших храмов, из которых более поздний основан был на развалинах нижнего, более древнего (рис. 49—1). Поздний храм стратиграфически связывается с верхним культурным слоем, а более древний — с нижним, что позволяет и датировать храмы в соответствии с хронологией слоев¹.

Первоначальный храм был сооружен в виде прямоугольного в плане помещения с полукруглой апсидой (рис. 50). Сохранился лишь его фундамент толщиной 0,8 м (в апсиде 0,65 м), сложенный на глине из крупного неотесанного камня, нижние части северной стены, большая часть западной и северная часть полукруглой апсиды. Северо-восточный угол храма выложен из тесаного камня, как, вероятно, были выложены и другие конструктивно важные элементы постройки. Общие размеры ее (по наружному контуру) 8,0 × 4,8 м; ориентирована она на северо-восток.

Более поздний храм, судя по найденным черепицам, можно отнести к IX—X вв. (не позже). Размер его по наружному контуру 5,2 × 3,6 м. По плану этот храм в основном повторяет план первоначального, причем северная стена была построена впритык к северной стене древнего храма, которая к моменту возведения новой постройки сохранилась, вероятно, на большую высоту. Вход находился в южном конце западной стены. Стены постройки сложены более или менее выдержанными рядами из некрупного камня с подтеской лицевой поверхности. Местами для выравнивания кладки, сделанной на известковом растворе, использовались куски черепиц. Поверхность стен была оштукатурена и, возможно, расписана фресками. При расчистке западной стены была найдена монета хана Узбека (1312—1340).

С северной и южной сторон к храму симметрично примыкают две гробницы, обложенные хорошо тесаными толстыми плитами правильной формы². В северной гробнице (№ 1; рис. 49—2) оказалось несколько костяков, расположенных один над другим. Все костяки были повреждены. На груди одного из них найдены бронзовые пуговицы в виде полых шариков с петлей, а в изголовье — провололочные подвески и бронзовые височные кольца. У правого плеча одного из костяков лежала раздавленная лепная красноглиняная чаша с горизонтальными ручками-держалками. Вещи эти относятся, несомненно, к погребениям, одновременным храму, и могут быть датированы IX—X вв. Позднее гробницу использовали для повторных погребений и превратили ее в костницу.

В натечной земле, под упавшими в гробницу камнями, найден обломок красноглиняной чаши, покрытой зеленой поливой и относящейся к XIV в.

В гробнице № 2 (южной) обнаружены нижние части двух костяков, обломки костей грудной клетки и трех совершенно разрушенных черепов. Вещей не было; только в натечной земле здесь также найдены мелкие фрагменты красноглиняной чаши, покрытой зеленой поливой, аналогичной найденной в гробнице № 1.

Перед входом в храм была, вероятно, еще одна гробница, при сооружении которой разрушен отрезок фундамента первоначального здания. Могила была обложена мелким рваным камнем. Кроме нескольких разрозненных костей и мелких обломков керамики, в ней ничего не оказалось.

¹ Аналогичная небольшая церковь среди могильника, относящаяся, вероятно, к тем же IX—X вв. и также построенная на развалинах более древней, была открыта в 1905 г. на холме в пределах ограды Артека № 2 (см. ЗООИД, XXVII, стр. 122).

² Гробницы на раскопках I и II исследованы М. А. Тихановой.

1

2

Рис. 49. Раскоп I. Общий вид храма с восточной стороны (1) и гробница № 1 (2)

Находки керамики XIV в. в гробницах № 1 и 2, а также монета хана Узбека указывают, что в то время по соседству существовал поселок, связанный, вероятно, с генуэзской крепостью. Храм тогда, возможно, не был еще разрушен и функционировал.

Раскопки выяснили также, что первоначальная церковь была построена на месте, повидимому, одновременного ей могильника, на что указывают остатки нескольких погребений, залегающих в нижнем культурном слое. Одно из них — детское, потревоженное. Костяк ориентирован на юго-запад и лежит на спине, ноги скрещены. Сохранились следы деревянного гроба. При костяке найдены три мозаичные бусины. Другое погребение, взрослого, почти разрушенное, было открыто в том же нижнем слое; остатки дерева указывают на то, что погребение было совершено также в деревянном гробу; ориентировано оно на юго-запад.

Предположение о наличии в этом районе сплошного раннесредневекового могильника полностью подтвердил второй раскоп (рис. 51), заложенный несколько выше первого, в 20 м к западу от него.

Здесь, на площади в 100 м², в нижнем культурном слое, на глубине 1,0—1,5 м, открыто десять погребений. По устройству могильных сооружений их можно разделить на две группы. Первую составляют четыре погребения (№ 1, 5, 6, 10), обложенные рваным камнем. Костяки лежали в вытянутом положении на спине, руки сложены на тазу; ориентировка — головой на юго-запад. Другие три погребения совершены в гробницах (№ 2, 3, 4), сложенных из тщательно отесанных плит, образующих стенки и перекрытых большими плитами; в гробницах № 2 и 4 размер плит 1,1—1,2 × 0,7 м. Эти гробницы составляют вторую группу. Сюда же следует включить две детские могилы (№ 7 и 8), обложенные черепицей.

Погребения первой группы лежали на слое желтой глины или были впущены в слой сланцевого щебня, который выступал в восточной части раскопа в виде невысокого холма. Погребения второй группы (в гробницах из штучных плит) устроены в материковой глине и выступают в перекрывающем ее слое желтой глины.

Все могилы сильно разрушены и вещей не содержали. Кроме того, в нескольких пунктах раскопа II в том же слое залежали остатки и других подобных погребений, но еще более разрушенных, так что от них сохранились лишь разрозненные части костяков.

Сильная разрушенность могил той и другой группы и отсутствие вещей очень затрудняют датировку погребений. Вероятнее всего, что обе группы приблизительно одновременны; об этом свидетельствуют примерно одинаковая глубина залегания, одинаковые ориентация и обряд погребения, отсутствие деревянных гробовищ. Синхронность их косвенно подтверждает и материал раскопок Н. И. Репникова на Лысом бугре, где гробницы, обложенные рваным камнем (дикарем) и штучными плитами, в равной мере характерны для верхнего слоя могильника¹.

Хронологически обе группы гробниц раскопа II, несомненно, соответствуют каменным гробницам верхнего слоя могильника на южном склоне Лысого бугра, т. е. относятся к VIII—IX вв., но не позднее, так как на рубеже IX—X вв. или в начале X в. на месте этих погребений была возведена постройка. Такую дату подтверждают и совершенно однородные гробницы из тесаных плит, примыкающие к храму на участке раскопа I.

Что касается упомянутых детских погребений № 7, 8, обложенных черепицей, то они следуют тому же обряду захоронения и несомненно одновременны друг другу. Это доказывается, в частности, тем, что обе могилы были покрыты кусками одной и той же плиты, а в обкладке использованы куски

¹ См. ИАК, вып. 19, гробницы № 4, 25, 48, 53 (стр. 69, рис. 26, 28, 29, 31).

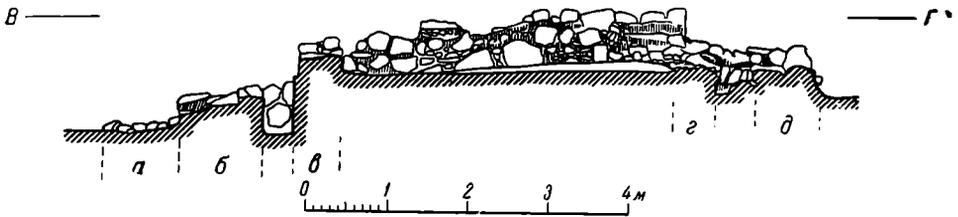
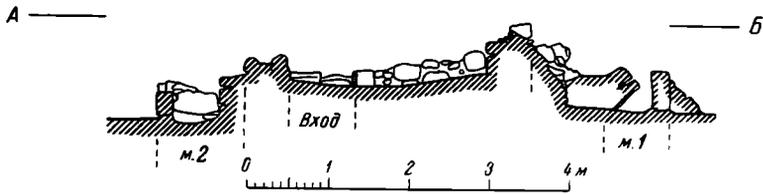
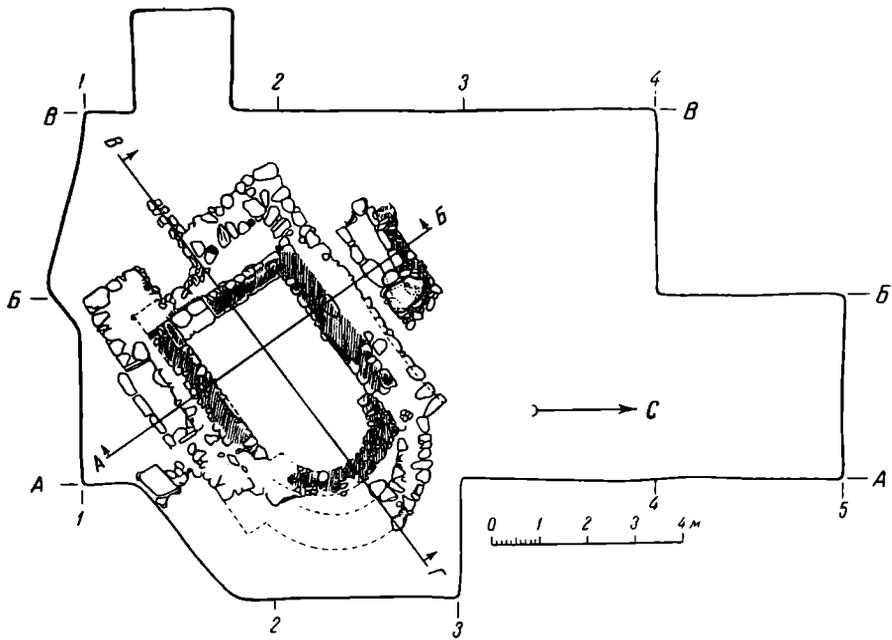

Рис 50. План и разрез храма (раскоп I):

а—могила; б—западная стена первоначального храма; в—западная стена храма IX—X вв.; г—апсида храма IX—X вв.; д—апсида первоначального храма; м.1—погребения.

одной и той же черепицы, большей частью типа IX—X вв., хотя встречены и куски раннесредневековой. Вещей здесь также не оказалось. Судя по типу черепиц и стратиграфии детских могил, они относятся к тому же времени, что и могилы, обложенные рваным камнем и тесаными плитами.

В первой группе, в погребении № 5, обращает внимание то обстоятельство, что костяк как бы разорван и растянут в длину на 3,25 м, раздвинуты и камни обкладки. Однако положение костяка вполне правильное, сохранились и правильно залегают фаланги ног; но вместе с тем позвоночник изогнут и вдавился. Все это приводит к предположению, что разрывы произошли в результате каких-то смещений почвы, вероятнее всего землетрясения.

Теми же причинами можно объяснить и сильную разрушенность гробниц из тесаных плит (№ 2, 3, 4): плиты накренились, перекрытие большей частью обвалилось; в погребении № 2 плита перекрытия встала почти вертикально. Характерно, что эта гробница была превращена в костницу: в ней оказалось пять костяков, что, кстати сказать, обычно наблюдалось в такого рода захоронениях верхнего слоя могильника Суук-су¹. В гробнице № 3, кроме костяка взрослого, находился и детский (очень плохо сохранившийся). Обкладка из узких плит местного туфа² гробницы № 2 и, особенно, № 4 сближает последние с каменными гробницами верхнего слоя того же могильника³.

К более раннему времени, вероятно, относится лишь одна могила (№ 9), залегающая под детским захоронением № 7 и также сильно разрушенная. Судя по тому, что она не каменная, а грунтовая и что погребение совершено в деревянном гробу (следы которого были видны), она близка по типу к погребениям нижнего слоя Суук-су. Исходя из этого, ее следует отнести к предшествующему раннесредневековому периоду.

Таким образом, на основании материалов из раскопов I и II можно утверждать, что район могильника Горзувит не ограничивался Лысым бугром и холмом в пределах усадьбы Артека № 2, но продолжался и далее к западу, охватывая, следовательно, значительно большую территорию, чем предполагалось раньше.

При раскопках слоя с погребениями на участке раскопа II добыты материалы, указывающие и на другой, исторически важный факт: между гробницами № 3 и 4 и на подошве слоя, красноватой глины, налегающей на зеленоватую материковую глину, найдено семь обломков лепной керамики, типичной для кизилкобинской культуры. Из них один с орнаментом в виде вертикально расположенных параллельных зигзагов, выполненных наколом, два другие — лощеные. Некоторые из обломков слегка окатаны и попали сюда из какой-то прибрежной местности, но вряд ли сильно удаленной. находка кизилкобинской керамики свидетельствует, что на ближайшей территории существовало поселение еще во II тыс. до н. э. Иначе говоря, в эпоху бронзы и раннего железа эта территория была уже заселена.

Все погребения на площади раскопа II были разрушены еще в древности, возможно, в результате землетрясения, а затем в X в., т. е. лет через 100—150 после того как на могильнике прекратились захоронения, на месте его, как выяснилось в ходе наших раскопок, были возведены постройки.

Остатки открытых здесь стен не дали целостного комплекса вследствие ограниченного размера раскопа. На наличие постройки указывал мощный

¹ См. ИАК, вып. 19, стр. 33—34.

² а не привозного камня; см. замечание А. Л. Бертъе-Делягарда, ЗООИД, XXVII, стр. 132, прим.

³ ИАК, вып. 19, стр. 69, рис. 24 (гробница № 26); ЗООИД, XXVII, стр. 125, 132 (гробница № 184).

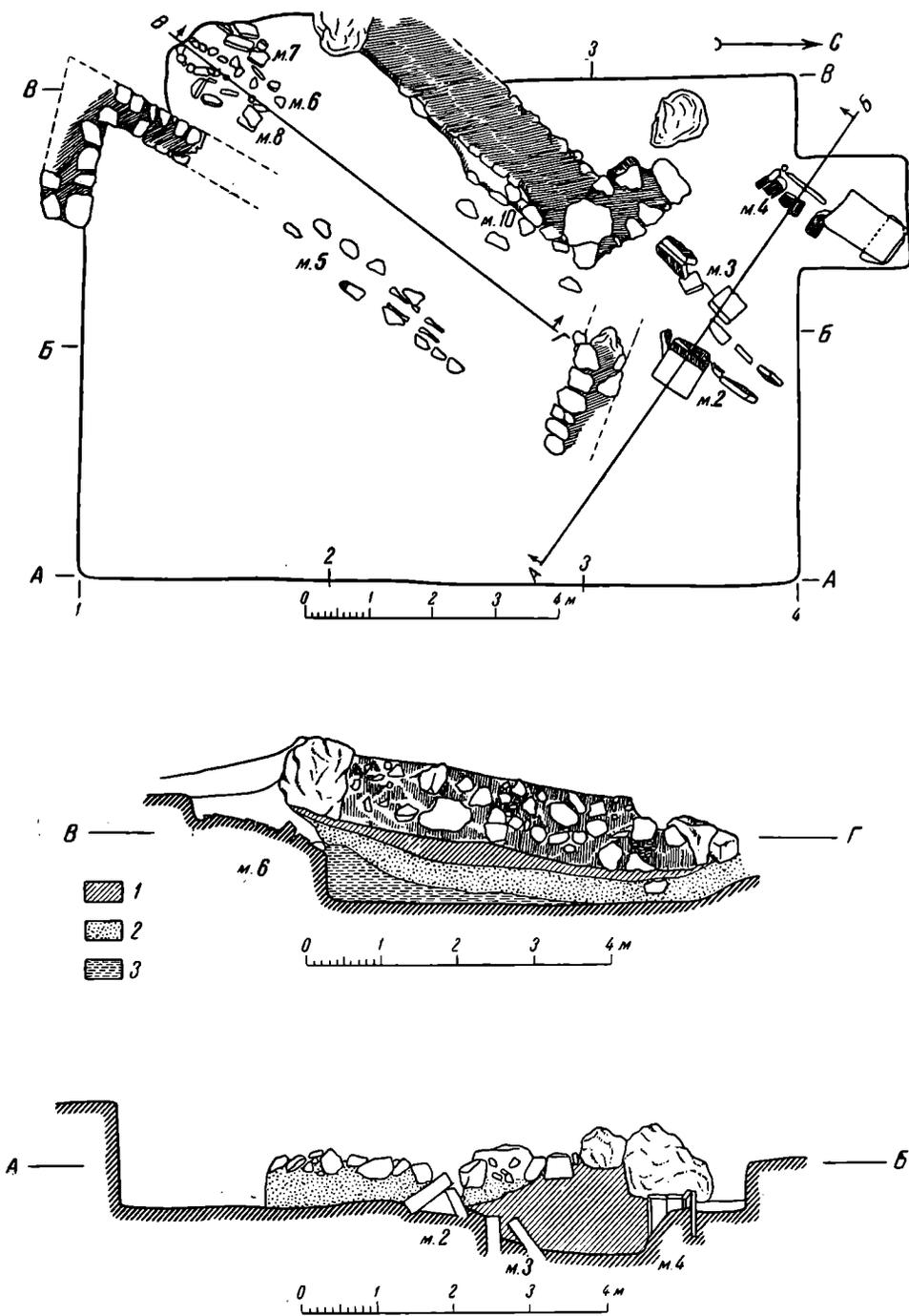

Рис. 51. План и разрез раскопа II:

1—желтая глина; 2—зеленая глина; 3—песок; м. 2—погребения.

завал камня от обрушившихся стен, сопровождавшийся завалом битой черепицы, совершенно однородной по составу и относящейся к IX—X вв. Некоторые черепицы имели ремесленные метки, большей частью буквенные, притом сравнительно высокого рельефа, что характерно для черепицы IX—X вв. (рис. 52).

Открыто несколько стен, ориентированных с юго-запада на северо-восток и перпендикулярно к ним, сложенных из более или менее крупных необработанных камней на глине. Одна из стен (б), толщиной около 1 м, представляет, вероятно, фундамент выше лежащей, толщина которой вряд ли превышала 0,6 м, как об этом можно судить по сохранившейся стене в юго-западном углу раскопа.

Стены основаны на слое желтой глины и связаны с верхним культурным горизонтом, перекрывающим погребения. Дневная поверхность, современная постройке, была ясно выражена в виде уплотненного глинобитного пола, над которым и залегал сплошной завал камня и черепицы. Постройка достаточно определенно датируется IX—X вв. на основании не только кровельной черепицы этого времени¹, но и керамики: обломков амфор салтовского типа, высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, фрагментов синхронной белоглиняной поливной посуды.

Следует подчеркнуть полное отсутствие керамики, типичной именно для X в., например круглодонных амфор с массивными ручками. В связи с этим возникает вопрос, продолжалась ли здесь жизнь позднее IX или рубежа IX и X вв.? Отметим кстати, что аналогичное явление наблюдается и при раскопках на поселении близ с. Планерского, где также не встречается керамика более поздняя, чем IX в.

Открытие на площади раскопа II средневекового могильника, существовавшего здесь, повидимому, до IX в., показывает, что поселение располагалось не здесь, а, вероятно, где-то ниже, в прибрежной части. Позднее, возможно на рубеже IX и X вв., постройки стали возводить уже на месте разрушенного могильника. В этот период, вероятно, и исчезли вещи из погребений, засыпанных с целью нивелировки места под постройку. Этим вполне объясняется мешаный характер засыпи над каменными гробницами № 2, 3 и 4 (т. е. ниже дневной поверхности IX—X вв.) с разнородными по времени находками. Именно здесь были встречены мелкие обломки явно позднеантичной керамики — кувшинов и амфор II—III вв. н. э.², причем большинство черепков в той или иной степени было окатано, т. е. попало сюда вместе с землей откуда-то с берега.

Эти находки, происходящие из прибрежного культурного слоя, во-первых, свидетельствуют о существовании здесь поселения с первых веков н. э., по крайней мере со II—III вв., во-вторых, косвенно подтверждают, что поселение было сосредоточено в прибрежной полосе. В связи со сказанным становятся понятными и находки монет II и IV вв. в двух погребениях, раскопанных Н. И. Репниковым на холме в пределах ограды Артека № 2³, хотя инвентарь их был обычен для гробниц нижнего слоя могильника, т. е. VI—VII вв.

Остановимся на остальных находках. В верхнем культурном горизонте, над полом построек около стены (б), среди завала камня и черепицы, т. е. в слое, синхронном открытым стенам, найдены обломки алебастровых плиток (шириной 5,2 см) со штампованным орнаментом в виде рельефных полос (возможно, образовавших плетенку). Нижняя сторона плиток гладкая, надо думать, что они были связаны с внутренним убранством постройки и составляли, вероятно, тягу, украшавшую наличник окна или ниши.

¹ На площади небольшого раскопа II было найдено более 3100 фрагментов черепиц.

² По датировке Т. Н. Книпович.

³ ЗООИД, XXVII, стр. 112 (склеп № 131) и 120 (погребение № 166).

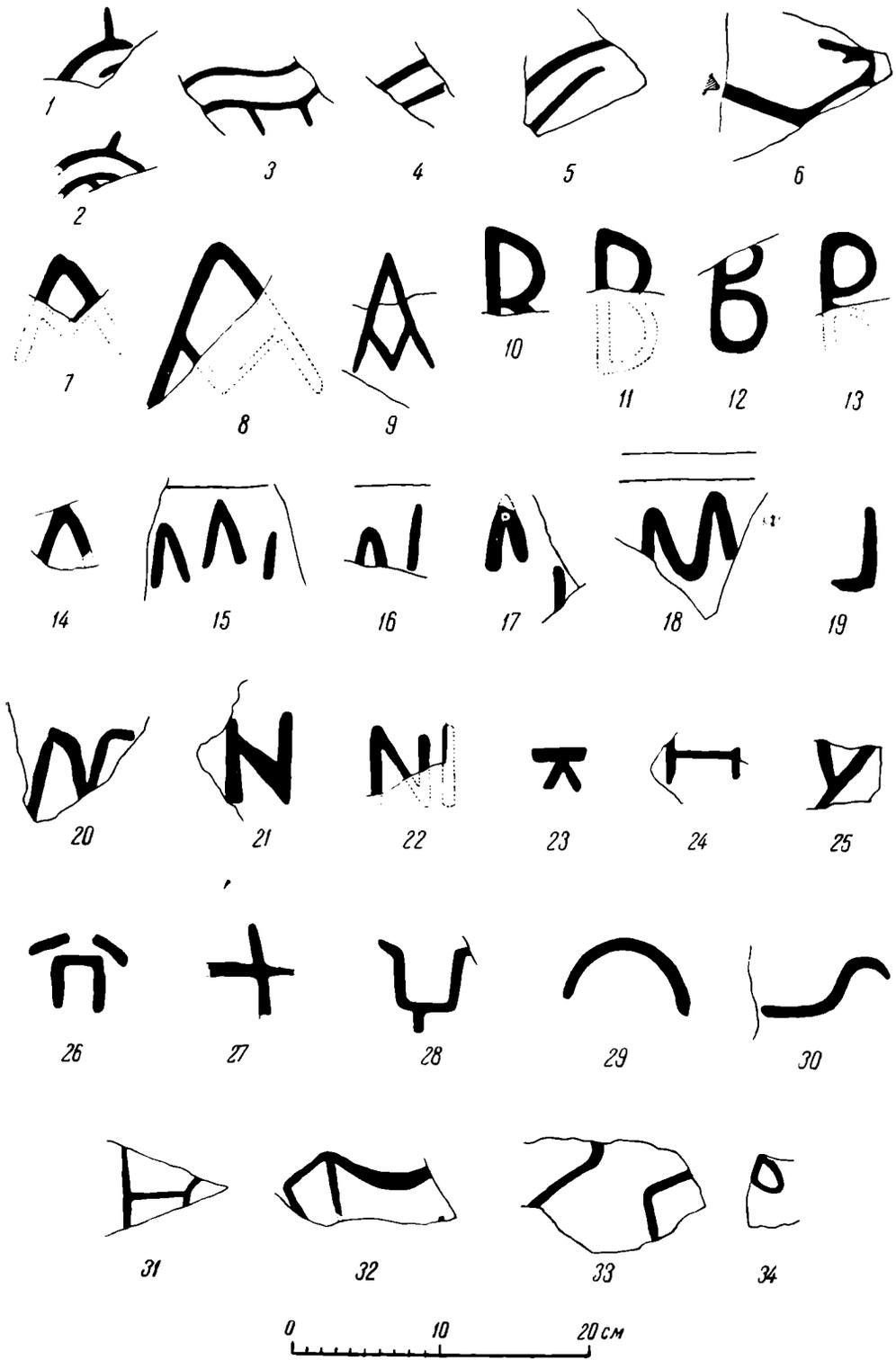

Рис. 52. Ремесленные рельефные метки на черепицах из раскопов I и II.

В том же слое обнаружены небольшие черепичные плитки, шириной 9 и 10,6 см, длиной 18—20 см при толщине 1,5—2 см, совершенно аналогичные найденным на участке раскопа I (см. выше). Встречались также кованые железные гвозди, найден венчик большого пифоса, обломки кувшинов с плоскими ручками, куски плоского оконного стекла. А наряду с этим материалом встречен и обломок раннесредневековой амфоры с глубоким и частым рифлением, типичным для V—VI вв. Ниже пола постройки слой оказался в сильной степени перемешанным. Черепица почти отсутствовала. В этом слое, преимущественно между каменными гробницами, а также с юго-восточной стороны стены (б) и были найдены обломки позднеантичной посуды, кувшина с плоскими ручками типа IX—X вв., фрагмент ручки салтовской амфоры. Здесь же обнаружена верхняя часть диоритового топора, относящегося к кизилкобинской культуре.

Как ни отрывочен этот материал, все же он в основном достаточно ясно увязывается со строительной стратиграфией на площади раскопа.

В итоге разведочных раскопок Горзувиты 1951 г. выяснилось:

1) На территории между Гурзуфом и Артек № 2 существовало поселение, возникновение которого следует отнести еще ко II—III вв. н. э. (на что указывают находки керамики этого времени). В V—VI вв. оно, судя по могильнику, разрослось; в X в. (или на рубеже IX и X вв.) жизнь на нем прекратилась. Частично поселение возродилось в XIV в.

2) Раскопанный в 1900-х годах обширный раннесредневековый могильник, занимавший южный склон Лысого бугра, простирался далее на запад. В результате наших разведок открыт новый район могильника Горзувит. В последующее время, но не позднее X в., могильник частично (по крайней мере на площади наших раскопок) был разрушен, площадь сnivelирована и начала застраиваться. Поселение же располагалось, очевидно, ниже, в прибрежной части.

3) Установлен характер стратиграфии и определена мощность культурного слоя (в среднем до 1,5 м).

4) В основных чертах выяснен состав керамического комплекса.

5) Находки керамики и диоритовых топоров, типичных для кизилкобинской культуры, указывают на то, что поселение Горзувиты обосновалось на издавна обжитом месте.

Таковы результаты нашей небольшой разведки. Значение работ в том, что они дают ориентировку для будущих развернутых археологических исследований. Намечен новый район обширного могильника Горзувит, косвенно определены начало и конец жизни на поселении, которое, так же как и могильник, прекратило существование приблизительно в начале X в. Напомним, что то же самое наблюдается и на большом поселении близ с. Планерского. Это наводит на мысль о какой-то общей причине гибели. Вспомним и средневековые поселения в юго-западном нагорье Крыма (Мангуп и Эски-кермен), жизнь которых прервалась, повидимому, в тот же период и возобновилась лишь два-три века спустя. Вся совокупность того, что известно нам по истории Таврики IX—X вв., приводит к предположению о разгроме поселений печенегами. Другие причины гибели их, исходя из наличных фактов, вряд ли можно указать.

Горзувиты — один из центров коренного местного населения в эпоху раннего средневековья. Только путем планомерных раскопок его после произведенных разведок, как и раскопок других аналогичных поселений, можно будет приблизить решение общей задачи — воссоздать историю народностей, населявших Таврику в средние века, раскрыть связи их с носителями салтово-маяцкой культуры и таким образом связать, наконец, историю средневекового Крыма с историей лесостепного юго-востока нашей родины — территорией расселения восточных славян.

Нивелирование трубкой вполне применимо, когда для работы выделяется специальное время или отдельный работник. Но если археолог непосредственно занят расчисткой и фиксацией памятника, если он хочет вести дневник не по памяти, а непосредственно при раскопках (как это необходимо), если он чередует расчистку, запись, зарисовки и измерения, то нивелирование трубкой становится неудобным.

Нивелирование инструментом с оптическими трубами, дающее безукоризненную точность, хорошо только при больших стационарных раскопках и то только для реше-

ния общих задач, а не для обслуживания каждого производителя работ.

Глазомерная нивелировка может служить при выполнении лишь очень ограниченного круга работ, главным образом для обобщенных и приблизительных характеристик в процессе археологических разведок.

Нет надобности подробно останавливаться на перечисленных выше способах. Пригодность их при раскопках проверялась и ежегодно проверяется десятками археологов. Описание их можно найти в работах, специально посвященных технике раскопок¹, и они всем хорошо известны. Но есть простой и удобный способ нивелирования, широко известный в строительной практике (при устройстве дренажей, мостовых, фундаментов зданий и др.) и мало или совсем не известный археологам. Этот способ

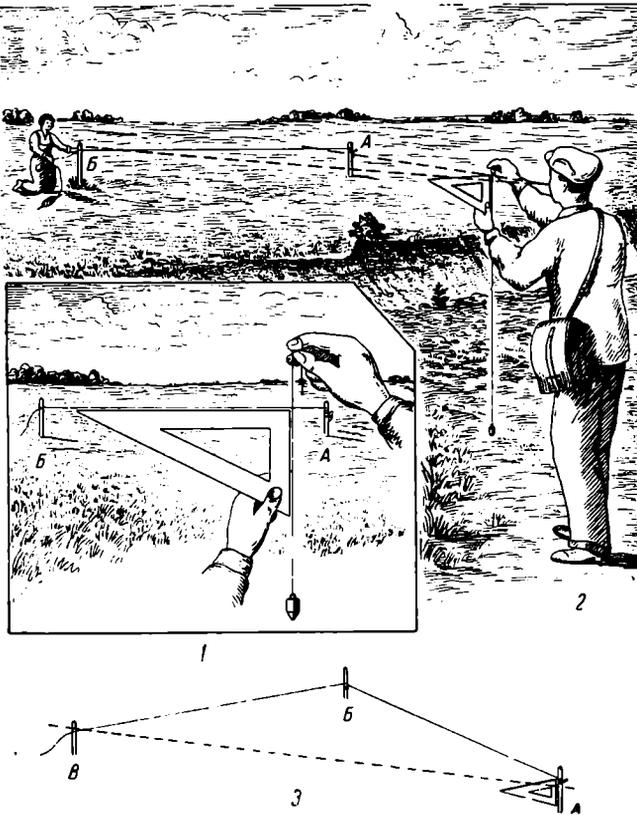

Рис. 54. Фиксирование горизонтальной плоскости.

особенно пригоден, если при ведении раскопа не ограничиваться только планом и разрезами, а попытаться зафиксировать весь объем раскопа, т. е. дать для каждой точки, где это необходимо, не две координаты, а три. Он весьма прост и не отвлекает внимания археолога от наблюдения за культурным слоем. Опыт, поставленный нами, правда, не в широком масштабе при работе в экспедиции М. П. Грязнова, показал, что этот способ вполне приемлем и обеспечивает быстрое и точное определение третьей координаты любой точки раскопа без особой затраты времени.

¹ А. А. Спицын. Археологические разведки. СПб., 1908, стр. 10; Его же. Археологические раскопки. СПб., 1910, стр. 39 и 40; А. А. Миллер. Археологические разведки. Изв. ГАИМК, вып. 83, Л., 1934, стр. 131—132, 189—190; П. А. Сухов. Археологические памятники, их охрана, учет и первичное изучение. Практическое руководство. М.—Л., 1941, стр. 85—89; В. А. Городцов. Руководство для археологических раскопок. М., 1914, стр. 52; О. Н. Бадер. Археологические памятники Прикамья. Молотов, 1950.

Принцип предлагаемого способа заключается в определении расстояний от условной горизонтальной нулевой плоскости до исследуемой точки путем визирирования и производства отсчета по рейке. Для этого прежде всего нужно закрепить на месте раскопа нулевую горизонтальную плоскость. Где-либо у края раскопа забивают два колышка на расстоянии от 10 до 20—30 м. Наблюдатель располагается в 20—30 м по возможности против середины отмеренного расстояния так, чтобы можно было видеть оба колышка. Затем, визируя при помощи треугольника и отвеса, между колышками строго горизонтально натягивается шнур (рис. 54—1, 2). Со второго колышка шнур протягивается дальше к третьему приблизительно под прямым углом. Теперь, поместившись у первого колышка, наблюдатель визирует по установленному на уровне натянутого шнура обрезу треугольника и закрепляет горизонтально второй отрезок шнура (рис. 54—3). Так двумя лучами шнура фиксируется горизонтальная плоскость. Теперь, приготовив несколько визирок (т. е. колышков с прибитыми к ним под прямым углом у верхнего края планками), устанавливаем их по углам раскопа так, чтобы верхние обрезы их лежали в одной горизонтальной плоскости в уровень с натянутыми шнурами или с какой-либо иной горизонтальной плоскостью, положение которой определяется равными промерами вверх или вниз от натянутых шнуров. Так мы фиксируем исходную нулевую плоскость (горизонт визирирования), которая должна лежать выше дневной поверхности раскопа, чтобы все отсчеты были с одним знаком. Когда нулевая плоскость закреплена визирками (их должно быть не меньше трех) и сетка квадратов размечена, можно приступить к нивелированию. Наблюдатель располагается у одной из визирок, а его помощник с рейкой переходит от одной точки к другой, от одного угла квадрата к другому (рис. 55—1, 2). Рейка на точке устанавливается вертикально. Поместив глаз в уровне нулевой плоскости, легко сделать отсчет. Если рейка расположена далеко и отсчет наблюдателю сделать трудно, то это может сделать помощник, передвигая вдоль рейки линейку по сигналу наблюдателя. Запись отсчетов, т. е. условных отметок, ведется прямо на чертеже раскопа (рис. 55—3). Нивелирование площади в 400, 900 и даже 2000 м² производится буквально в несколько минут с точностью до сантиметра на каждом отсчете.

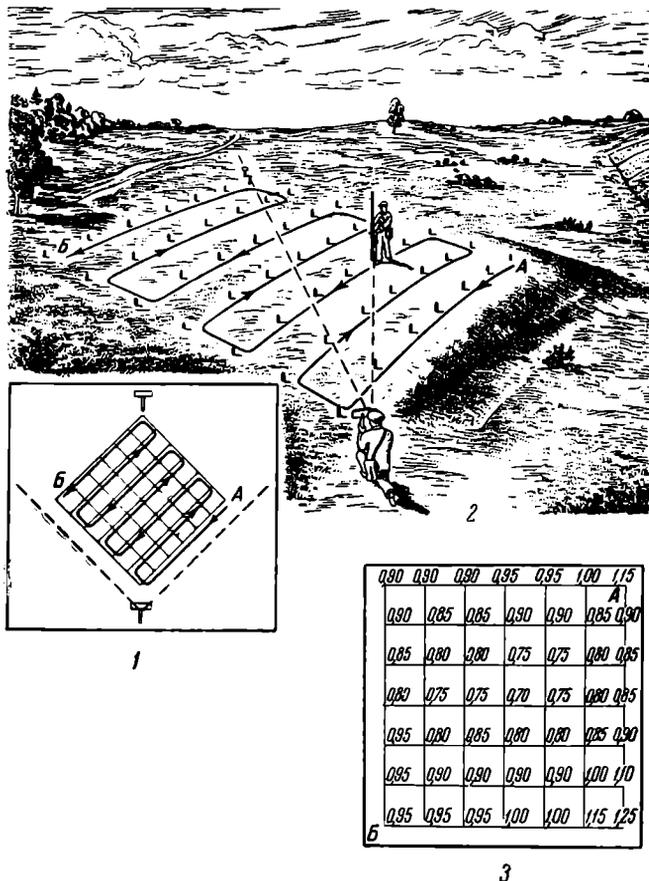

Рис. 55. Нивелировка дневной поверхности раскопа.

Возможны два приема визирования — прямой и обратный. При прямом наблюдатель располагается у одной из визирок, а его помощник с рейкой и линейкой в раскопе (рис. 56—2). Располагая глаз в уровне нулевой горизонтальной плоскости (рис. 56—1, 3), легко сделать отсчет на рейке. Помощник переходит от точки к точке по мере определения отметок, причем исследуемая точка не обязательно должна находиться на одной прямой с какими-либо двумя визирками. Рейка может быть помещена в любой точке раскопа, не выходящей за пределы угла зрения, ограниченного краями визирки. Если глаз наблюдателя размещен на расстоянии, равном половине длины горизонтальной планки визирки, то наблюдением охватывается площадь, ограниченная сторонами прямого угла; следовательно, если

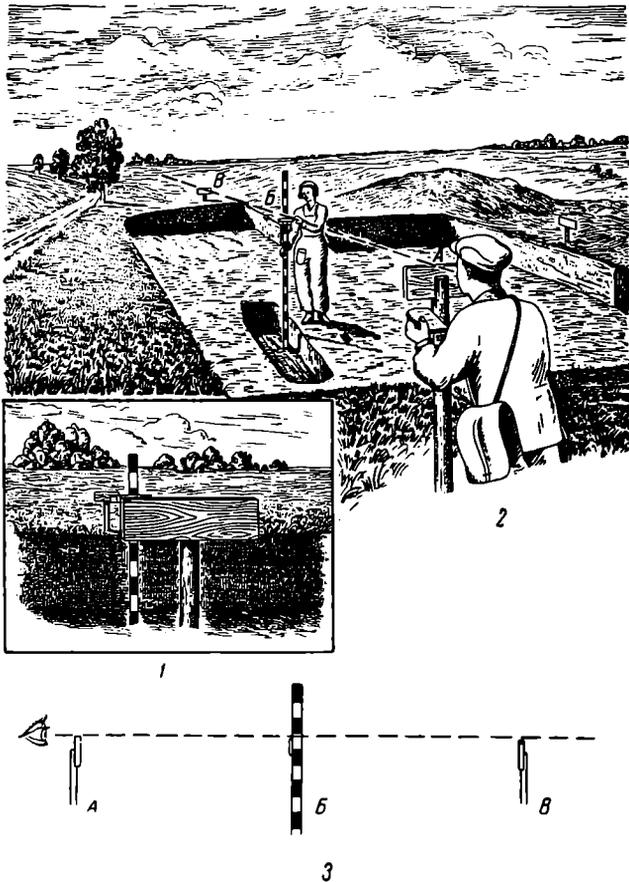

Рис. 56. Прямое визирование.

визирка расположена у угла квадратного раскопа, все точки его могут быть про- нивелированы с одного пункта (рис. 55—1). При обратном визировании необходимо на расстоянии 5—10 м от каждой визирки в сторону от раскопа установить еще по одной визирке (рис. 57—2). Тогда легко поместить глаз на уровне нулевой горизонтальной плоскости, не выходя из раскопа, а имея при себе рейку, легко и быстро, буквально не сходя с места, определять отметку любой точки в процессе самых раскопок. Точность нивелирования при обратном визировании остается вполне достаточной, если следить, чтобы расстояние от рейки до первой визирки не слишком превосходило расстояние между самими визирками. Преимущество же обратного визирования в том, что работать можно одному без помощника.

Предлагаемый способ удобен при определении линейных вертикальных размеров. Для этого необходимо произвести определение отметок двух точек и взять их разницу. Таким приемом глубина могильной ямы (рис. 58—2) или высота кладки стены и т. п. определяются весьма точно, так как измерения не искажаются неправильными формами обреза.

Если разница высот между нулевой горизонтальной плоскостью и уровнем точек, подлежащих нивелированию, превышает высоту роста наблюдателя, следует устроить дополнительную горизонтальную плоскость, которая для удобства подсчета отметок должна быть ниже исходного горизонта на 1 м. Тогда к каждому отсчету по рейке при определении отметки нужно прибавлять 1 м. Если дополнительная горизонтальная плоскость закрепляется в раскопе, то удобнее сразу установить парные визирки для того,

следовательно, если визирка расположена у угла квадратного раскопа, все точки его могут быть про- нивелированы с одного пункта (рис. 55—1). При обратном визировании необходимо на расстоянии 5—10 м от каждой визирки в сторону от раскопа установить еще по одной визирке (рис. 57—2). Тогда легко поместить глаз на уровне нулевой горизонтальной плоскости, не выходя из раскопа, а имея при себе рейку, легко и быстро, буквально не сходя с места, определять отметку любой точки в процессе самых раскопок. Точность нивелирования при обратном визировании остается вполне достаточной, если следить, чтобы расстояние от рейки до первой визирки не слишком превосходило расстояние между самими визирками. Преимущество же обратного визирования в том, что работать можно одному без помощника.

Предлагаемый способ удобен при определении линейных вертикальных размеров. Для этого необходимо произвести определение отметок двух точек и взять их разницу. Таким приемом глубина могильной ямы (рис. 58—2) или высота кладки стены и т. п. определяются весьма точно, так как измерения не искажаются неправильными формами обреза.

Если разница высот между нулевой горизонтальной плоскостью и уровнем точек, подлежащих нивелированию, превышает высоту роста наблюдателя, следует устроить дополнительную горизонтальную плоскость, которая для удобства подсчета отметок должна быть ниже исходного горизонта на 1 м. Тогда к каждому отсчету по рейке при определении отметки нужно прибавлять 1 м. Если дополнительная горизонтальная плоскость закрепляется в раскопе, то удобнее сразу установить парные визирки для того,

чтобы возможно было обратное визирование (рис. 58—1). Устройство дополнительной горизонтальной плоскости не может вызвать затруднений.

Предлагаемый способ вполне применим и при нивелировке профилей (особенно если местность не сильно пересеченная и разности высот незначительные). После того как разбит пикетаж, вдоль части профиля горизонтально натягивается шнур (таким способом, как при устройстве горизонтальной плоскости, т. е. при помощи отвеса и треугольника) и в его уровне устанавливаются две визирки. Определение отметок производится обычным путем, т. е. путем визирования через две визирки на рейку. Практика показывает, что если визирки установлены на расстоянии 20—30 м, точные отсчеты можно делать на расстоянии до 100 м. Если протяженность профиля большая или если слишком значительная разница отметок не позволяет делать отсчеты при помощи только двух визирок, т. е. одной исходной горизонтальной линией, то следует установить дополнительные визирки в уровне первых двух или выше, или ниже их на 1 м. Для этого необходимо с особой тщательностью определить высоты трех точек, на которых будут установлены дополнительные визирки. Такую операцию хорошо проводить не более одного-двух раз, так как при многократном повторении ошибки измерений будут накапливаться.

Для нивелирования профилей крутых курганов, тепе, валов городищ и т. п. предлагаемый способ неудобен, хотя и возможен.

Для нивелирования архитектурных остатков предлагаемый способ вполне применим и в процессе раскопок и по окончательной зачистке и снятии генерального плана. Запись отметок можно вести прямо на генеральном плане или на схеме. Все вертикальные размеры при этом легко получаются путем элементарных арифметических вычислений. Легко подсчитываются высоты сохранившейся кладки, ступеней, дверных проемов, глубины ям и заложений фундамента и т. д.

Предлагаемый способ не требует сложного оборудования. Необходимо иметь двухметровую рейку, треугольник, отвес, шнур, нож и несколько гвоздей. Все это, кроме двухметровой рейки (которая в случае нужды может быть заменена 200-сантиметровым деревянным складным метром или даже рулеткой), легко умещается в полевой сумке археолога и всегда имеется в любом, даже самом маленьком археологическом отряде. Несмотря на простоту оборудования, предлагаемый способ дает большую точность.

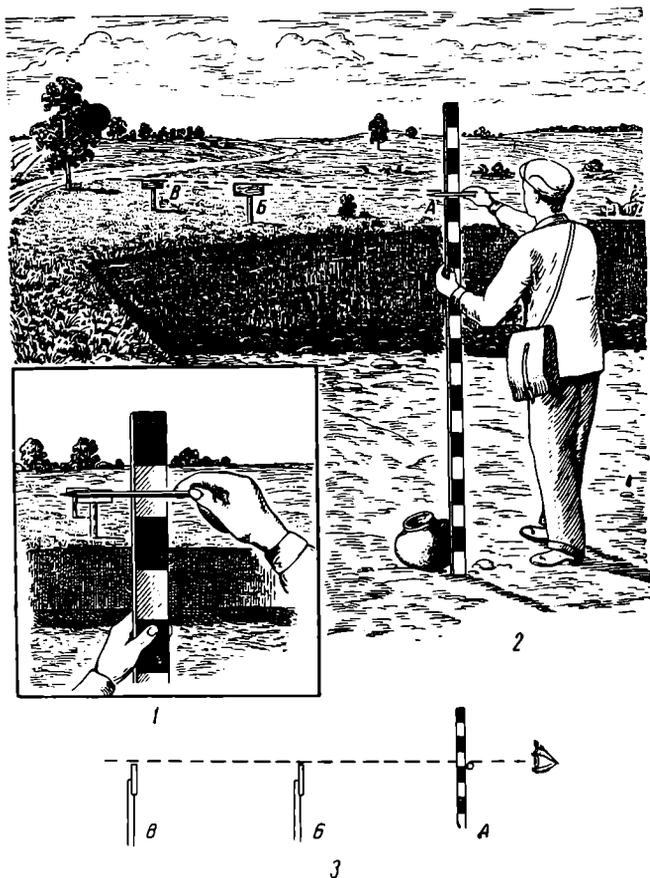
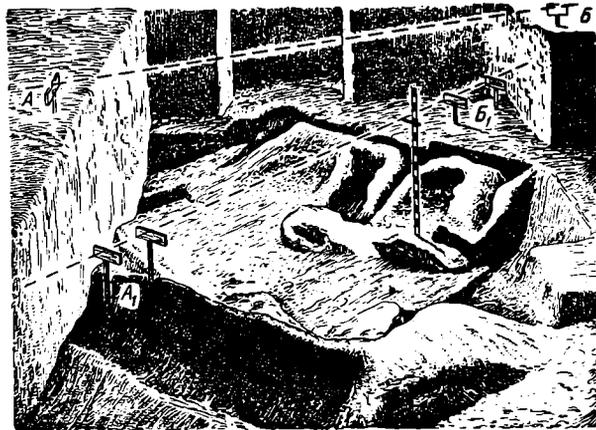

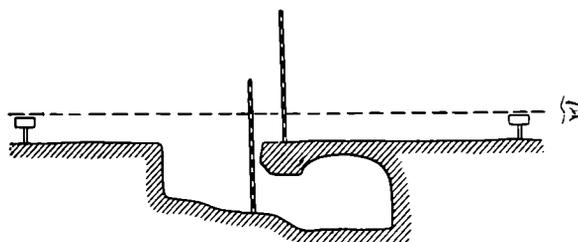
Рис. 57. Обратное визирование.

На раскопе в 400—900 м² ошибка в каждом отдельном измерении не превышает 1 см благодаря тому, что в предложенном способе измерения производятся каждый раз от исходной плоскости. Накапливания ошибок, как при нивелировке уровнем, не происходит.

Запись вести крайне просто: достаточно у точки, нанесенной на плане, проставить отсчет по рейке, т. е. ее отметку. Все отметки будут в одной системе, измерены от одной горизонтальной плоскости. Поэтому совершенно исключается какая-либо путаница: цифра отсчета по рейке дает точ-

1

2

Рис. 58. Нивелирование с дополнительной горизонтальной плоскостью (1) и определение глубины входа в катакомбу (2).

ную вертикальную координату точки, и если известны горизонтальные координаты, то ее положение в культурном слое вполне определено. В пределах раскопок, не требующих применения инструментального нивелирования, предлагаемый способ дает очень хорошие результаты. Точность его вполне достаточная, и высотная фиксация проводится с исчерпывающей полнотой.

«Памятник уничтожается исследованием навсегда и живет только в записях исследователя, которые и должны возможно точно и наглядно его отражать»¹. Предлагаемый способ нивелирования вполне отвечает этому требованию.

Техническая часть археологических исследований — служебная, подчиненная. Условия полевой работы и поставленные задачи определяют характер ведения фиксации, ее точность, полноту и пр. Но какова бы ни была цель, какие бы приемы точнейшей или схематической фиксации ни были выбраны.

во всех случаях затраты на техническую сторону исследования должны быть сведены к минимуму. Они не должны отвлекать внимание исследователя, в то же время обеспечивая необходимую полноту и точность фиксации и освобождая максимум времени для научных наблюдений.

Памятник правильно может быть раскопан только тогда, когда он понят еще в процессе раскопок. Предлагаемый способ нивелирования позволяет археологу вести фиксацию не только плоскостную, но и высотную, создавая в процессе работы не плоский, а объемный стереоскопический чертеж раскопа, где предметы и наблюдаемые исследователем следы тех или иных явлений не отнесены к отдельным горизонтам или профилям, а представлены в их действительном взаиморасположении. В этом главное преимущество предложенного способа нивелирования.

¹ А. А. Спицын. Археологические раскопки. СПб., 1910, стр. 124.

А. В. КИРЬЯНОВ

ОБРАБОТКА БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

(Опыт работы полевой лаборатории Новгородской археологической экспедиции)

Полевая лаборатория Новгородской археологической экспедиции была организована в 1947 г. в связи с большими раскопками в Новгороде. Работа ее в основном сводилась к фиксации вещей, находимых при раскопках, главным образом предметов из дерева, кожи, кости, ткани. Сначала они подвергались обработке лишь с целью устранения дальнейшей порчи, а затем, по окончании экспедиции, производилось их восстановление и реставрация.

Берестяные грамоты, впервые в истории археологических исследований найденные в 1951 г. в Новгороде, явились совершенно новым материалом в практике работы полевой лаборатории. Исключительная ценность находок вызвала необходимость их полной обработки ввиду возможности порчи, а может быть и безвозвратной гибели.

По извлечении из земли берестяные грамоты очищались от прилипшей грязи, высушивались и для них создавался режим, обеспечивающий наилучшую их сохранность на длительное время. За два года работы (1951—1952) в лаборатории обработано 82 берестяные грамоты различной величины и сохранности; за это время накоплен некоторый опыт их расчистки и высушивания. Состояние уже высохших грамот, найденных в 1951—1952 гг., вполне удовлетворительно, что до некоторой степени свидетельствует о достаточной эффективности приемов обработки. Однако у некоторых грамот при высыхании наблюдается изменение бересты — расслаивание ее по годичным слоям, небольшая волнистость, продольные трещины, порой очень заметные, а кроме того, иногда на текстовой стороне отщепляются небольшие кусочки бересты, видимо ранее поврежденной. Возникает задача приклеивания этих пластинок в целях полного сохранения текста грамоты. Замечается также некоторое изменение линейных размеров высохших грамот по сравнению с влажными — неизбежная усадка при высыхании, так же как и у изделий из дерева. Надо полагать, что состояние обработанных высохших грамот не будет ухудшаться при длительном хранении в соответствующих условиях температуры и влажности. Музейная и архивная практика дает достаточно много примеров хорошего состояния изделий из бересты, берестяных книг, написанных чернилами, хранящихся столетиями.

Находки Новгородских грамот свидетельствуют о том, что березовая кора — береста — широко применялась в древней Руси не только для изготовления бытовых предметов, но и для письма.

Берестяные грамоты по большей части свернуты в трубку, часто с небольшими разрывами; иногда они даже расчленены на несколько частей, соединенных узкими полосками. Найдены грамоты в виде перекрученной узкой полоски бересты, а некоторые из них — в виде берестяного листа. В большинстве случаев надпись нанесена вдавливанием на внутренней стороне, более мягкой и удобной для этого¹. На немногих грамотах хорошо сохранились буквы на внешней, белой, стороне бересты, а также и на обеих сторонах.

В силу особых условий в Новгороде очень хорошо сохраняются в культурном слое все органические остатки — дерево, кожа, ткань и пр. Хуже сохранились берестяные грамоты, найденные в поздних слоях XV—XVI вв. и извлеченные из слоя навоза. Возможно, что продукты разложения навоза действуют губительно — береста теряет эластичность, становится ломкой, крошащейся. К счастью, грамоты в очень плохом состоянии единичны. Но даже при хорошей сохранности на местах чечевичек — «небольших участков рыхлой ткани, являющихся вентиляционными каналами»², заметных в виде узких длинных полосок, наблюдаются выпадения ткани, по линии которых иногда происходят продольные разрывы. Естественный цвет березовой коры сохранился только у грамот с тонкой, снятой с молодых берез, берестой, на которой достаточно хорошо удержался желтовато-коричневый цвет, свойственный внутренней стороне березовой коры.

При раскопках в Новгороде находят много изделий из бересты, а также больших листов березовой коры, сложенных по нескольку в пучки. Все это свидетельствует о широком ее применении для изготовления бытовых предметов. Технические приемы обработки бересты были известны многим народам. Например, горячая вода служила средством для размягчения, при котором береста принимает желаемую форму, а после высыхания сохраняет ее. Приемы обработки бересты дошли до наших дней в неизменном виде и достаточно подробно описаны³.

Несомненно, так же обрабатывалась кора и для получения берестяных листов нужных размеров. Для большинства грамот использовалась береста тонкая, без трещин и неровностей, без бородавчатости на внутренней и внешней сторонах. Такие качества имеются только у коры молодых берез. Однако найдено несколько грамот с толстой берестой, наростами, небольшой бородавчатостью; они сильно расслаиваются по годичным слоям и трудно расправляются.

Техника обработки грамот сводится к следующему. По извлечении грамота прежде всего очищается от прилипшей к ней земли. Для этого в сосуд наливается горячая вода, примерно 60—80°, в таком количестве, чтобы грамота была покрыта ею вся. В горячей воде береста размягчается. Не вынимая грамоту из воды, удаляют мягкой кистью прилипшую землю. Промывание повторяется дважды. После промывки грамота тщательно и осторожно расправляется на стекле, и текстовая ее сторона протирается туго свернутым, смоченным в воде ватным тампоном или марлей для удаления остатков прилипшей грязи. Для контроля очистки текстовая сторона просматривается через лупу. Очищенная от грязи грамота тщательно расправляется и плотно зажимается между двумя стеклами. Она и сушится в таком положении во избежание деформации и других изменений. Грамоты в виде листа или перекрученной полоски по размягчении в горячей воде очень хорошо расправляются и плотно с обеих сторон прилегают к стеклам. У грамот же, свернутых в трубку, при расправлении почти всегда наблю-

¹ А. В. Арциховский. Археологические открытия в Новгороде. Вестн. АН СССР, № 12, 1951.

² С. И. Ванин. Древесиноведение. Изд. 2-е, 1940, стр. 51.

³ А. Н. Филиппов. Кустарная промышленность России. СПб., 1913, стр. 274—275.

дается расслоение вследствие разной длины внутренней и внешней сторон. Возможно, что при многовековом нахождении во влажной среде в свернутом состоянии внутренняя сторона, как более рыхлая, пропитываясь влагой, разбухает и несколько выпячивается. При расправлении это создает сильное натяжение крайних годичных слоев внешней стороны, что и ведет к расслаиванию. На внутренней стороне, где чаще всего наносился текст, наблюдается складчатость, а иногда и значительная волнистость, препятствующие плотному прилеганию к стеклам. Высушивание неплотно зажатых между стеклами грамот может нарушить целостность текстовой стороны. Для уничтожения волнистости натянувшиеся слои бересты на обратной стороне подрезаются ножницами, после чего грамота хорошо расправляется. В некоторых случаях производяг расслаивание бересты по всей длине грамоты, отделяют натянувшиеся слои и те слои, где нанесен текст. Разница в длине внутренней и внешней сторон достигает 3—4 мм (в зависимости от длины грамоты). После расслаивания грамота хорошо расправляется и плотно примыкает к стеклу. Все дефекты на бересте в виде бородавок, наростов должны срезаться, если это не может повредить текста.

На расчищенную и зажатую между двух стекол грамоту накладывается пресс, вес которого, однако, не должен деформировать выдавленных на бересте букв. Затем создается режим высушивания, основанный на медленном удалении влаги для предотвращения растрескивания, затрудняющего чтение, а иногда и искажающего текст. Двухлетняя практика показала, что лучшим способом замедленного высушивания является заключение плотно зажатых между двух стекол листов бересты в гипсовую коробку.

Коробка изготавливается сейчас же после обработки грамоты. Она состоит из основания, в котором помещается грамота, и крышки. Делается она так. Прежде всего изготавливается основание. На большое стекло кладутся друг на друга два стекла одинакового, но немного большего, чем сама грамота размера. Между большим стеклом и двумя меньшими кладут тонкие листы резины или картона, соответствующие примерно толщине грамоты. На расстоянии 3—5 см от малых стекол, в которых будет зажата грамота, устанавливается ограждение из картона, пластилина или других материалов, высотой до 4—5 см, для того чтобы при заливании гипс не растекался (рис. 59—1).

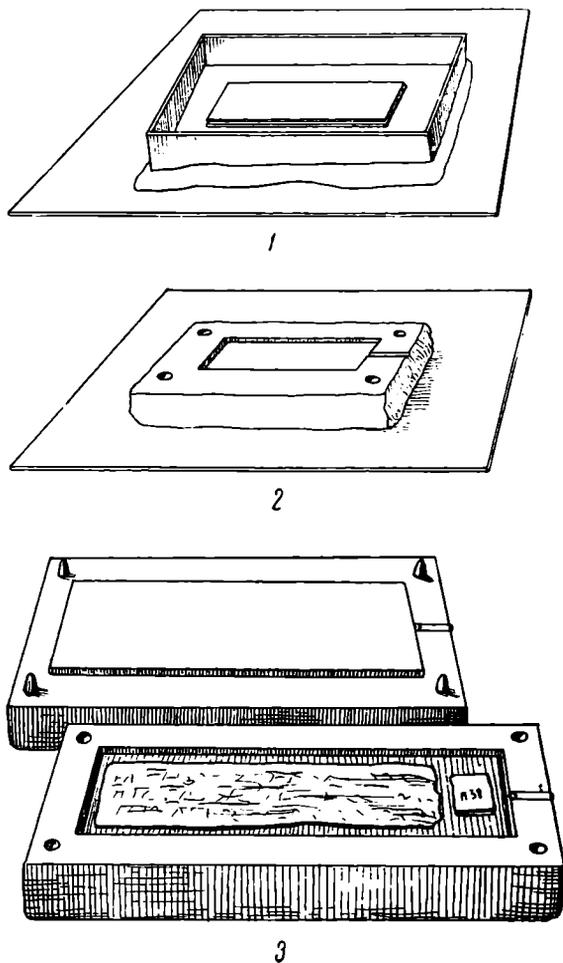

Рис. 59. Изготовление гипсовой коробки для берестяных грамот:

1 — изготовление основания; 2 — готовое основание; 3 — готовая коробка с заложённой в нее берестяной грамотой.

Гипс разводят в таком количестве, чтобы его хватило на заливку всего основания коробки. В жидкотекучем состоянии гипс осторожно выливают на стекло, заполняя огражденное место на толщину 2—2,5 см. На затвердевающий гипс укладывают две-три деревянные палочки или обрезки железной проволоки (предварительно покрытых лаком для предохранения от ржавения), немного меньшей длины, чем основание коробки. Такой каркас необходим для прочности. Остаток растворенного гипса выливается сверху в ту же форму, а если к этому времени он потерял текучесть, то его накладывают ложкой, чтобы общая толщина основания получилась в 4—4,5 см.

При затвердении гипса ограждение снимается и верхняя сторона отливки зачищается ножом или другим инструментом. Затем отливка снимается со стекла. Для этого нужно налить немного воды на место соединения со стеклом отливки и через некоторое время, сдвинув форму на край стекла, снять ее. После этого отливка переворачивается и вынимается верхнее стекло и прокладка. Нижнее стекло не вынимается, а остается плотно соединенным с основанием.

Крышка изготавливается так. Верхнее стекло снова кладется в основание коробки; на закрепленное в отливке стекло укладывается тонкая прокладка резины или картона, примерно соответствующая толщине грамоты. На бортиках основания делают четыре конические ямочки, около 1 см глубиной, отчего в крышке получаются выступы, не позволяющие ей сползть с основания. С одной стороны делается желобок для правильной ориентировки крышки. Вся поверхность бортиков и ямочки смазываются вазелином или каким-либо жиром. Вместо смазки можно наложить на бортики тонкую влажную бумагу, укладывая ее небольшими кусочками для того, чтобы крышка свободно разъединялась с основанием коробки. Затем снова устанавливается ограждение на высоту 3—4 см выше основания, на которое наливается гипс и также укладывается каркас из деревянных палочек или отрезков железной проволоки. По затвердении гипса поверхность крышки и бока коробки хорошо зачищаются. После зачистки боков ясно видна граница двух половинок коробки. Для разъединения их в линию разреза вводят конец ножа и при слабом надавливании или постукивании они легко отходят друг от друга. В случае затруднения, на линию разреза наливается немного воды. После этого коробка тщательно зачищается снаружи и внутри от затеков и неровностей.

Хорошо расправленная и предварительно протертая ватным тампоном или кусочком марли, смоченными в растворе формалина (или другого антисептика), грамота укладывается на стекло в основании коробки, прикрывается другим стеклом, а затем крышкой (рис. 59—3). Крышка оказывает на стекло некоторое давление и задерживает грамоту при высыхании в расправленном состоянии. Если коробка сделана неудачно и крышка не давит на стекло, то между ним и крышкой кладут тонкие пластинки стекла или резинки, однако с таким расчетом, чтобы между основанием и крышкой не было щели. В гипсовой коробке грамота сохнет очень медленно. Чем медленнее происходит высыхание, тем лучше.

Время от времени грамоты нужно осматривать. Нередко на них появляется плесень, легко снимаемая ватным тампоном, смоченным в растворе антисептика. Высыхающие гипсовые коробки с грамотами лучше хранить в прохладном помещении. Опыт полевой лаборатории показал, что высыхание бересты в коробке происходит в течение одного-четырех месяцев, в зависимости от температуры, влажности помещения, а также размеров коробки. При быстром высыхании коробки нужно смачивать водой.

В настоящей статье изложен только первый опыт обработки берестяных грамот. В дальнейшем предстоит еще большая работа по улучшению техники обработки и высушивания этих ценнейших памятников древнерусской письменности.

М. Н. КИСЛОВ

СПОСОБ ПРОРИСОВКИ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ И ДЕРЕВЯННЫХ РЕЗНЫХ ВЕЩЕЙ

В связи с находкой в Новгороде берестяных грамот начальник Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховский поставил перед автором настоящей статьи задачу — выполнить на бумаге прорисовки текста грамот. Копировать нужно было с особой тщательностью, не принимая во внимание трещин коры, различных дефектов ее, случайных царапин позднейшего происхождения и т. п.

Нужно было выбрать наиболее удобный способ рисования, учитывая особенности материала: недавно расправленная береста стремилась принять прежнее положение — свернуться в трубку; кора была влажная, некоторые грамоты очень хрупки; наконец, исключительная ценность материала требовала чрезвычайной осторожности. Все это сразу заставило забраковать обычно применяемые в подобных случаях приемы копирования. Нельзя было делать эстампаж, так как при нем сохраняются все случайные штрихи, да и береста может быть повреждена; нельзя было применять восковку, потому что она недостаточно прозрачна и коробится от влажной коры; нельзя было использовать обычно дающую хорошие результаты прорисовку по фотографии, так как снимки бересты получаются очень нечеткие, особенно в полевых условиях. Перерисовывать же на бумагу букву за буквой было бы слишком долго. Это затруднило бы работу, например, в 1952 г., когда с раскопов в иные дни доставляли по девять грамот.

Многую был избран и применен следующий способ. Положенную на стекло берестяную грамоту накрывали другим, чисто вымытым стеклом, на котором тушью чертежным пером обводился общий контур грамоты и вырисовывался текст. При этом глаз копирующего должен находиться точно над изображаемой буквой, иначе может произойти смещение, перекос и т. п. На стекле получалась копия точная, но выполненная несколько грубо, так как в некоторых местах тушь слегка расплывалась и давала слишком толстые линии, требовалось же сохранить точность и в толщине каждого штриха. Для перенесения копии на бумагу использовался обычный прием: на стекло, освещенное снизу, укладывалось стекло с прорисовкой, текст и контур бересты переводились карандашом на бумагу.

Дальше начиналась самая кропотливая и трудоемкая часть работы — тщательная сверка прорисованного текста с оригиналом с целью добиться точнейшего изображения каждой буквы. Приходилось пользоваться лупой, делать промеры измерительным циркулем — очень осторожно, совершенно не касаясь коры металлом. Особенно внимательно изучались буквы, неясные из-за дефектов коры. Если непонятен был смысл написанного слова,

приходилось пересматривать букву за буквой, искать возможную ошибку в нашем чтении текста.

Эта работа проходила под руководством и при непосредственном участии А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова (в 1951 г.).

Древние новгородцы пользовались при процарапывании бересты различными орудиями. В большинстве случаев использовали, повидимому, костяные стержни, такие, как найденный в раскопках 1951 г. Оттачивались они по-разному: иногда конец был зазубрен, вероятно случайно, и тогда получалась двойная линия (грамма № 7). На некоторых грамотах штрихи так тонки, что наносились они, повидимому, при помощи металлического острья (грамма № 5), и тогда трещины на коре легко принять за штрихи. На бересте, процарапанной костяным орудием (более тупым), трудно уловить горизонтальные, часто неглубокие штрихи букв, расположенные вдоль кольцевых слоев коры. Иногда штрих совпадает с границей чечевички коры, и тут также требовалось внимательное рассматривание коры под лупой.

Если грамма разорвана, то продольные полоски (например, грамма № 68) стремятся изогнуться дугой. Буквы оказывались разрезанными на две части. Это между прочим помогало установить последовательность полосок при составлении текста. Для совмещения строчек при перерисовке на стекло мы вдвигали между стеклами, заключавшими грамма, полоски стекла или пластмассы, которые выпрямляли и сжимали полоски бересты.

Особенные трудности встретились при чтении некоторых грамот. Так, грамма № 55 процарапана очень неглубоко и попала в какую-то маслянистую среду. Приходилось поворачивать грамма, лежащую на стекле, так, чтобы на изучаемый штрих падали косые, скользящие лучи света. Помогало чтению смачивание коры водой или, лучше, 4%-ным раствором формалина: гладкая поверхность бересты высыхает, а процарапанные буквы дольше сохраняют влагу и поэтому выделяются более темным тоном.

Грамма № 71 нацарапана на внешней стороне бересты. Тонкие верхние слои были сильно повреждены, читались только некоторые буквы. Береста была расслоена. Пришлось с большими предосторожностями снять два слоя, действуя пинцетом. И только на третьем удалось прочесть весь текст, проверяя его там, где это было возможно, по верхним слоям. Понятно, что при процарапывании буквы продавливалось несколько слоев коры. Если в связи с условиями залегания береста расслаивалась, то в некоторых случаях, осторожно приподнимая верхние слои, можно было по нижним сверить неясные места надписи.

От грамоты № 39 сохранились только нижние слои бересты. Пришлось читать и прорисовывать по оставшимся следам вдавлений, применяя смачивание и освещение косо падающим светом.

Прорисовку необходимо делать в ближайшие два-три дня после находки грамот. Береста хорошо сохраняется при медленном высушивании в гипсовых коробках¹. Тем не менее грамоты все-таки изменяются. Они ссыхаются, уменьшаясь в размерах: некоторые через полгода хранения сократились на $\frac{1}{30}$ — $\frac{1}{50}$ часть первоначальной длины. Замечен и такой случай, когда одна из букв исчезла на внешнем слое бересты, вероятно, вследствие натяжений при высыхании; только на более глубоком слое бересты буквы сохранились полностью. Следовательно, если прорисовка не сделана вскоре после нахождения грамоты, можно впоследствии неправильно прочитать текст.

Дальнейшая работа — обводка карандашной прорисовки тушью — производилась уже по возвращении из экспедиции. Снова сверялось начертание каждой буквы под руководством специалиста-палеографа.

¹ См. статью А. В. Кирьянова в настоящем сборнике.

Таковыми приемами были исполнены прорисовки 82 новгородских берестяных грамот, найденных в 1951—1952 гг., и одной смоленской — из раскопок Д. А. Авдусина 1952 г. Первая смоленская берестяная грамота подтверждает предположение А. В. Арциховского¹ о возможности подобных находок и в других древнерусских городах. Открываются широкие перспективы сравнительно-исторического изучения русской материальной культуры и языка.

Описанный выше прием перерисовки тушью на стекло, а затем (на просвет) на бумагу, с последующим уточнением и проверкой по оригиналу, был применен нами и при выполнении рисунков резных деревянных вещей из Новгородских раскопок 1951 и 1952 гг. Эти вещи, сотни лет лежавшие во влажном слое, насыщены водой и очень хрупки. Единственный известный пока способ сохранения их — содержание в воде. Эстампировать мокрые предметы неудобно, рисовать с промерами — долго.

Я поступал с ними так же, как с грамотами. Извлеченная из воды вещь клалась на стекло. Если она достаточно прочна, то стекло, на котором делался рисунок тушью, накладывалось непосредственно сверху. Если же предмет плохо сохранился, то стекло укладывалось на подставку с максимальным приближением к предмету. Дальше работа проходила так же, как и для грамот.

Этим приемом можно пользоваться при рисовании кожи с тисненым орнаментом и т. п. Удобен он и в тех случаях, когда требуется нарисовать в развернутом виде круговой орнамент или надпись на цилиндрическом куске дерева или другого материала (на ложке, бирке, палке). По мере перерисовки стекло как бы катится по вещи, а вещь вращается под стеклом. Важно соблюдать три условия: 1) рисовать только ту часть орнамента, которая лежит в данный момент, точно прикасаясь к стеклу (не в ракурсе); 2) передвигать стекло и вращать предмет на одинаковое расстояние; 3) двигать стекло в направлении строго перпендикулярном к оси вращения предмета.

Мне думается, что описанные выше приемы заслуживают широкого применения при рисовании археологических находок.

---

¹ А. В. Арциховский. Археологические открытия в Новгороде. Вестн. АН СССР, 1951. № 12.

IV. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

А. А. ФОРМОЗОВ

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ

При строительстве Волго-Донского канала по инициативе главного геолога Г. И. Горещкого был широко поставлен сбор археологических материалов. Создалась большая коллекция древностей, представляющая особенный интерес для первобытной археологии. Уже опубликованы некоторые находки из этого собрания¹. Настоящая заметка посвящена описанию части этой коллекции — группе лепной керамики из Нижнего Подонья, до сих пор совершенно нам неизвестной.

Материалы собраны в двух пунктах на левом берегу Дона, напротив станции Цимлянской: из отвалов гидромеханизации близ станции Каргальской и из большого котлована в хут. Соленовском и в одном пункте близ хут. Малой Лучки у станции Нагавской, также на левом берегу Дона. В двух первых случаях находки залежали в пойменном аллювии, будучи, повидимому, связаны с остатками небольших временных стоянок рыболовов у берега Дона, впоследствии размытых рекой. Близ Малой Лучки керамика собрана на береговой отмели, где был также найден крупный односторонний костяной гарпун с клювовидными зубцами и зубчатым уступом для насада на тыльном конце². Обломок тыльного конца гарпуна с таким же насадом известен из хут. Криванского на Нижнем Дону³. Неолитический возраст таких гарпунов устанавливается по аналогиям в Прибалтике⁴.

Керамика из всех трех пунктов вполне аналогична и может быть рассмотрена вместе. Она характеризуется прежде всего огромным количеством толченых раковин *unio*, примешанных в тесто сосудов и делающих их поверхность пестрой и как бы скользкой. Примесь раковины в керамическое тесто для степных культур бронзового века исключительно редкое явление. Так, из серии донецких сосудов времени существования ямной культуры, описанных А. А. Потаповым, ни один не имел примесей в тесте⁵. Иногда примесь ракушки можно заметить в глине, из которой делались курганные горшки бронзового века, но она очень незначительна и не бросается в глаза. Цвет курганных горшков ямного, катакомбного и срубного типов обычно охристо-желтый, коричневый или почти черный. Описываемая керамика серого цвета с графитным оттенком (чем также отличается от других степных

¹ Г. И. Горещкий. Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье. СА, XVI, 1952; Его же. Новые стоянки конца неолита и эпохи бронзы на террасах Нижнего Дона и Маныча как геологические документы. Изв. Всес. геогр. об-ва, № 5, 1948.

² См. Г. И. Горещкий. Следы палеолита и мезолита..., рис. 5.

³ Коллекция Музея антропологии МГУ, № 58.

⁴ См., например, W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreusens. Königsberg, 1929, abb. 5, 1. 6

⁵ О. Потапов. Опухлонцевий посуд бронзової доби сточища р. Донця. Зап. Всеукр. археол. комітету, т. I, Київ, 1932.

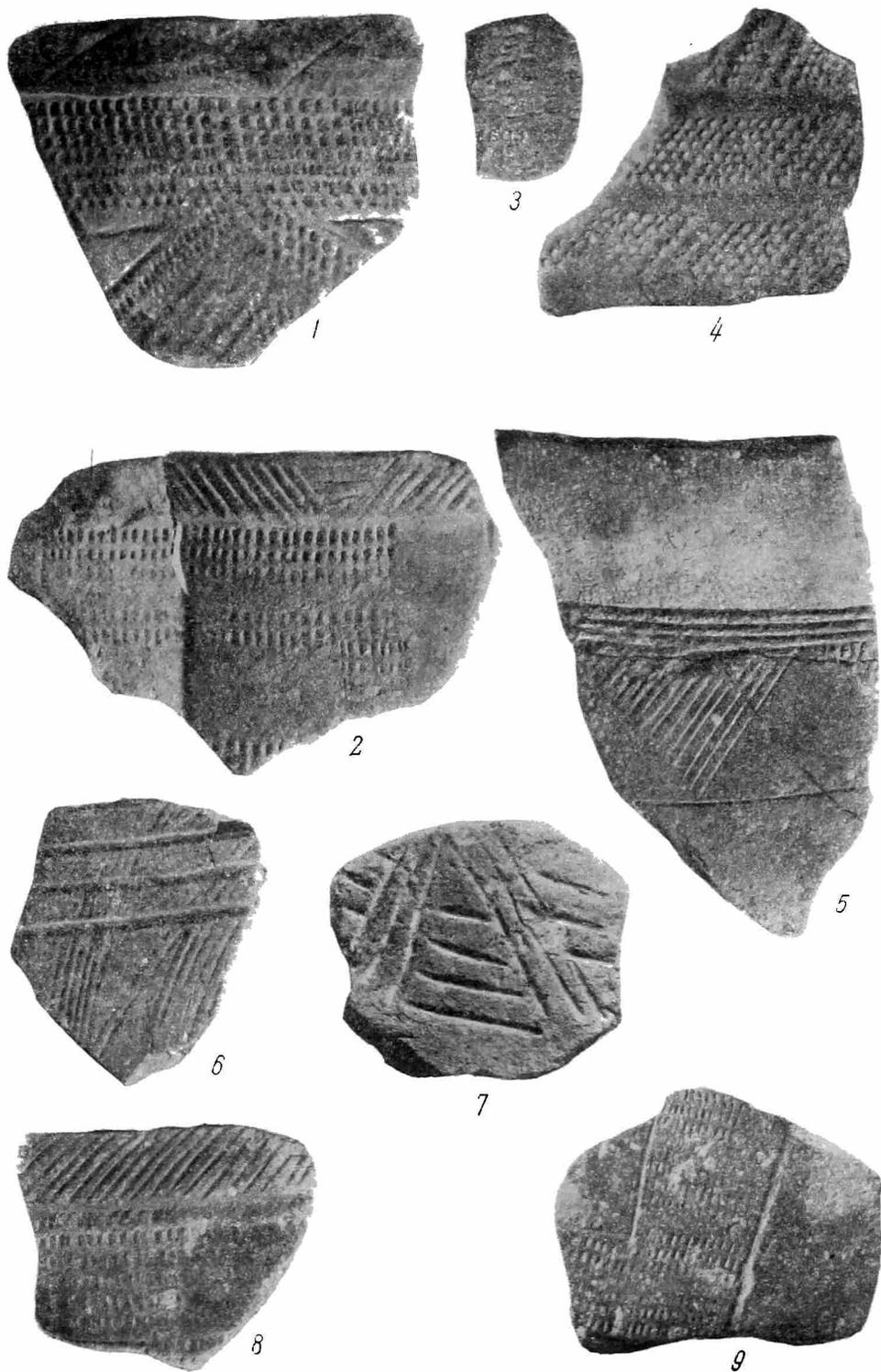

Рис. 60. Фрагменты керамики из отвалов гидромеханизации у станции Каргальской и из карьера в хут. Соленовском (1 — 4, 6 — 9 — Каргальская, 5 — Соленовский).

групп керамики), обжиг ее хороший, глина плотная, некрошащаяся. Толщина стенок сосудов 0,5—1 см; фрагменты имеют гладкую ровно заглаженную поверхность, и только на одном из трех десятков обломков на внутренней поверхности видны следы заглаживания гребенчатым инструментом, характерные для всей ямной и катакомбной керамики.

Фрагменты нижнедонской керамики принадлежат крупным сосудам с венчиками диаметром от 25 до 30 см. В коллекции шесть венчиков двух типов сосудов. Четыре из них (три из ст. Каргальской и один из Лучки)

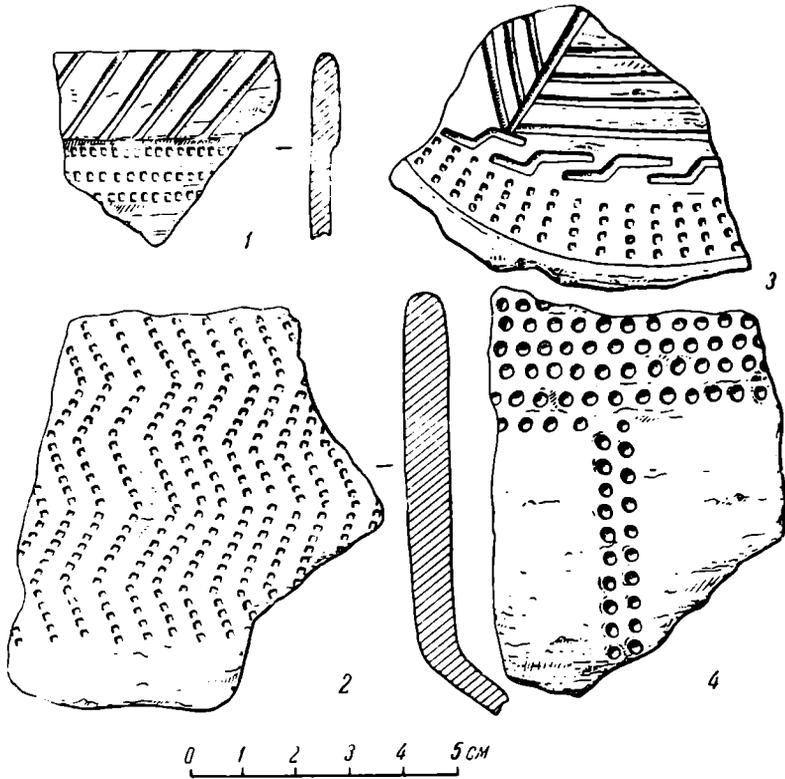

Рис. 61. Фрагменты керамики, найденные на береговой отмели у хут. Малой Лучки.

совершенно прямые без всяких признаков выделения плечиков. На основании анализа фрагментов стенок примерно от двух десятков сосудов также можно говорить о том, что большинство сосудов не имело сложной профилировки. Все четыре венчика имеют «воротнички», шириной в 2 см, косо срезанные с внутренней стороны и прямые с уступом к стенке с внешней стороны (рис. 60—1, 2; рис. 61—1). Два венчика (из Малой Лучки и из Соленовского) принадлежат сосудам другой формы, имеющим цилиндрическое горло, с резким изломом переходящее к выпуклым плечам (рис. 61—2). Форма сосудов этого типа должна быть близка к формам среднеднепровской и фатьяновской керамики. Из Малой Лучки происходит обломок плоского орнаментированного днища. Эта находка указывает на то, что часть нижнедонской керамики, скорее всего сосуды первого типа, была плоскодонной.

Совершенно необычны для археологических материалов из донецких степей техника нанесения и мотивы орнаментации керамики. Орнамент нанесен прочерчиванием или штамповкой мелким гребенчатым штампом или обоими приемами одновременно. На венчике из Соленовского (рис. 60—5) мы видим только прочерченный орнамент в виде зоны, разделенной на смы-

кающиеся сторонами треугольники, в верхнем ряду спускающиеся вершинами к днищу, в нижнем поднимающиеся вершинами к венчику. Треугольники заштрихованы так, что штриховка одного ряда идет под прямым углом к штриховке другого. Прочерченная орнаментация отмечена на двух фрагментах стенок сосудов из Каргальской: на одном это три параллельные углубленные линии, на другом — зона из смыкающихся сторонами треугольников, заштрихованных в одном направлении (рис. 60—6, 7). На прочих фрагментах керамики прочерченная орнаментация сочетается со штампованной. На двух венчиках сосудов из Каргальской и на одном из Лучки воротнички покрыты штриховкой, в двух случаях наклонной, в третьем дающей ту же композицию из заштрихованных под разными углами треугольников. Ниже воротничков — орнамент гребенчатый (рис. 60—2, 8; рис. 61—1). На третьем венчике из Каргальской (рис. 60—1) по воротничку прочерчен горизонтальный зигзаг, пересекающий зону штампованного орнамента. Зоны, заполненные штампом, расположенные на стенках, также нередко обрамлены прочерченными линиями. Штамп отличается от обычного гребенчатого штампа ямной и катакомбной керамики, так как зубцы его дают очень узкие и длинные отпечатки. Участки поверхности сосуда, заполненные гребенчатыми отпечатками, перемежаются с пустыми полями. На четырех фрагментах сосудов из Каргальской мы видим ленты орнамента, выполненного гребенчатым штампом; ленты изгибаются под прямым углом (рис. 60—3, 9). Пустые поля между ними подходят или к самому воротничку сосуда или высоко поднимаются на венчик. На описанном выше венчике из Каргальской (рис. 60—1) видно, что в сплошную зону гребенчатого орнамента треугольниками врезается неорнаментированная часть сосуда. На фрагменте стенки из Каргальской (рис. 60—9) пояса гребенчатого орнамента перемежаются с неорнаментированными полями.

На днище сосуда из Лучки (рис. 61—3) в центре знакомая нам уже композиция из смыкающихся сторонами треугольников, заштрихованных в разных направлениях. По краям днища идет круговая лента коротких отпечатков гребенчатого штампа, а между этими двумя орнаментальными зонами заключена зона с орнаментом из прочерченных трехчленных зигзагов, в которых обычно видят схематические изображения «уточек». Другой венчик из Лучки (рис. 61—2) имеет только гребенчатую орнаментацию из вертикальных зигзагов. Орнамент нанесен по прямому горлу и не заходит на выпуклые плечи. Наконец, другой фрагмент из Лучки, единственный из всей серии, имеет ямочный орнамент из неглубоких семечковидных вдавлений, образующих вертикальную и горизонтальную ленты, встречающиеся под прямым углом (рис. 61—4). Таким образом, наметились две характерные орнаментальные схемы — заштрихованные смыкающиеся треугольники и ленты орнамента, изгибающиеся под прямым углом.

Описанная керамика без сомнения весьма древняя. Минимально она может относиться к эпохе раннего металла. Благодаря многолетним работам экспедиций А. А. Миллера и М. И. Артамонова в районах, ближайших к местам залегания приведенных нами находок, материал эпохи раннего металла данной территории хорошо известен. Типичная ямная керамика с черной, заглаженной гребенчатым штампом поверхностью найдена в нижнем слое стоянки Красный Яр. Катакомбную керамику дали курганы у хут. Попова. Срубная керамика хорошо представлена в Потайновском и в верхнем слое Красного Яра. Таким образом, на Нижнем Дону шло нормальное развитие степных культур эпохи бронзы, такое же как и в других районах. Керамика, аналогичная описанной, не встречена ни в одном из упомянутых памятников. Следовательно, ее нельзя считать местной керамикой эпохи бронзы и приходится относить к более раннему — неолитическому времени.

Во многом близкая к ней керамика известна на стоянках Днепровских порогов, относимых украинскими археологами к неолиту. Там также встречаются сосуды с примесью раковин в тесте, с гребенчатым и прочерченным орнаментом, сосуды с воротничками и прямыми стенками и сосуды с прямым горлом и круглым туловом. Встречается там и керамика с лентами орнамента, изгибающимися под прямыми углами. Совершенно недостаточная и во многом неудачная публикация материалов Порожских стоянок¹ вызвала несколько недоверчивое отношение к ним ряда археологов. Так, О. А. Гракова не раз высказывала мнение о ямно-катакомбном возрасте Порожских стоянок. В этой связи находка керамики, аналогичной порожской, в другом районе представляет большой интерес.

Так как Нижний Дон не пограничный район с территорией распространения ямной и катакомбной культур, как район Днепровских порогов, можно определенно говорить, что описанная керамика не синхронна материалам из ямных и катакомбных курганов, а древнее их. Так как для данного района нельзя говорить о влияниях среднеднепровской культуры, приходится считать форму сосудов с прямым горлом и круглым туловом самостоятельно возникшей и не связанной с среднеднепровской керамикой. Следовательно, попытку А. Я. Брюсова удревнить возраст среднеднепровской культуры и считать ее распространившейся из Порожских стоянок, на основании находок на них двух сосудов с прямым горлом и круглым туловом², надо признать неудачной.

Но самое существенное то, что мы теперь в какой-то мере можем представить облик степной неолитической керамики, до сих пор нам совершенно неизвестной.

То, что в СССР лучше всего изучен северный неолит с ямочно-гребенчатой керамикой, привело к представлению о том, что и на юге для неолита, предшествовавшего курганам эпохи раннего металла, также характерна ямочная керамика³. Между тем ямочно-гребенчатая керамика Севера синхронна материалу из ранних курганов юга, а облик керамики старше III тысячелетия до н. э. неизвестен нам ни на юге, ни на севере. Рассмотрев нижнедонскую керамику доямного типа, мы должны признать, что она не имеет ничего общего с северной ямочно-гребенчатой керамикой. Орнамент ее обнаруживает скорее некоторые общие черты с линейно-ленточной керамикой, где также встречается орнаментация лентами, изгибающимися под прямым углом. Если это сопоставление верно, то мы получаем подтверждение датировки описанной керамики временем, предшествующим распространению ямной культуры.

Небольшая коллекция с Волго-Дона сигнализирует о необходимости найти и исследовать стоянки эпохи неолита на юге, до сих пор совершенно неизвестные. Только изучив их, мы поймем генезис южных культур эпохи бронзы, подойдем к решению вопроса о возникновении земледелия и скотоводства и другим не менее важным проблемам древнейшей истории.

---

¹ См., например, А. Добровольский. Звіт за археологічні досліді на території Дніпрельстану. Збірник Днепропетр. історічно-археол. музею, Днепропетровск, 1929.

² А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.—Л., 1952, стр. 218.

³ Так, П. И. Борисковский в своей книге «Людина кам'яного віку на Україні» (Київ, 1940, стр. 110) показывает, как образцы неолитической керамики, ямочную керамику северного типа.

вершинами вниз. По оси ножен расположена рельефная полоска с поперечными насечками, имеющая ромбовидную головку, которая упирается вершиной в вырез нижней части перекрытия ножен. На этой головке маленькими ямочками, расположенными симметрично, обозначены два глаза. Рельефная полоска, постепенно суживающаяся к концу и завершенная ромбовидной головкой с глазками на ней, напоминает змею.

Рис. 62. Железный кинжал в бронзовых ножнах из сел. Колхиды: 1—кинжал в ножнах; 2 — тот же кинжал без ножен; 3 — лицевая и 4 — тыльная стороны ножен; 5 — боковой вид нижнего конца ножен.

К правому боку ножен прикреплена пластинка шириной в 2 см и длиной 10 см; вдоль нее посередине расположены четыре одинаковые, соприкасающиеся друг с другом, рельефно выделенные спирали, обрамленные с двух сторон продольным рельефным кантом, похожим на витой шнур.

Боковые края ножен, загнутые в тыльную сторону на 0,5 см, образуют почти по всей длине просвет в форме равнобедренного треугольника, высотой 24 см и с основанием в 4,5 см. Загнутые края в трех местах переходят в узкие, сходящиеся на середине пластинчатые полоски различной ширины, из которых самая верхняя обломана. Эти края и поперечные полоски служили, несомненно, для закрепления в просвете деревянной вставки.

Ножны покрыты зеленой патиной. В результате окисления поверхности некоторая часть орнамента частично разрушена.

Изучение орнамента на ножнах — треугольные углубления, изображения змей, спирали и др. — дает возможность отнести их к образцам колхидской бронзы. Такой вывод подкрепляется тем, что все указанные виды орнаментации встречаются в орнаментах и рисунках на топорах, кинжалах, поясных пряжках и на других изделиях колхидско-кобанской бронзы¹.

Изображенные на ножнах спирали и змея, по всей вероятности, имели религиозное, символическое значение.

На топорах колхидского (кобанского) типа часто встречаются подобные изображения, причем иногда находим фигуру человека, вооруженного луком и стрелой, который борется с семью змеями. Интерес этого изображения заключается в том, что оно связывается с народными сказаниями «о змееборцах», сохранившимися повсеместно в народных верованиях и литературе². У осетин, например, сохранилось «Сказание о змее-чудовище Руймоне, рожденном от оленя»³. Можно полагать, что спирали, украшающие ножны, являются символическими изображениями свернувшихся змей. Это не значит, что всегда спиральный орнамент можно принимать за символические изображения змея. Спирали применялись, конечно, и в качестве простого декоративного украшения.

Вопрос о датировке этой археологической находки в Абхазии может быть разрешен на основании типологического анализа. Тип оружия, к которому можно отнести найденный железный кинжал, в скифское время имел широкое распространение. В Грузии раскопками в 1944 г. Горийского музея у с. Двани Карельского р-на, в погребении № 2, встречен железный кинжал⁴, аналогичный описанному нами. В этом же погребении обнаружены: железный топор-молоток, бронзовые трехгранные наконечники стрел раннескифского типа. Последним погребение датируется концом VII или началом VI в. до н. э.

Железные кинжалы такого же типа обнаружены при археологических работах в Самтаврском могильнике около г. Мцхета.

В 1939 г. там в грунтовом погребении № 27 найден железный кинжал⁵, вполне сходный с нашим. Вместе с ним в погребении находился небольшой серповидный железный нож, железный топор с клиновидным обухом и двадцать бронзовых наконечников стрел скифского типа, часть которых имела боковой шип. Подобные железные кинжалы, к сожалению, еще не опубликованные, обнаружены и в других грунтовых погребениях Самтаврского могильника (раскопки А. Н. Каландадзе).

Железный кинжал, сходный с найденным в сел. Колхида, обнаружен и в Сухуми в 1951 г. в связи с земляными работами на Сухумской горе. Вместе с этим предметом здесь встречен длинный четырехгранный железный наконечник копья, железный топор типа секиры-молотка и другие вещи⁶, датируемые приблизительно V—III вв. до н. э.

За пределами Грузии оружие рассматриваемого типа хорошо известно из скифских погребений юга России. В. Гинтерс в работе о скифских и сарматских мечах в южной России⁷ датирует кинжалы интересующего нас

¹ Г. К. Ниорадзе. Археологические находки в селе Квишари. СА, XI, 1949, стр. 187, рис. 3; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, табл. IV, 4; V, 1; VIII, 2; XI, 1; XIV, 6; XIX, 4; XXXIX, 1.

² П. С. Уварова. Указ. соч., стр. 22.

³ Там же.

⁴ С. И. Макалатия. Раскопки Дванского могильника. СА, XI, 1949, стр. 225, рис. 4—1.

⁵ Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 308.

⁶ Находки хранятся в Гос. музее Абхазии им. Д. И. Гулаи.

⁷ W. Ginters. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. Vorgeschichtliche Forschungen. Bd. 2, ч. 1, Berlin. 1928.

типа (короткие мечи из Мельгуновского клада, Келермеса и Елизаветовской станицы в устье Дона) VI в. до н. э.

Особое внимание обращает на себя замечательный железный кинжал, обнаруженный в окрестностях гор. Вольска (близ Саратова), имеющий близкое сходство с гагрским¹.

Приведенные данные свидетельствуют, что еще в VI в. до н. э. кинжалы рассматриваемого типа, как колющее оружие ближнего боя, применялись на большой территории.

В интересующее нас время скифы Северного Кавказа значительную часть железа получали из Закавказья. Нередкие находки в Грузии железных кинжалов так называемого скифского типа дают основание ставить вопрос о местном производстве таких кинжалов. Вопрос же, на какой территории их начали изготавливать впервые, в Скифии или в Закавказье, нельзя считать пока решенным.

Находка в Абхазии железного кинжала в колхидских бронзовых ножнах — факт большой научной ценности. Она может служить ярким доказательством связей Кавказа со Скифией и имеет определенное значение для уточнения датировки памятников колхидско-кобанской бронзы позднейшего времени. Анализ абхазской находки дополняет выводы, обоснованные богатыми материалами Куланурхвинского могильника (Абхазская АССР)², где в одном культурном слое были обнаружены колхидские и «скифские» погребения с однотипным обрядом захоронения.

Находка в сел. Колхида и материалы Куланурхвинского могильника подкрепляют положение, высказанное Е. И. Крупновым³, о том, что основную массу колхидско-кобанского типа памятников Грузии и центральной части Северного Кавказа можно синхронизировать со скифским временем, т. е. VII—IV вв. до н. э.

---

¹ Н. В. Трубникова. Городецкие племена и связь их со скифами и сарматами КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 123, рис. 39.

² М. М. Трапш. Куланурхвинский древний могильник (автореферат к кандидатской диссертации). Сухуми, 1951, стр. 4—5 и 14.

³ Е. И. Крупнов. К вопросу о хронологии кобанской культуры. Уч. зап. Кабардинского н.-и. ин-та, т. I, Нальчик, 1946, стр. 158.

Ф. М. ЗАВЕРНЯЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ВОЗЛЕ ГОРОДА ПОЧЕПА

Летом 1952 г. на развееванной поверхности небольшого всхолмления в пойме правого берега р. Судость, к северу от г. Почепа Брянской обл. обнаружены следы селища начала нашей эры. К юго-востоку от него, на противоположном берегу реки, расположены остатки земляного оборонительного сооружения, называемого местным населением «Валы» и, судя по планировке, относящегося к сравнительно недавнему времени.

На поверхности селища встречаются черепки глиняных лепных и гончарных сосудов самых различных типов. Среди них особого внимания заслуживают фрагменты, относящиеся ко времени полей погребений. Керамика этой эпохи особенно много обнаружено в небольшом блюдообразном углублении в северо-восточной части селища. Здесь нами был заложен небольшой раскоп, которым вскрыты остатки жилища типа землянки, а рядом встречено большое количество железных шлаков, глиняные тигли (рис. 63—8, 9), различные металлические изделия (рис. 63—10—14) и множество фрагментов керамики.

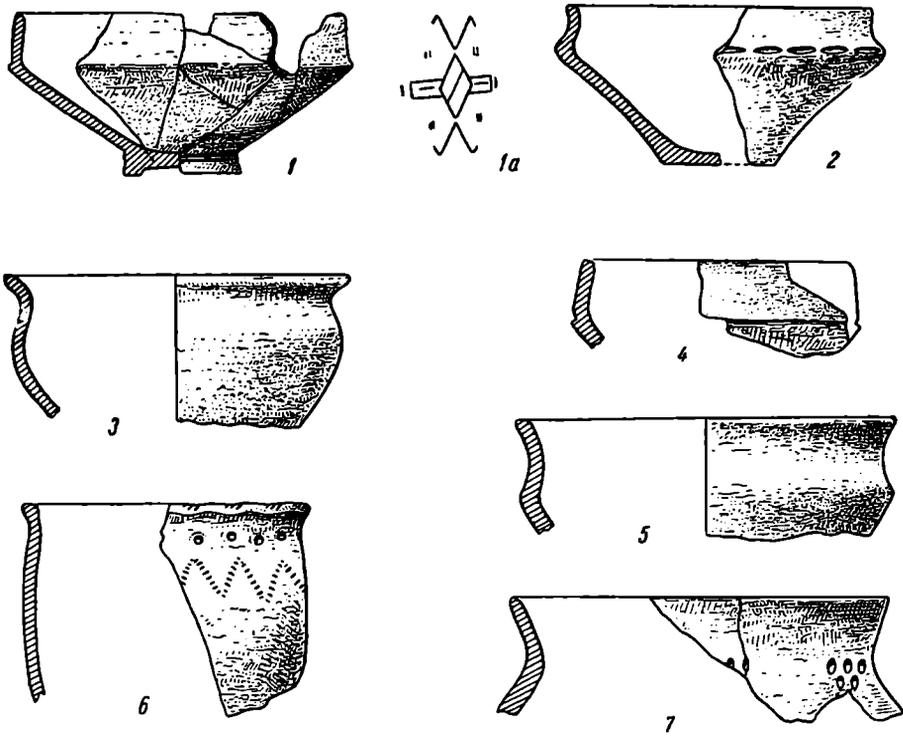
подавляющее большинство сосудов — лепные. Сделаны они из глины, содержащей значительные примеси дресвы. Часть лепных сосудов отличается тщательностью выделки. Поверхность у них лощеная, черного, коричневого и серого цвета (рис. 63—2—5). Излом бока одной из лепных мисок покрыт овальными фасетками (рис. 63—2). Большинство же лепной керамики грубее по выделке; поверхность не лощеная, бугристая, коричневого цвета. В отличие от лощеных, многие из этих сосудов покрыты орнаментом, чаще всего косой насечкой по краю венчика или же ногтевыми углублениями у основания шейки (рис. 63—7). Изредка встречаются сосуды, орнаментированные более сложно: круглые вдавления у основания шейки сочетаются с веревочными вдавлениями по плечикам и по краю венчика (рис. 63—6). Гончарных сосудов сравнительно немного. Среди них обращает на себя внимание чернолощенная миска (рис. 63—1, 1а), на внутренней стороне дна которой процарапано своеобразное клеймо.

В целом все сосуды однотипны найденным в последние годы на поселениях и могильниках полей погребений Верхнего Приднепровья¹.

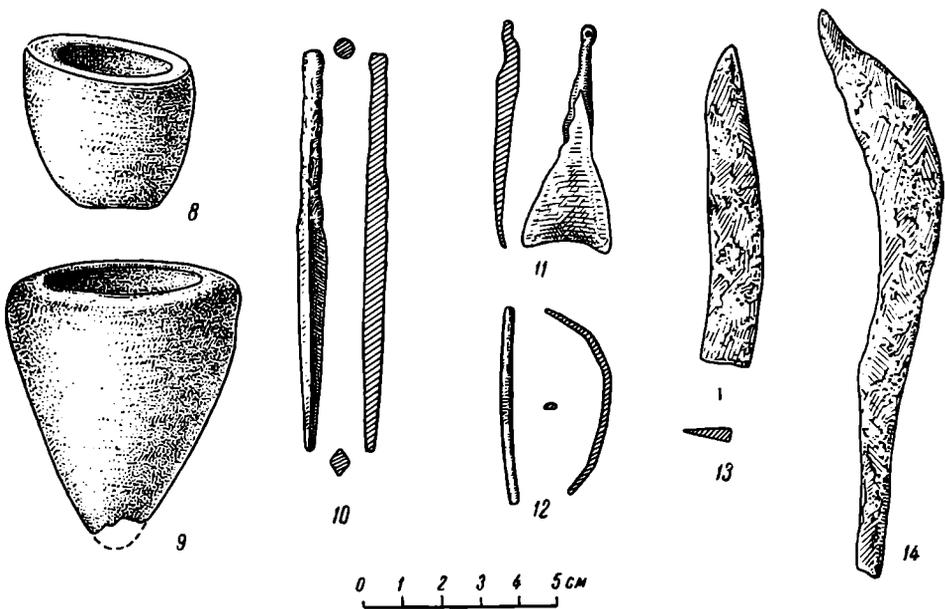
На площади селища у г. Почепа встречены также фрагменты глиняных сосудов, характерных для юхновской и роменской культур.

Аналогичные Почепскому селища обнаружены нами еще в двух пунктах. Одно из них находится рядом с Почепским, на противоположном берегу р. Судость, другое у с. Городища Брянского р-на.

¹ См. статью Ю. В. Кухаренко в настоящем выпуске КСИИМК.

0 2 4 6 8 10 см

0 1 2 3 4 5 см

Рис. 63. Вещи, найденные на селище у г. Почапа:

1 — глиняная миска и 1-а — клеймо, продарпанное на внутренней стороне ее дна; 2—7—глиняные сосуды; 8, 9 — глиняные тигли; 10— железное шило; 11 — бронзовая поделка неизвестного назначения; 12— обломок бронзового браслета; 13, 14 — железные серпы.

В. С. ЕРОХИН

ЩИГРОВСКИЙ КЛАД

В мае 1952 г. в Рязанский краеведческий музей поступил клад, состоящий из 35 серебряных гривен (слитков), двух серебряных чаш (фиал) и серебряного ковша, общим весом 7,119 кг.

Обстоятельства, при которых обнаружена эта интересная находка, таковы. Ученик Щигровской школы Мервинского р-на Рязанской обл., Виктор Воробьев, проходя со своими сверстниками по берегу речки Казари (рис. 64), в 1,5 км к югу от д. Щигрово, заметил на пашне, в борозде, проделанной трактором, металлический предмет, оказавшийся крышкой небольшого котла из красной меди. В котле находились завернутые в бересту предметы клада. Все вещи были в хорошем состоянии. На рисунках чаш и ковша сохранилась позолота. Серебряные сосуды представляют большой интерес в историческом и художественном отношении.

Чаша (рис. 65—1) имеет позолоченный ободок с растительным орнаментом. На дне ее, с внутренней стороны, чеканным способом изображен стилизованный лев с человеческой головой; вокруг льва растительный орнамент.

Диаметр чаши 10,5 см, высота 3,5 см, вес. 101 г.

На дне второй чаши (рис. 65—2), также с внутренней стороны, изображен грифон с лапами зверя и повернутой назад головой, с клювом хищной птицы. Диаметр чаши 10,5 см, высота 4 см, вес 118 г.

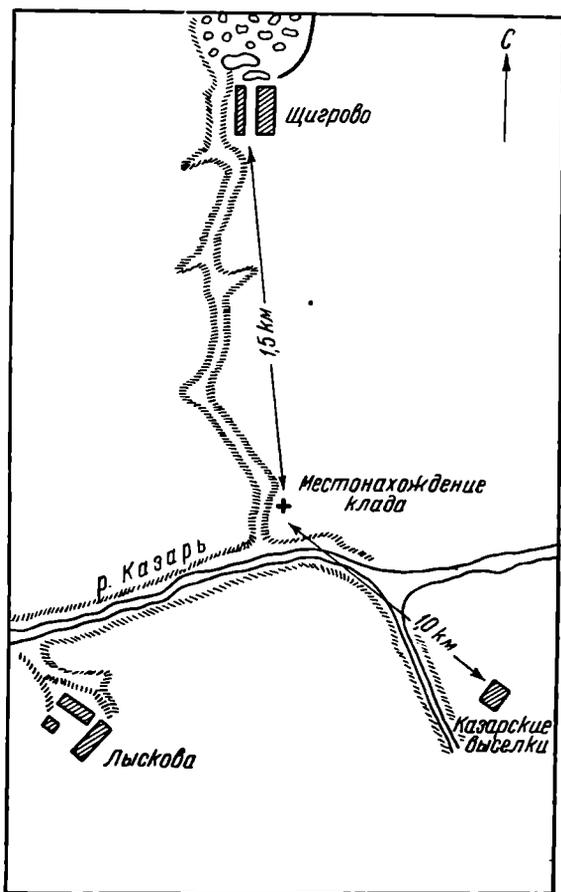

Рис. 64. Местонахождение Щигровского клада

На ковше (рис. 66), как и на первой чаше, имеется позолоченный ободок растительного орнамента. По краям верхней поверхности ручки ковша — чеканный линейчатый рисунок с позолотой, на конце ручки выбито лицо человека с открытым ртом. Диаметр ковша 9,5 см, высота 4,5 см, вес 106 г.

Гривны (рис. 67—1) имеют вид продолговатых палочек. На многих из них — нарезные поперечные или косые линии. На одной выбито клеймо с непонятными знаками. Часть гривен испещрена какими-то значками, в виде букв.

Рис. 65. Серебряная чаша с растительным орнаментом по ободку (1) и серебряная чаша с изображением грифона (2) из Щигровского клада. (2/5 в. в.)

Котел, в котором хранились все вещи клада, клепаный, из красной меди, плоскодонный, одна сторона его уплощена, другая цилиндрическая (рис. 67—2). На боках сохранились остатки железных заклепок от ушек дужки. Сохранность котла, по сравнению с вещами, находившимися в нем, плохая. Вследствие сильного окисления крышка его распалась на отдельные части, на дне и боках образовались отверстия. Котел имеет неровные размеры по краю: 21,5 см и 10 см. Высота его 16 см.

Научный сотрудник музея М. М. Аксенов, выезжавший на место находки клада, установил, что яма, где найден клад, была глубиной в 0,5 м. Никаких следов поселения или жилища на месте находки и вокруг обнаружено не было.

Можно предполагать, что котел с денежными гривнами и дорогой серебряной посудой был зарыт в 1237 г. во время нашествия Батыя на Рязань.

скую землю. Растительный орнамент на ободках одной из чаш (рис. 65—1) и ковша характерен именно для XIII в.

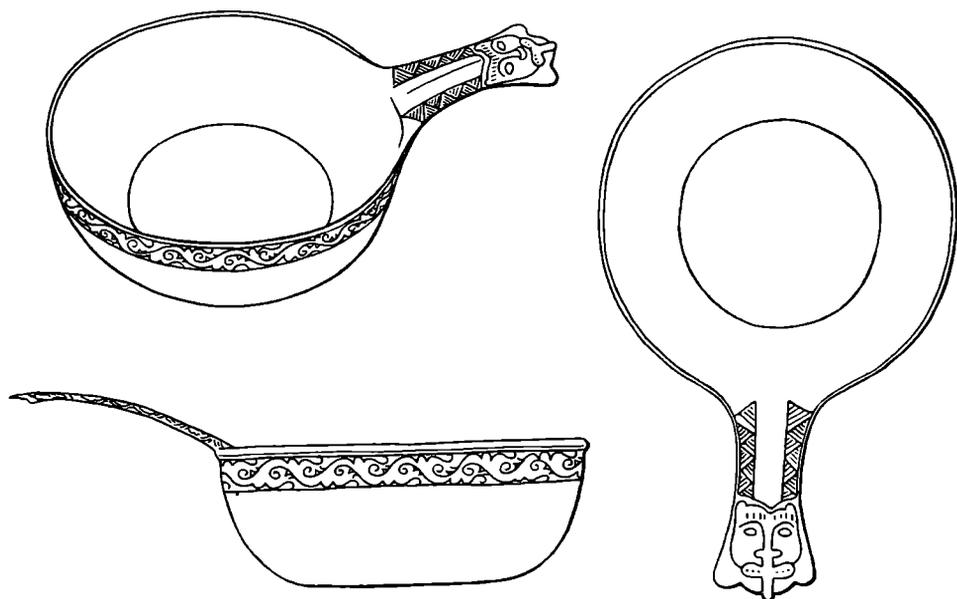

Рис. 66. Серебряный ковш из Щигровского клада. (2/5 н. в.)

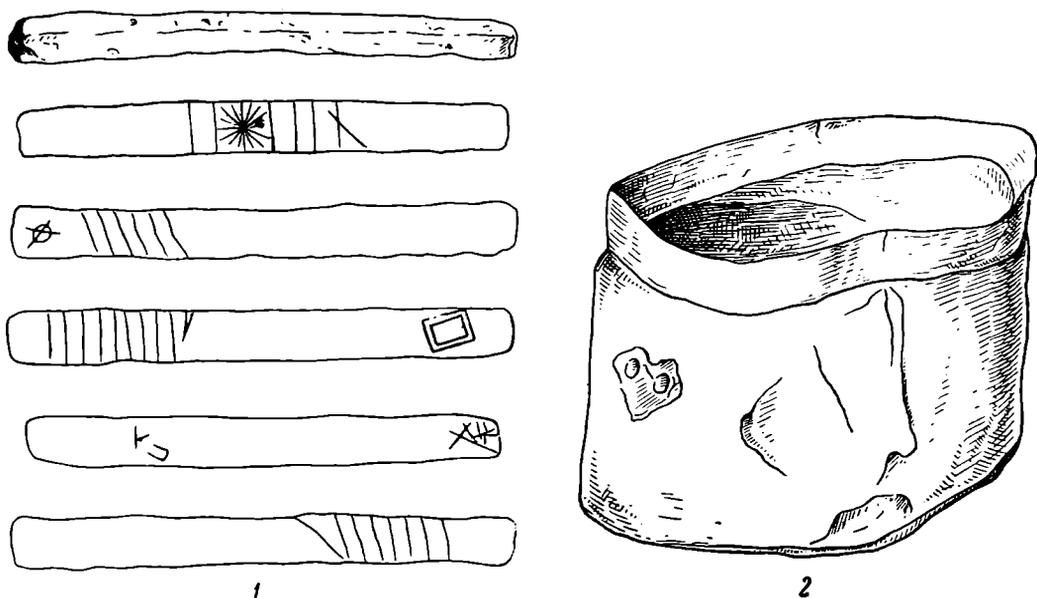

Рис. 67. Серебряные денежные гривны с нарезками и другими знаками (1); медный котел (1/4 н. в.), в котором хранились вещи Щигровского клада (2).

Несомненно, что детальное изучение этого исключительно ценного для истории Руси клада уточнит его датировку, выяснит значение знаков и рисунков на гривнах.

В. Л. ЯНИН

РЕДЧАЙШИЙ ПАМЯТНИК МОСКОВСКОЙ СФРАГИСТИКИ
XIV ВЕКА

Среди свинцовых вислых печатей Дмитрия Ивановича Донского одна обращает на себя внимание необычностью композиции лицевой стороны. Она очень резко отличается от обычных типов металлических печатей московских великих князей XIV в., содержащих на одной стороне строчную надпись о принадлежности печати тому или иному князю, а на другой — изображение святого, покровителя князя.

Первый экземпляр этой печати стал известным благодаря изданию его А. В. Орешниковым в 1903 г.¹ Воспроизведенная А. В. Орешниковым печать была частично фрагментирована, и ее надписи не читались полностью. В статье содержится следующее описание находки: «На лицевой стороне изображена впрямь бородатая голова человека с длинными волосами, в короне о трех шипах; круговая надпись не отчеканилась вполне; уцелевшие буквы между двумя линейными ободками не позволяют разгадать смысла надписи. На оборотной стороне пять строк надписи: ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЗА ДМІТРІА². ВАНОВ... (рис. 68—1). Печать происходит из коллекций И. И. Толстого. Место ее находки неизвестно.

После издания А. В. Орешниковым описанной печати сфрагистика обогатилась находкой еще двух экземпляров подобных печатей. Обе они воспроизведены Н. П. Лихачевым³. Наложение прорисей всех трех экземпляров позволяет утверждать, что все они оттиснуты одним буллотирием. Из новых экземпляров один отличается хорошей сохранностью, хотя круговая надпись на нем также фрагментирована. От другого сохранилась половина, которая читается неудовлетворительно из-за механических повреждений.

Оба экземпляра дают возможность более полного восстановления надписей. Обломок (рис. 68—3) уточняет легенду оборотной стороны. «И» в слове «великого» дано восьмеричным, а не десятиричным, как казалось А. В. Орешникову. Наибольшую ценность представляет целый экземпляр, воспроизведенный Н. П. Лихачевым (рис. 68—2). К надписи оборотной стороны он добавляет десятиричное «и» в начале слова «Ивановича». Круговая легенда лицевой стороны сохранилась на нем в следующем виде: ВСЕ САМН ... Наложение прорисей экземпляра Н. П. Лихачева и опубликовано

¹ А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике. Тр. Моск. нумизмат. об-ва, т. III, М., 1903, стр. 126, табл. II, рис. 9. Фотография печати имеется также в книге: С. П. Бартенева. Московский кремль в старину и теперь. Кн. II, М., 1912, стр. 48, рис. 91.

² Знаком А заменено отсутствующее в наборе йотированное А.

³ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XXXV, рис. 3, 4.

ного А. В. Орешниковым, показывает, что из всей круговой легенды не восстанавливается лишь разрыв между буквой «и», которой заканчивается читаемый отрывок надписи лихачевского экземпляра, и буквой «е», которой начинается отрывок надписи экземпляра А. В. Орешникова. Этот разрыв настолько мал, что может быть заполнен только одной буквой: ВСЕ САМН. ЕТЬ. Подбирая последовательно все буквы алфавита, легко убедиться, что лишь одна буква «н» позволяет построить вполне осмысленную фразу: ВСЕ САМННЕТЬ, где СА является возвратной частицей (см. реконструкцию печати, рис. 68—4).

А. В. Арциховский помог разгадать связь надписи с изображением на печати, припомнив следующее место из рассказа А. П. Чехова «Моя жизнь»: «У царя Давида было кольцо с надписью «все проходит»¹. Близкую аналогию изречению «все ся минеть» удалось отыскать в 101-м псалме

Рис. 68. Печати Дмитрия Донского с изображением царя Давида (1—3) и их реконструкция (4).

Давида в следующем контексте: «...и вся яко риза, обветшают и, яко одежду, свиешь их, и изменятся»². Цитата взята из псалтири нового перевода, но она вполне соответствует переводам XIII и XIV вв. псалтирей рукописного отдела ГИМ. Очевидно, изречение на печати заимствовано не непосредственно из библии, где употреблен другой глагол, а является одним из ходячих выражений, приписываемых библейским пророкам.

Голова, изображенная на печати, может быть только царской, так как в короне в древней Руси изображались лишь цари, в отличие от князей, которым была присвоена княжеская шапка. Форма короны соответствует зубчатым венцам царей на миниатюрах XVI в. В частности, в таком венце изображен царь Давид в миниатюрах жития Сергия Радонежского³. Аналогия короне имеется на фреске Ковалевской церкви под Новгородом

¹ А. П. Чехов. Соч., т. IV, М., 1948, стр. 182.

² Пользуюсь случаем выразить благодарность А. В. Арциховскому, Р. Ю. Випперу и М. В. Щепкиной за помощь в установлении авторства разбираемого изречения.

³ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник М., 1944, стр. 194.

(1380 г.)¹. По связи с изречением изображение на печати можно приписывать царю Давиду. В этом убеждают и отдельные детали. Царь Соломон изображался более молодым, другим же канонизированным царям нельзя отнести приведенное изречение. Отсутствие нимба не должно смущать, поскольку изображения святых без нимба известны и среди русских сфрагистических памятников. Можно указать печать XII—XIII вв. с изображением царя Константина, найденную в Новгороде на Городище в 1950 г.², где Константин изображен также без нимба.

Издавая первый экземпляр печати, А. В. Орешников отметил своеобразный ее характер и необычайный рельеф лицевой стороны. Особенности печати заставили его склониться к предположению о подражании какому-то западному образцу. Это мнение вряд ли можно принять. Хотя печать исключительно своеобразна, однако аналогии ей имеются среди очень близких памятников того времени, если не сфрагистических, то нумизматических. Сфрагистика и нумизматика вообще очень близки, что отражается в первую очередь в единстве обычных легенд на монетах и московских печатях XIV в. («Печать великого князя»). В данном случае именно близостью нумизматики и сфрагистики можно объяснить появление на публикуемой печати круговой надписи, не свойственной памятникам русской сфрагистики. Аналогии с круговыми легендами западноевропейских печатей слишком отдаленны. Что касается самого изображения, то ему можно найти детальнейшие аналогии на монетах XIV — начала XV в. В качестве примера следует указать на монеты великого князя Тверского Ивана Михайловича (1399—1425 гг.)³. Вряд ли изображения тверских монет копируют московскую печать Дмитрия. Скорее оба изображения восходят к общему каноническому образцу. Необычность рельефа лицевой стороны печати также нельзя объяснить заимствованием западного образца. Изображение головы царя Давида на печати Дмитрия — самое крупное изображение человеческой головы на русских печатях. Высота рельефа на ней вполне соответствует величине изображения.

Что касается датировки печати, то нет никаких данных для ее уточнения в пределах великого княжения Дмитрия Ивановича (1362—1389). В обоих изданиях «Материалов для библиографии русских печатей XI—XV вв.» А. С. Орлов датировал ее 1359—1392 гг.⁴. Никаких оснований для расширения датировки за пределы великого княжения Дмитрия и тем более для предположения о возможности употребления ее после смерти Дмитрия (1389) не приведено. Возможно, в датировку печати А. С. Орловым вкралась неточность, повторенная в посмертном издании его работы.

Публикуемая печать — уникальнейшая в русской сфрагистике, для которой употребление религиозных изречений и девизов не было известно. Кроме того, она чрезвычайно интересна и для характеристики Дмитрия Донского.

¹ В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, табл. 27.

² Новгородский музей, инв. № 11882.

³ А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, № 93—96.

⁴ А. С. Орлов. Материалы для библиографии русских печатей XI—XV вв. до 1425 г. Вспомогательные исторические дисциплины. М.—Л., 1937, стр. 274; Библиография русских надписей XI—XV вв., М.—Л., 1952, стр. 208.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС — Археологический съезд

БАН — Белорусская Академия наук

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры

ГИМ — Государственный исторический музей

ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения

ЗООИД — Записки Одесского общества любителей истории и древностей

ЗОРСА РАО — Записки отделения славяно-русской археологии Русского археологического общества

ЗРАО — Записки Русского археологического общества

ИАК — Известия Археологической комиссии

КСИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР

КПИ ИИМК — Комитет полевых исследований Института истории материальной культуры

МАО — Московское археологическое общество

МГУ — Московский ордена Ленина государственный университет им. М. В. Ломоносова.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

СА — Советская археология

СЭ — Советская этнография

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ	Стр.
<i>Х. А. Моора.</i> Археологические памятники I—IV вв. в Прибалтике.	3
<i>М. Ю. Брайчевский и Д. Т. Березовец.</i> К истории древнеславянского ювелирного ремесла	23
<i>С. С. Черников.</i> Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане.	29
II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>А. Ф. Дубынин.</i> Ковровский фатьяновский могильник	50
<i>П. Д. Степанов.</i> Фатьяновские поселения в Западном Поволжье	55
<i>А. А. Иссен.</i> Раскопки курганов на Дону в 1951 году	61
<i>Ю. В. Кухаренко.</i> Могильники полей погребений в Верхнем Приднепровье (по данным раскопок 1951—1952 гг.)	80
<i>Б. А. Тимошук.</i> Славянские поселения IX—X вв. на территории Северной Буковины	86
<i>Т. Н. Никольская.</i> Археологические исследования в Орловской области.	91
<i>В. В. Седов.</i> Новые данные о языческом святилище Перуна (по раскопкам Новгородской экспедиции 1952 г.)	105
<i>А. Л. Якобсон.</i> Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты (близ Гурзуфа)	109
III. МЕТОДИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
<i>С. С. Сорокин.</i> О некоторых приемах нивелирования при археологических раскопках	121
<i>А. В. Кирьянов.</i> Обработка берестяных грамот. (Опыт работы полевой лаборатории Новгородской археологической экспедиции)	127
<i>М. Н. Кислов.</i> Способ прорисовки берестяных грамот и деревянных резных вещей.	131
IV. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ	
<i>А. А. Формозов.</i> Неолитическая керамика Нижнего Подонья	134
<i>М. М. Трапш.</i> Новая археологическая находка в Абхазии	139
<i>Ф. М. Заверняев.</i> Археологические находки возле города Почепа	143
<i>В. С. Ерохин.</i> Шигровский клад	145
<i>В. Л. Янин.</i> Редчайший памятник московской сфрагистики XIV века	148
Список сокращений	151

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР

Редактор издательства *М. Г. Воробьева*   Технический редактор *Е. Д. Гракова*
Корректор *В. В. Покровская*

РИСО АН СССР № 6455В. Т—01764. Издат. № 255. Тип. заказ № 1945. Подп. к печ. 27/II 1954 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. № 4,75. Печ. л. 13,01 Уч.-издат. 13 Тираж 800.

Цена по прейскуранту 1952 г. 7 р. 80 к

О п е ч а т к и

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
25	3 сн.	1, 3	1—3
26	Подпись под рис. 14 2 сн.	астырский	(Пастырский
71	2 сн.	ямыкенотафа	ямы кенотафа
84	1 сн.	Боровинский	Воронинский
91	11 сн.	Мошинское	Мошинское